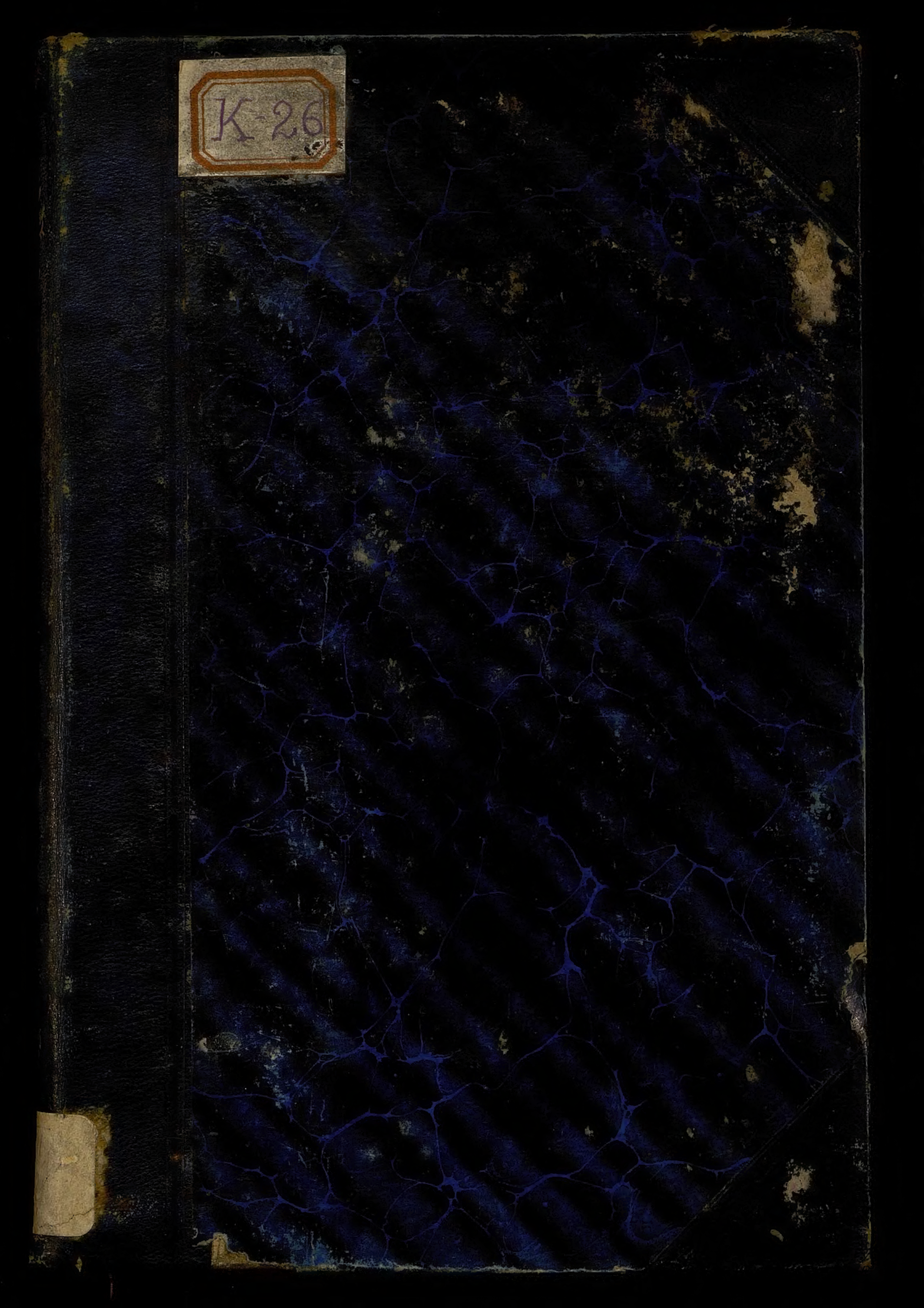

K-26

+

Егору Егоровичу Замысловскому на добрую память отъ автора

12 дек. 89 г.

ВЪ ЗАЩИТУ
БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

сочиненіе

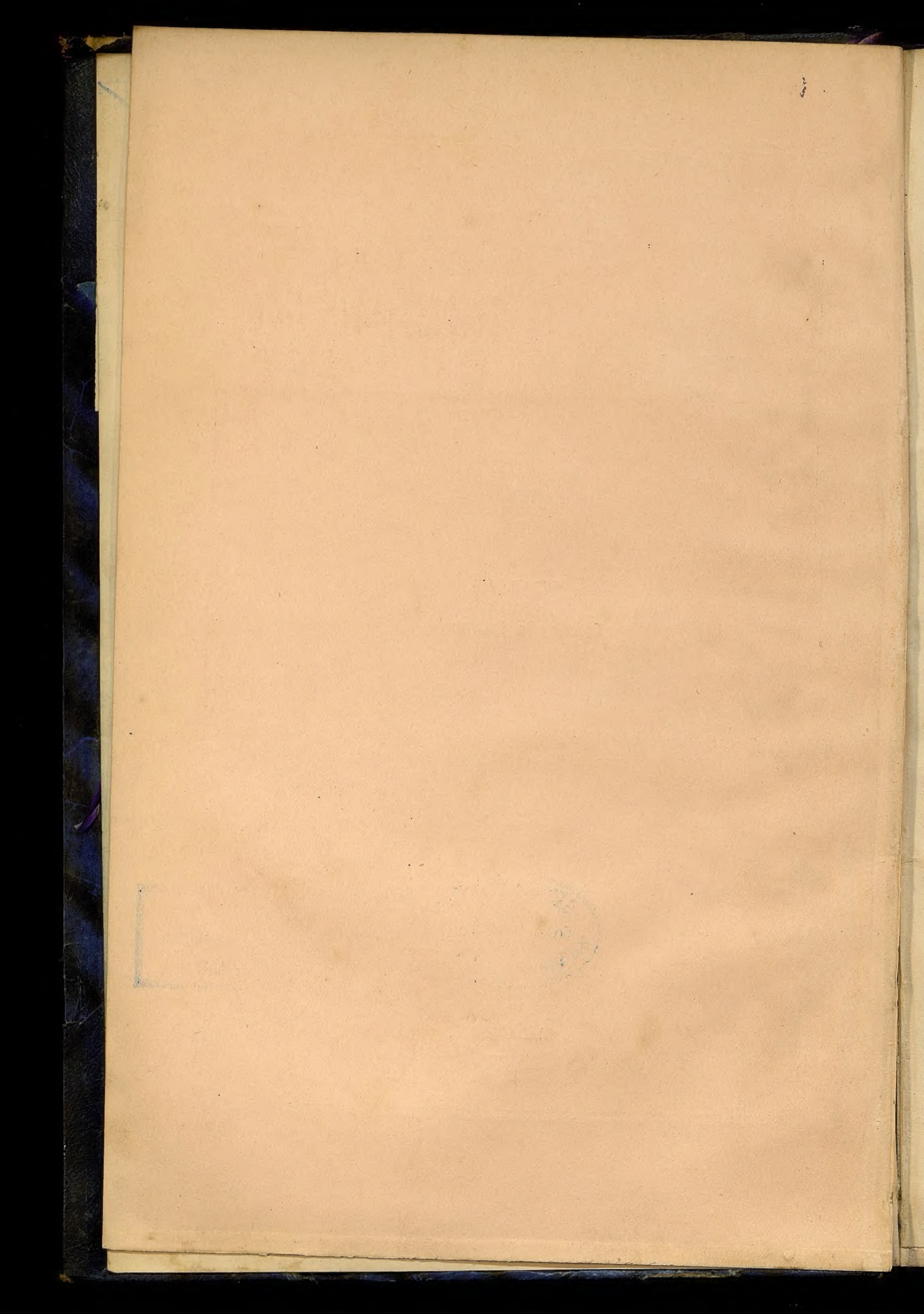
Геннадія Карпова.

Историко-критическія Объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши».

МОСКВА.

1890.

ВЪ ЗАЩИТУ
БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

сочинение

Геннадія Карпова.

Историко-критическія Объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши».

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшемъ 12 мая 1887 года, на которомъ я по совершенно случайнымъ причинамъ не присутствовалъ и о томъ, что представленное въ Общество сочиненіи г. Кулиша, ничего не зналъ, было между прочимъ постановлено: „просить Г. Ѳ. Карпова разсмотрѣть сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ представленное въ Общество для напечатанія въ „Чтеніяхъ“ и дать мнѣніе объ его научной цѣнности“. По прочтеніи въ рукописи перваго тома этого сочиненія я высказался за его печатаніе въ „Чтеніяхъ“; къ тому же отказъ съ моей стороны, въ настоящее время, напечатать талантливое сочиненіе г. Кулиша былъ бы выставленъ местію, гоненіемъ, а авторъ—мученикомъ идеи. Вообще же редакція „Чтеній“ нашла возможнымъ напечатать настоящій трудъ г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ на томъ основаніи, что оно какъ изслѣдованіе въ предѣлахъ находившихся у автора подъ руками источниковъ и пособій, составлено, по его убѣжденію, добросовѣстно; за выводы же изъ этихъ изслѣдованій, изъ уваженія къ свободѣ науки, отвѣчаетъ авторъ и редакція съ его историко - политическими взглядами себя не объединяетъ; къ тому же и ереси подобаетъ вѣдать.

Что касается источниковъ и пособій, на основаніи которыхъ составилъ свое сочиненіе г. Кулишъ, то я нахожу нужнымъ высказать здѣсь слѣдующія отъ себя замѣчанія. Въ русской исторической литературѣ за послѣдніе тридцать лѣтъ встрѣчалось часто такое злоупотребленіе: авторъ наполнитъ свое сочиненіе безчисленными ссылками или предпошлетъ въ предисловіи безконечный реестръ источниковъ и пособій, по которымъ будто бы составлено его сочиненіе; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что авторъ многихъ изъ нихъ не

только не читалъ, но и не могъ читать; при этомъ часто случалось, что въ этотъ реестръ источниковъ и пособій были занесены такія, которымъ тамъ и не слѣдуетъ быть. Подобный пріемъ вѣроятно имѣетъ цѣлію поразить ученостію людей несвѣдущихъ: кто-молъ попробуетъ провѣрить? Сочиненіе г. Кулиша въ этомъ отношеніи является противоположною крайностію: въ немъ почти не встрѣчается ссылокъ. Кромѣ того, при чтеніи втораго тома этого сочиненія, лица знакомыя съ источниками и литературою предмета, встрѣтили еще такую странность: нѣкоторые выводы, которые г. Кулишъ выдаетъ за свои, какъ ученую новость, давно уже извѣстны. Поэтому редакція „Чтеній" обратилась къ П. А. Кулишу за разъясненіемъ и препроводила къ нему одно изъ моихъ сочиненій „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго", прося сообщить, извѣстно ли ему это сочиненіе. Въ отвѣтъ на это г. Кулишъ изъ деревни, изъ Черниговской губерніи, гдѣ онъ теперь почти безъисходно жительствуетъ, прислалъ въ редакцію „Примѣчаніе", прося, во избѣжаніе недоразумѣній, напечатать его при второмъ томѣ своего сочиненія. Вотъ это примѣчаніе:

„Въ 1873 году вышло въ Москвѣ историко-критическое изслѣдованіе г. Геннадія Карпова подъ заглавіемъ „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго". Какъ я разминулся съ этой книгой, это я могъ бы объяснить только біографически. Получивъ теперь ее отъ редакціи „Чтеній", я увидѣлъ, что мы, не будучи знакомы съ почтеннымъ ея авторомъ, пришли во многомъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Историко-критическое изслѣдованіе Г. Ѳ. Карпова представляетъ важный для чести русской исторіографіи шагъ къ освобожденію отъ сказочности, которою преисполнены Костомаровскія изображенія Хмельнитчины. Особеннаго вниманія и благодарности историка заслуживаетъ его весьма прилежное и проницательное разсмотрѣніе малороссійскихъ лѣтописцевъ".

Изъ дальнѣйшей переписки съ г. Кулишомъ выяснилось, что онъ въ деревенскомъ уединеніи работаетъ при помощи только давнишнихъ своихъ архивныхъ выписокъ и своей библіотеки, большая часть которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибла въ пожарѣ; вотъ, кажется, отчасти извинительная причина отсутствія въ его сочиненіи необходимыхъ ссылокъ на источники и пособія. Что касается того, на сколько г. Кулишъ вообще „въ курсѣ дѣла" къ изданнымъ русскимъ источникамъ, относящимся къ исторіи Малороссіи, то оказывается, что, напримѣръ, у него имѣется только III-й томъ актовъ Южной и Запад-

ной Россіи, изданный подъ его и г. Костомарова редакціей въ 1861 г. Этотъ томъ по содержанію относится ко времени Богдана Хмельницкаго, но въ немъ пропущены редакторами полностію акты, относящіеся къ 1654—55 годамъ; въ настоящее же время Актовъ Южной и Западной Россіи издано уже четырнадцать томовъ и въ томъ числѣ нѣкоторые изъ нихъ относятся непосредственно ко времени Богдана Хмельницкаго какъ до 1653 года, такъ и къ послѣдующимъ годамъ. Этимъ-то почти полнымъ незнакомствомъ или невозможностію познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ послѣднее время въ Россіи (въ Петербургѣ и Москвѣ) для исторіи Малороссіи, также объясняются многіе научные недостатки сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши".

По отношенію къ польскимъ источникамъ, касающихся эпохи Богдана Хмельницкаго, г. Кулишъ находится, кажется, „въ курсѣ дѣла"; во всякомъ случаѣ въ русской литературѣ такія талантливыя описанія аристократической жизни польскаго общества конца XVI и первой половины XVII вѣка рѣдко встрѣчаются: идеалы этого общества, его ничтожество, пошлость и т. п. изображены г. Кулишомъ превосходно. Интеллигентный малороссъ всегда ближе къ польскому шляхетскому обществу, чѣмъ къ московскому-великороссійскому; его даже можно считать членомъ перваго. Никто лучше не зналъ польскаго аристократическаго общества (ужь очень тамъ хорошо живется), какъ страшный губитель шляхты—Богданъ Хмельницкій. Дѣло въ томъ, что онъ до старости всѣми помыслами души стремился сдѣлаться членомъ этого общества, но былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ; въ этомъ отношеніи польская аристократія купила себѣ горе да на свои гроши. Г. Кулишъ знаетъ польское аристократическое общество пожалуй не хуже Богдана Хмельницкаго.

Наконецъ, слѣдовало бы сказать объ отношеніи г. Кулиша къ малороссійскимъ источникамъ для исторіи Богдана Хмельницкаго, напримѣръ, къ малороссійскимъ архивамъ (ну хоть къ архиву гетмановъ, о которомъ во время оно толковали); но такихъ архивовъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, да пожалуй и не было. Есть однако малороссійскіе источники для исторіи Богдана Хмельницкаго—во-первыхъ, народныя пѣсни; но къ нимъ слѣдуетъ относиться, и по сознанію самого г. Кулиша, съ особенною осторожностію, потому что большинство изъ нихъ сочинено въ позднѣйшее и даже въ наше время. За симъ, во-вторыхъ, рядъ малороссійскихъ историческихъ повѣствованій, которыя прежде называли даже лѣтописями; но это все такія повѣствованія, которыя, какъ источники исторіи, положительно не заслуживаютъ ника-

кого вниманія историка, за исключеніемъ одного повѣствованія—это, такъ называемая, Лѣтопись Самовидца. Открытіе и изданіе Лѣтописи Самовидца (издана въ первый разъ въ Чтеніяхъ нашего Общества въ 1846 году) принадлежитъ г. Кулишу и составляетъ его дѣйствительную ученую славу.

Въ одномъ изъ писемъ къ намъ г. Кулишъ говоритъ, что его взглядъ на личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго „радикально противоположенъ принятому прежде воззрѣнію". Совершенно справедливо; но въ послѣдчія тридцать лѣтъ высказана такая масса радикально противоположнаго прежде принятымъ мнѣніямъ, что насъ теперь положительно ничѣмъ не удивишь. Въ виду талантливаго изложенія этихъ будто бы новыхъ мнѣній г. Кулиша слѣдующія наши Объясненія будутъ имѣть своимъ содержаніемъ „защиту Богдана Хмельницкаго" по поводу взводимыхъ на него всевозможныхъ преступленій.

II.

Характеристика сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ и нѣкоторыя характеристики Богдана Хмельницкаго, какъ историческаго дѣятеля.

За послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ въ литературѣ по исторіи Малороссіи вновь напущено столько туману, что является необходимость, сколько возможно, разсѣять эти новыя выдумки. Изданное теперь обширное сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ (около 1200 страницъ самой убористой печати) даетъ наилучшій поводъ приступить къ этому дѣлу: оно при талантливомъ, общедоступномъ и даже иногда блестящемъ изложеніи, кажется, совмѣщаетъ въ себѣ весь этотъ туманъ. Чтобы написать подобное сочиненіе, при всѣхъ литературныхъ дарованіяхъ г. Кулиша и извѣстномъ знаніи имъ предмета, все таки требовались не мѣсяцы, а годы; поэтому естественно предполагать прежде всего, что основная мысль сочиненія (лично ли автору она принадлежитъ, или заимствована у другаго) обдумана и вполнѣ сознательно изложена; это ужъ одно заслуживаетъ вниманія критиковъ. Конечно, мы не беремъ на себя обязанностей говорить обо всемъ, что встрѣчается новаго въ сочиненіи г. Кулиша по исторіи Малороссіи; такая задача была бы можетъ быть внѣ предѣловъ нашихъ силъ: въ сочиненіи г. Кулиша масса всевозможныхъ будто бы новыхъ открытій и научныхъ выводовъ. Воображеніе г. Кулиша и его фантазія поразительны; его жажда къ переворотамъ въ наукѣ положительно подавляетъ читателя; все это представляетъ богатѣйшій матеріалъ не только для журнальной полемики и критики, но и дѣйствительно даетъ поводъ къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Послѣднее необходимо прежде всего для того, чтобы поставить многое на прежнее мѣсто, такъ какъ г. Кулишъ, „ничтоже сумняся“, кажется, все по исторіи Малороссіи вывернулъ на изнанку или поставилъ вверхъ ногами. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ представляетъ, съ отрицательной стороны, круп-

ное научное значеніе; но, къ прискорбію, появленіе на свѣтъ подобныхъ сочиненій возбуждаетъ страсти и мѣшаетъ спокойному обсужденію и разработкѣ научныхъ вопросовъ.

Такъ называемая газетная журнальная полемика противъ г. Кулиша, намъ кажется, для самаго дѣла будетъ почти что безполезна, потому что онъ самъ настолько блестящій мастеръ слова, что отпишется отъ чего угодно великолѣпнѣйшимъ образомъ. Здѣсь не слѣдуетъ забывать извѣстную способность г. Кулиша мѣнять свои убѣжденія и пріискивать оправданіе этихъ перемѣнъ; на самомъ дѣлѣ это ему ничего не стоитъ: какъ талантливые адвокаты могутъ говорить на какую угодно тему, такъ точно и г. Кулишъ можетъ объ одномъ и томъ же предметѣ писать тоже на всякую тему. Смотря по времени и обстоятельствамъ, какъ онъ ихъ самъ понимаетъ, или дѣйствительно увлекшись какой-нибудь блеснувшей въ его головѣ идеей, г. Кулишъ нынче хвалитъ Богдана Хмельницкаго и запорожскихъ козаковъ, а завтра ругаетъ; но принимая во вниманіе литературный талантъ и изложеніе доступное для лицъ совершенно неподготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ книгъ,—къ разнообразнымъ адвокатскимъ его затѣямъ относиться съ пренебреженіемъ никакъ нельзя. Въ отвѣтахъ на газетную полемику у г. Кулиша вѣроятно главная опора будетъ та, что я-де ученый и пишу изслѣдованія такъ или иначе по источникамъ, такъ и опровергайте меня такимъ же изслѣдованіями по источникамъ. Поэтому мы надѣемся, что сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малоросіи отъ Польши“ вызоветъ разнообразныя изслѣдованія. Мы же теперь въ своихъ „Объясненіяхъ“ беремъ на себя обязанность говорить только о Богданѣ Хмельницкомъ, да и то лишь объ извѣстныхъ выдающихся сторонахъ его исторической дѣятельности.

—

Какъ мы уже указали, г. Кулишъ заявляетъ, что его теперешній взглядъ на личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго „радикально противуположенъ принятому прежде воззрѣнію“. Поэтому мы начнемъ прямо съ характеристикъ, какія давались въ разныя времена какъ лично Богдану Хмельницкому, такъ и дѣлу, совершившемуся при его посредствѣ въ юго-западной Россіи. Въ настоящемъ „Объясненіи“ мы приводимъ изъ нихъ только нѣкоторыя, сопоставивши ихъ съ характеристикою, какою угодно было наградить г. Кулишу знаменитаго освободителя Малороссіи отъ польской власти.

Двѣсти сорокъ лѣтъ тому назадъ, послѣ перваго года своего возстанія противъ Рѣчи Посполитой въѣзжалъ въ Кіевъ Богданъ Хмельницкій; кіевскіе ученые и школьники привѣтствовали его тогда рѣчами, въ которыхъ величали освободителя родины Богомъ даннымъ Моисеемъ, выведшимъ свой малороссійскій народъ изъ работы лядскія и т. п. Тогда дѣло Богдана Хмельницкаго только что начиналось; ему только удалось очистить Малороссію отъ польской власти, но что изъ всего этого должно было выйти, каковы должны быть дѣйствительные результаты удачнаго покуда возстанія, — этого еще ничего не было видно. Теперь, когда дѣло Богдана Хмельницкаго совершенно выяснилось, то мы увѣрены, что если бы тогдашніе кіевскіе ораторы возстали изъ гробовъ, то сравнили бы козацкаго Батьку съ другимъ великимъ пророкомъ, съ Предтечей спасенія рода человѣческаго, и говорили бы о немъ такими словами: „былъ человѣкъ посланный малороссіанамъ отъ Бога, а имя ему Богданъ; онъ приходилъ свидѣтельствовать о свѣтѣ, дабы всѣ вѣровали ему; не былъ онъ самъ свѣтъ, но приходилъ только свидѣтельствовать о свѣтѣ; благовѣствованіе же его было таково. Слышалъ много Богданъ Хмельницкій о славѣ москвичей, что они могущественны и сильны и благосклонно принимаютъ всѣхъ приходящихъ къ нимъ, а съ друзьями своими и съ довѣряющимися они сохранили дружбу и овладѣли царствами ближними и дальними и всѣ слышавшіе имя ихъ боялись ихъ. И зналъ Богданъ Хмельницкій достовѣрно, что у москвичей всякіе ихъ порядки во всемъ противуположны польскимъ: избрали они одинъ родъ себѣ на царство, ввѣрили они одному царю начальство надъ собою и господство надъ всею землею ихъ и всѣ слушаютъ одного и не бываетъ ни зависти ни ревности между ними. А такъ какъ москвичи малороссіянамъ были братья не только единокровные, но и единовѣрные, то и послалъ тогда Богданъ Хмельницкій къ москвичамъ, чтобы они сняли съ малороссіянъ иго, ибо они видятъ, что ляхи хотятъ ихъ поработить, а вѣру ихъ благочестивую совсѣмъ искоренить". По поводу такой характеристики дѣла Богдана Хмельницкаго, хотя и вложенной въ уста кіевскихъ риторовъ, можетъ быть намъ замѣтятъ, что это прежде всего профанація священныхъ словъ. Согласны отчасти съ этимъ; но въ такомъ случаѣ мы знаемъ еще другую довольно позднѣйшую характеристику Богдана Хмельницкаго, которую и приводимъ здѣсь. Покойный нашъ учитель С. М. Соловьевъ еще въ пятидесятыхъ годахъ говорилъ намъ на лекціяхъ: „XVII вѣкъ есть между прочимъ вѣкъ послѣднихъ русскихъ богатырей: богатырь козакъ — Богданъ Хмельницкій, богатырь монахъ — патріархъ Никонъ, богатырь царь—

Петръ Великій; были конечно тогда еще и другіе богатыри, но въ сравненіи съ такими крупными величинами ихъ личность и дѣятельность большею частію мало замѣтна. Что же касается такихъ богатырей, какъ торговый мужикъ Мининъ и дворянинъ князь Пожарскій, то ихъ подвиги собственно заканчиваютъ собою XVI вѣкъ".—Но и по поводу этой характеристики намъ также могутъ замѣтить, что и ея принимать во вниманіе не слѣдуетъ, потому что она высказана хотя и знаменитымъ, но все-таки московскимъ ученымъ, а господа литераторы изъ малороссіянъ присвояютъ себѣ монополію знать исторію Малороссіи, почему не только научные выводы, но даже достовѣрные источники, относящіеся къ исторіи Малороссіи, опубликованные москвичами, въ большинствѣ случаевъ ими игнорируются. Въ такомъ случаѣ посмотримъ, какъ современный намъ малороссіянинъ, весьма извѣстный и одинъ изъ старѣйшихъ литераторовъ въ Россіи, характеризуетъ личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго: лучше ли и опредѣленнѣе ли онъ это дѣлаетъ и кіевскихъ риторовъ XVII вѣка, и московскихъ ученыхъ XIX вѣка?

Въ первомъ нашемъ „Объясненіи" по поводу сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши" мы указали на то, что незнакомствомъ автора даже съ опубликованными въ послѣднее время источниками, относящимися къ исторіи Малороссіи, объясняются многіе научные недостатки его сочиненія. Но С. М. Соловьевъ въ пятидесятыхъ годахъ, когда читалъ намъ на лекціяхъ своихъ знаменитый VIII томъ (эпоха Смутнаго времени) и вообще исторію Россіи XVII вѣка, имѣлъ подъ руками источниковъ по исторіи Малороссіи несравненно менѣе, чѣмъ ихъ имѣетъ теперь г. Кулишъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи; однако же и тогда можно было уже смѣло дѣлать научную характеристику исторической дѣятельности и личности Богдана Хмельницкаго; поэтому все то, что теперь говоритъ объ этомъ предметѣ г. Кулишъ, мы обязаны принимать не за несчастное недоразумѣніе, а за чистую монету. Какъ ни богаты великороссійскій, малороссійскій и польскій словари всяческими бранными выраженіями, но г. Кулишъ, кажется, истощилъ все это богатство въ приложеніи къ Богдану Хмельницкому; но прежде чѣмъ приводить здѣсь эти его выраженія, надо замѣтить, что онъ вообще въ ихъ выборѣ почти ни при какихъ обстоятельствахъ не стѣсняется. Вотъ тому примѣры. Польское правительство XVII вѣка г. Кулишъ презираетъ и выражается о немъ, напримѣръ, такъ: „сеймующіе паны валандались съ дѣломъ правленья, превосходящимъ ихъ способности" (*т. III, стр. 84*); относительно правительства собирателей Русской земли г. Кулишъ заявляетъ, что передъ его

мудростію онъ благоговѣетъ, но однако говоритъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ: „король представлялся казакамъ „Царемъ Восточнымъ“,—титулъ, который козаки, уважавшіе силу больше всего на свѣтѣ, перенесли потомъ на московскаго самодержца, согнувшаго ихъ въ бараній рогъ“ (*т. II, стр. 125*). Подобныхъ изящныхъ выраженій намъ еще придется выписывать у г. Кулиша множество; но при этомъ замѣтимъ, что такихъ выраженій у него не встрѣчается, какъ увидимъ ниже, когда ему приходится говорить о Жолкевскомъ, Конецпольскомъ и Вишневецкомъ и вообще о лицахъ, нанесшихъ православію и Русскому народу какой-нибудь жестокій, дѣйствительно больной ударъ; о такихъ лицахъ г. Кулишъ обыкновенно говоритъ въ тѣхъ выраженіяхъ, какія принято употреблять относительно почтенныхъ, заслужившихъ уваженіе особахъ. Что касается Богдана Хмельницкаго, то любимѣйшія выраженія г. Кулиша, при упоминаніи имени знаменитаго гетмана, таковы:

„Свирѣпый разбойникъ, кровожадный звѣрь, козако-татарскій Тамерланъ; кровавый геній, какъ Аттила, Чингизъ и Тамерланъ; злобный умъ, преслѣдовавшій свою руинную цѣль съ настойчивостію сатаны; человѣко-истребитель, ханъ; безпутный варваръ, вѣчно пьяный отъ горилки и проливаемой крови; могучій въ своихъ злодѣяніяхъ духъ; геніальный сочинитель разбойничьихъ походовъ; гордый добычникъ; змѣй горынычъ, у котораго одна лапа была козацкая, а другая татарская; змѣй-горынычъ, иногда превращавшійся въ поджавшую хвостъ собаку; жадный къ обогащенію и власти; мстительное и ревнивое сердце; соръ Рѣчи Посполитой, уродъ нашей малороссійской семьи; загребатель жара чужими руками; развратникъ, пьяница (особенно по этой части, какъ увидимъ, достается Богдану Хмельницкому); грязная душа, которой было пріятно или нужно представляться чистою; интриганъ, плутъ козакъ, каверзникъ, авантюристъ, пройдоха, старый лицемѣръ, лицедѣй, украинскій хамелеонъ; когда случалось несчастіе, то Хмельницкій, летя внизъ, хватался за всякую подлость, лишь бы остаться при своемъ безстыдствѣ, не предаваться безполезному бѣшенству и не впадать въ отчаяніе; увѣрять въ своей преданности, хвастаться своею силою и грозить своею местію—было ремесломъ Хмельницкаго; измѣнникъ, предатель по природѣ и воспитанію“. Встрѣчаются у г. Кулиша и такія выраженія о Богданѣ Хмельницкомъ: „судьба поступала иногда съ Хмельницкимъ, какъ діяволъ съ тѣми, ко-

торые запродали ему душу“, или: „на коварномъ пути Хмельницкаго бывали случаи, оправдывающіе наблюденіе, сдѣланное Шекспиромъ, что нѣтъ между людьми такого злодѣя, въ которомъ бы не осталось ничего человѣческаго... онъ былъ даже способенъ каяться“. Объ умственныхъ дарованіяхъ Богдана Хмельницкаго г. Кулишъ, хотя и пишетъ, что онъ не имѣлъ дальновиднаго ума, однакоже большею частію выражается такъ: „коварный, но даровитый... Скупая на талантливыя головы фортуна удѣлила ихъ въ это время всей Польшѣ и всей польской Руси только двѣ—Хмельницкаго и Вишневецкаго“. Отношенія Богдана Хмельницкаго къ татарамъ опредѣляются такимъ ироническимъ выраженіемъ: „два счастливые, по милости Божіей, и милосердые людоѣды“, т.-е. Ханъ и Хмельницкій. Отношенія къ полякамъ: Яна Казиміра, „выродка норманскихъ завоевателей, какъ и всѣхъ поляковъ, путалъ нашъ старый Хмель, обвиваясь кругомъ своими цѣпкими завитками“; или: „въ Зборовѣ или въ Збаражѣ, рано или поздно, но чигиринскій мурлыка сдѣлалъ бы надъ варшавскою мышью (королемъ) свой цапъ-царапъ“. О перепискѣ Богдана Хмельницкаго съ панами читаемъ (съ княземъ Заславскимъ): „лебезила старая лисица предъ старой вороной“; или: зналъ Хмельницкій Киселя „насквозь и писалъ къ нему изъ Чигирина такъ нѣжно, какъ писалъ бы мурлыка-котъ къ неосторожной мыши, желая удержать ее по сю сторону подполья“. Сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвою характеризуются г. Кулишемъ, между прочимъ, такъ: „умѣлъ Хмельницкій поддѣлываться подъ всякій языкъ и образъ мыслей, но московскаго соловья не удалось ему кормить баснями, какъ польскаго“, потому что „Москва знала цѣну и слезамъ и словамъ интригана, принужденнаго переходить отъ Корана къ Евангелію и отъ Евангелія къ Корану“. Но, кажется, мы уже достаточно привели выписокъ изъ сочиненія г. Кулиша, чтобы видѣть, какъ онъ характеризуетъ Богдана Хмельницкаго; подобныхъ литературныхъ перловъ у г. Кулиша множество и привести ихъ здѣсь всѣхъ невозможно. Замѣтимъ кстати, что г. Кулишъ признаетъ за Богданомъ Хмельницкимъ еще способность къ сильной настоящей любви—къ своимъ дѣтямъ и къ своей любовницѣ—женѣ.

По поводу сейчасъ приведенныхъ выраженій г. Кулиша о Богданѣ Хмельницкомъ выскажемъ здѣсь покуда только нѣсколько общихъ замѣчаній. Г. Кулишъ въ своемъ сочиненіи постоянно напоминаетъ читателю о своемъ безпристрастіи, но всѣ его выраженія о

Богданѣ Хмельницкомъ, кажется, свидѣтельствуютъ о совершенно противуположномъ; трудно себѣ представить безпощадность, простирающуюся до такихъ размѣровъ. Конечно, у Богдана Хмельницкаго, какъ у всякаго человѣка и политическаго дѣятеля, были свои слабости и пороки; но превратить ихъ въ то, во что превратилъ ихъ г. Кулишъ, можетъ только безконечная злоба, зависть и ненависть,—качества, которыми хотя и рѣдко, но иногда награждаетъ природа и нашихъ литераторовъ. Произнося свой судъ надъ Богданомъ Хмельницкимъ, память котораго столькоже ненавистна г. Кулишу, сколько для многихъ другихъ дорога, г. Кулишъ, вѣроятно, зналъ правило, которое примѣняется къ жестокимъ и безпощаднымъ судьямъ: судъ безъ милости не сотворшему милости. По этому случаю отъ себя скажемъ: многое бы мы удержались говорить въ теперешнихъ нашихъ „Объясненіяхъ", еслибы г. Кулишъ не далъ себѣ такой воли въ брани на Богдана Хмельницкаго. Когда г. Кулишъ составлялъ свое сочиненіе „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши", то, очень можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду такъ называемую публику, среди которой находилъ нужнымъ агитировать и на которую сильная брань можетъ производить впечатлѣніе; но заявляя желаніе напечатать свое сочиненіе въ „Чтеніяхъ", которыя издаются совсѣмъ не для публики, намъ кажется, изъ уваженія къ званію ученаго слѣдовало бы поменьше употреблять крѣпкихъ словъ: само изслѣдованіе покажетъ, какъ слѣдуетъ назвать тотъ или другой фактъ. Однакоже и для публики, по отношенію къ такимъ выдающимся историческимъ лицамъ, каковъ былъ и по сознанію самого г. Кулиша Богданъ Хмельницкій, при обсужденіи ихъ дѣятельности слѣдовало бы прилагать совсѣмъ иную мѣрку, чѣмъ къ обыкновеннымъ смертнымъ.

Бранитъ г. Кулишъ не одного Богдана Хмельницкаго, но и весьма многихъ западнорусскихъ историческихъ дѣятелей. Мы не станемъ защищать отъ его обвиненій ни князя Острожскаго, ни митрополита Петра Могилу, а тѣмъ болѣе какого-нибудь Адама Киселя; послѣдняго г. Кулишъ, напримѣръ, между прочимъ такъ величаетъ: „жалкій объѣдокъ іезуитства" (*т. II, стр. 211*). Но все-таки находимъ необходимыхъ по поводу брани этихъ историческихъ лицъ сказать нѣсколько словъ. Князя Константина-Василія Острожскаго г. Кулишъ характеризуетъ подобными выраженіями: „нравственно несостоятельный, мизерный эгоистъ, предатель, негодяй; низменное созданіе своего вѣка и общества; безсовѣстнѣйшій, прозванный у сплетниковъ святопамятнымъ" (*т. II, стр. 214, 238; т. III, стр. 270)* и т. п. Намъ кажется напрасно г. Кулишъ трудится такъ срамить князя

Острожскаго: великимъ ревнителемъ православія онъ считался только до тѣхъ поръ, пока научная критика ни сколько не касалась его времени; но какъ только стали писать объ этомъ времени хотя немного серьезно, то сіяніе добродѣтелей знаменитаго магната значительно потускнѣло. Поэтому, доказывать, со стороны г. Кулиша, вновь давно извѣстное, хотя бы и въ особой рѣзкой формѣ, вещь почти безполезная; сердиться же на то, что нѣкоторые писатели повторяютъ печатно по сіе время все старое, тоже не стоитъ труда. Однакоже, если князь Острожскій не заслуживаетъ той великой славы, на которую претендовалъ и которая за нимъ такъ долго оставалась, то все-таки съ чего-нибудь эта слава сложилась: онъ былъ, какъ и Адамъ Кисель, человѣкъ по своему вѣрующій православный, готовый по своему помочь и православію; другіе же въ его положеніи и равные ему стояли несравненно его ниже, не только не помогали православію, а спѣшили скорѣй измѣнять ему; онъ только не былъ герой, который во что бы то ни стало уперся „противъ теченія рѣки“. — Что касается митрополита Петра Могилы, то пожалуй и для него его священный санъ и занятія религіозными дѣлами, какъ и для князя Острожскаго, входили иногда въ составъ аристократическихъ удовольствій. Мы не будемъ здѣсь приводить нелестныхъ выраженій г. Кулиша о митрополитѣ Петрѣ Могилѣ и скажемъ только, что онъ, какъ всѣмъ извѣстно, не всегда стѣснялся средствами для достиженія своихъ цѣлей. Мы также вполнѣ согласны съ тѣмъ, что оба помянутыя историческія лица понимали не только интересы православія, но и самое православіе совсѣмъ иначе, чѣмъ г. Кулишъ; этотъ вопросъ о православіи разработанъ у послѣдняго по своему обширно, но мы не считаемъ себя въ правѣ его касаться. Однакоже намъ, пишущей братіи, прежде всего, не слѣдуетъ забывать если не политическія, то научныя заслуги князя Острожскаго и митрополита Петра Могилы: чѣмъ бы они ни руководствовались, бросая отъ милліонныхъ доходовъ гроши на научно-церковныя изданія и типографіи—и за то спасибо; политическая и церковная ихъ роль для насъ теперь совершенно безразлична, а книги, при ихъ посредствѣ изданныя, въ свое время принесшія много пользы православію и просвѣщенію, да и въ наше время весьма полезныя, существуютъ. Наконецъ кіевскія-могилянскія школы далеко пережили своего основателя; изъ нихъ вышли не одни измѣнники времени царя Алексѣя Михайловича, но и многіе сотрудники Петра Великаго и вообще много такихъ лицъ, которыми смѣло можетъ гордиться Великая и Малая Россія; другихъ же подобныхъ университетовъ у насъ въ то время неи мѣлось.

Слѣды политической дѣятельности князя Острожскаго и митрополита Петра Могилы почти исчезли или, лучше сказать, такъ смѣшались съ дѣятельностію другихъ имъ подобныхъ лицъ, что теперь въ западной Россіи не разберешь, результатъ чьей дѣятельности то или другое явленіе; одно только ясно, что мы имѣемъ тамъ дѣло съ весьма непригляднымъ историческимъ фактомъ. Совсѣмъ иное Богданъ Хмельницкій: его политическая дѣятельность для насъ дѣло живое, а слѣдовательно и онъ живъ; и въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ крупный общественно-политическій дѣятель, и въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, какъ одинъ изъ творцовъ исторіи, онъ тутъ, живъ и сидитъ среди насъ. Съ живыми лицами, а тѣмъ болѣе съ такими высокопоставленными особами, при обсужденіи ихъ дѣятельности, слѣдуетъ обращаться вѣжливо: вѣдь они противъ брани беззащитны. Говоря все это, мы нисколько не защищаемъ, напримѣръ, баснословія, сложившагося о Богданѣ Хмельницкомъ; противъ этого баснословія г. Кулишъ ужасно ратуетъ, но вѣдь оно въ основѣ почти-что полностію опровергнуто еще задолго до появленія на свѣтъ теперешняго его сочиненія. Точно также мы ничѣмъ не оправдываемъ человѣческихъ слабостей и даже пороковъ Богдана Хмельницкаго, на которые такъ напираетъ г. Кулишъ, вѣроятно будучи самъ лично отъ нихъ вполнѣ свободенъ; мы только ниже постараемся объяснить, дѣйствительно ли эти пороки были именно таковы, какъ ихъ рисуетъ, вторя полякамъ, г. Кулишъ. Наконецъ, мы также не станемъ защищать идеализацію козачества; замѣтимъ здѣсь только, что правительственный московскій взглядъ XVII вѣка вообще на козачество, по отношенію его происхожденія и первоначальной дѣятельности, какъ на разбойный элементъ общества („донскіе козаки вѣдомые воры, убѣжавши изъ Московскаго государства отъ смертной казни, грабятъ и воруютъ“), — этотъ взглядъ никогда не умиралъ въ обществѣ и давнымъ давно, особенно благодаря трудамъ С. М. Соловьева и современныхъ ему московскихъ ученыхъ, составляетъ достояніе науки. Поэтому всѣ эти для насъ старые, а для г. Кулиша новые, радикально противуположные принятымъ, ему только лично принадлежащіе взгляды на козачество мы считаемъ излишнимъ оспаривать. Что же касается дѣйствительно новаго именно бранныхъ выраженій, которыми въ такомъ изобиліи осыпаетъ г. Кулишъ Богдана Хмельницкаго, то мы по этому поводу предложимъ слѣдующее: г. Кулишъ одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ по возрасту и извѣстнѣйшихъ въ Россіи писателей, поэтому предоставляемъ ему самому (къ тому же онъ на это великій мастеръ) пріискать литературное названіе его собственному употребленію всѣхъ этихъ бранныхъ выраженій.

III.

Обвиненія Выговскимъ, Костомаровымъ и Кулишомъ Богдана Хмельницкаго въ измѣнѣ великому государю.

Оставляя покуда на отвѣтственности г. Кулиша большинство его брани на Богдана Хмельницкаго, мы беремъ на себя обязанность защищать послѣдняго только отъ названій *коварный разбойникъ, измѣнникъ и предатель по натурѣ* и отъ обвиненія въ безвѣріи и чуть не въ безбожіи. Защищать Богдана Хмельницкаго прежде всего отъ обвиненія въ измѣнѣ и предательствѣ мы пожалуй вызваны и словами самого г. Кулиша; онъ пишетъ *(т. III, стр. 33):* „на общечеловѣческомъ судѣ нѣтъ ничего преступнѣе вѣроломства и предательства; широкая картина вѣроломства и предательства, созерцаемая нами въ прошедшемъ, широко распространитъ отвращеніе къ вѣроломству и предательству въ настоящемъ".

Но прежде чѣмъ приступить къ этой защитѣ мы принуждены, въ дополненіе къ предшествующей характеристикѣ сочиненія г. Кулиша, сдѣлать теперь еще слѣдующую оговорку. Г. Кулишъ, для подтвержденія своихъ или чужихъ, будто бы уже неоспоримыхъ выводовъ изъ изслѣдованій и источниковъ, обыкновенно неожиданно для читателя, спѣшитъ высказать какую-нибудь неопровержимую, въ родѣ сейчасъ приведенной, истину отъ себя, а то прямо изъ Евангелія или изъ Шекспира и т. п. По поводу этой крайне непріятной привычки г. Кулиша, съ которою намъ много разъ придется встрѣчаться, должно замѣтить, что это не какое-нибудь оригинальничанье, это не привычка малоросса ничего не говорить спроста, а нѣчто совсѣмъ другое: это какая-то особаго рода божба, въ которой г. Кулишъ, примѣняя къ нему его собственное выраженіе, постоянно перекидывается отъ Евангелія къ Корану. Подобнымъ пріемомъ г. Кулишъ, чтобы онъ ни проповѣдывалъ, прежде всего прикрываетъ себя какъ непроницаемымъ щитомъ; читатель долженъ быть пораженъ, покориться ему: не смѣй и думать со мной спорить, видишь,

какая истина, какой авторитетъ защищаютъ мое мнѣніе; если не согласенъ со мной, то оспаривай прежде всего Евангеліе, — да и вѣрный ли ты подданный своего государя? Такъ какъ большею частію этими высокоблагонамѣренными авторитетами и истинами прикрываются у г. Кулиша обыкновенно далеко неблагонамѣренныя его затѣи, то на подобный пріемъ остается отвѣчать: хотя сочиненіе написано въ такомъ тонѣ, что несогласіе съ его выводами слѣдуетъ считать за преступленіе, возраженія недозволительны, но мы все-таки будемъ возражать. Мы не боимся обвиненій со стороны г. Кулиша въ безбожіи, въ измѣнѣ государю, въ полной научной несостоятельности и пр. и пр.; не испугавшись никакихъ авторитетовъ, великія же изреченія и истины отодвинувши въ сторону, осмѣливаемся прямо высказывать свои мнѣнія. Не сдѣлавши же съ своей стороны подобной оговорки, полемизировать противъ г. Кулиша невозможно.

Наша защита Богдана Хмельницкаго отъ обвиненій въ измѣнѣ и предательствѣ будетъ состоять въ отвѣтахъ на вопросы: вѣрны ли прежде всего тѣ изслѣдованія, на основаніи которыхъ построены такія страшныя обвиненія? Но это дѣло мы начнемъ нѣсколько издали, выяснивъ, въ чемъ собственно заключается суть обвиненія и изъ какихъ побужденій оно вытекло у доносчиковъ.

Во второй половинѣ XVII вѣка московскіе приказы, вѣдавшіе дѣла Малороссіи, были положительно завалены доносами малороссіянъ другъ на друга, главнымъ образомъ на тѣхъ, въ чьихъ рукахъ была власть, и все это были обвиненія въ измѣнѣ великому государю. Московское правительство не знало, что дѣлать съ этими доносами, на чью сторону стать; отнесутся къ доносчику, какъ къ доносчику, съ презрѣніемъ, въ концѣ концовъ окажется, что обвиненіе было справедливо; примутъ во вниманіе доносъ,—окажется, что обвиняютъ праваго. Исторія доноса Кочубея и Искры на Мазепу была не первая, а можетъ быть сотая; настоящіе же, что называется форменные доносы изъ Малороссіи начинаются тотчасъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго. Тогда правительство не повѣрило доносамъ Пушкаря и Искры, обвинявшихъ Выговскаго въ измѣнѣ, и они погибли *); но за это московское государство поплатилось потомъ цѣлой арміей и чуть было совсѣмъ не потеряло и всей Малороссіи. Доносчики въ сочиненіи

*) Бумаги о бунтѣ полтавскаго полковника Мартына Пушкаря съ товарищи нынѣ отпечатаны, подъ нашею редакціею, и выйдутъ въ свѣтъ въ XV томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи.

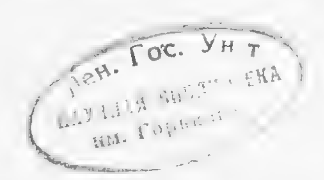
обвиненій на своихъ враговъ изощрялись до виртуозности: человѣкъ съ пьяна вретъ какую-нибудь чепуху, доносчики же записываютъ такія его рѣчи и шлютъ въ Москву, въ заключеніе же доноса прибавляютъ отъ себя: „а тѣ его слова тогда слышачи, а нынѣ пишучи, уды наши трясутся“. Это извѣстный доносъ на Многогрѣшнаго, оказавшійся потомъ вздоромъ, но достигшій своей цѣли. Замѣчательно еще, что на генеральныхъ радахъ Войска Запорожскаго иногда постановлялось: просить великаго государя запретить великороссіянамъ называть малороссіянъ „измѣнниками“.

Но неужели же Малороссія страна измѣнниковъ и доносчиковъ? Нѣтъ. Былъ человѣкъ, а имя ему Богданъ, на котораго, пока онъ былъ живъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, никто не смѣлъ доносить, да и онъ тоже ни на кого не доносилъ, развѣ только на самого себя; но кто же повѣритъ такому доносу, кто осмѣлится превратить откровенное объясненіе своей дѣятельности въ покаяніе, въ доносъ о своей политической неблагонадежности? При жизни Богдана Хмельницкаго объ немъ молчали, все кругомъ трепетало грознаго „Батьки“: начавши возстаніе противъ Рѣчи Посполитой, онъ быстро собралъ около себя не только богатырей-запорожцевъ, но и все, что было лучшаго и образованнѣйшаго въ Малороссіи, все очутилось волей или неволей въ Войскѣ Запорожскомъ. При этомъ онъ умѣлъ заставлять этихъ даровитыхъ и образованныхъ людей дѣлать и такіе дѣла, и дѣлать хорошо, которымъ они лично не только не сочувствовали, но въ душѣ проклинали, и все-таки принуждены были молчать. Но вотъ за нѣсколько недѣль до кончины Богдана Хмельницкаго, когда болѣзнь и старость его скрутили, когда всѣмъ стало ясно, что страшно тяжелая его рука теперь совсѣмъ ослабѣла, нашлись сейчасъ же около него, изъ его же собственныхъ образованныхъ птенцовъ, такіе господа, которые и заговорили москвичамъ: „гетманъ хочетъ государю измѣнить, сносится съ иностранными правительствами, заключилъ съ ними такіе договоры, которые противны волѣ и интересамъ великаго государя и ему неизвѣстны, мы же сами не знаемъ, какъ этому дѣлу помочь и гетмана отъ измѣны остановить...“ и т. д. Все это докладывалось москвичамъ самымъ льстивымъ вѣрноподданическимъ образомъ, „великія клятвы вознося“ (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. III, стр. 555—563*). То что одновременно съ этимъ паны доказывали боярамъ, что Богданъ Хмельницкій измѣняетъ своему новому государю, это въ глазахъ московскаго правительства, конечно, имѣло мало цѣны; но то, что гетмана обвиняютъ въ измѣнѣ малороссіяне, ближайшіе его сотрудники (на самомъ дѣлѣ только пролагавшіе себѣ

дорогу къ власти), это на московскихъ сановниковъ могло произвести впечатлѣніе. Однакоже старый гетманъ вскорѣ умеръ, хотѣлъ будто бы измѣнить государю, да не измѣнилъ; помянутые же доносчики сами дѣйствительно немедленно измѣнили. Прошло слишкомъ двѣсти лѣтъ, а клевета, пущенная въ оборотъ Выговскимъ и К° о Богданѣ Хмельницкомъ, повторяется и опять только одними малороссіянами по сіе время. Эта клевета теперь повторяется и г. Кулишемъ, конечно безъ оправданія Выговскаго, въ такой формѣ: „Выговскій доигралъ относительно тишайшаго царя ту (измѣнническую) роль, которую самому Хмельницкому не дала доиграть одна привычка къ неумѣренному пьянству“ (*т. II, стр. 272*), или: „никогда не думалъ онъ (Богданъ Хмельницкій) быть вѣрнымъ подданнымъ царскимъ; въ этомъ удостовѣряютъ насъ его сподвижники и преемники Выговскій, Тетеря и Дорошенко“ (*т. III, стр. 314*). Удивительное доказательство! По поводу его позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое историческое сравненіе: птенцы Петра Великаго, которые при немъ такъ дружно дѣйствовали для одной указываемой царемъ цѣли, послѣ его смерти перессорились за власть, другъ друга перегубили и истребили и тѣмъ проложили дорогу бироновщинѣ. Полагаемъ, что Петръ Великій былъ столько же виноватъ въ этихъ дѣлахъ Меншикова и Долгорукихъ съ товарищи, какъ и Богданъ Хмельницкій въ измѣнахъ Выговскаго, Тетери и К°.

Въ малороссійской исторической литературѣ съ начала XVIII вѣка Богдана Хмельницкаго изображали какимъ-то особеннымъ героемъ, который, кажется, и питался не какъ всѣ остальные смертные, а какъ боги; запорожское же козачество идеализировалось при этомъ до крайности. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху возрожденія всякихъ народныхъ самосознаній, стала обращаться въ нашей образованной публикѣ рукопись, содержащая будто бы исторію Малороссіи: названіе ей дано „Исторія Руссовъ“, авторство ея приписано знаменитому іерарху XVIII вѣка Георгію Конискому. Болѣе злаго политическаго пасквиля, разсчитаннаго притомъ на полнѣйшее невѣжество россійской публики, наша литература не знаетъ. Сейчасъ мы говорили о доносахъ малороссіянъ другъ на друга; но этой страсти къ доносамъ, къ сутяжничеству, въ XVII вѣкѣ можно было найти извиненіе,—это „Смутное время въ Малороссіи“, наступившее со времени освобожденія ея отъ польской власти. Скажемъ здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ. Г. Кулишъ не разъ, по поводу возстанія Богдана Хмельницкаго, называетъ эту эпоху „Смутнымъ временемъ Рѣчи Посполитой“; нисколько не полемизируя съ г. Кулишемъ, выскажемъ

только свое мнѣніе: въ это время въ Польшѣ никакой „смуты" не было, а если она была, то конечно въ Малороссіи. Бунты и потери цѣлыхъ провинцій, несчастныя войны съ иностранными государствами, не являются еще „Смутнымъ временемъ" для государства, которое отъ всего этого страдаетъ. Польское государство при Богданѣ Хмельницкомъ и потомъ полтораста лѣтъ послѣ него переживало только свою агонію, сознательно отстаивая, безъ малѣйшей смуты, излюбленные и давно сложившіеся свои порядки и идеалы, которые его и погубили. Совсѣмъ иное дѣло Малороссія: освободившись отъ польской власти при помощи козачества, она вдругъ получила какое-то господствующее военное сословіе, управляющееся и претендующее всѣмъ управлять, даже среди мира, на основаніи законовъ лагеря во время войны. Существованіе въ мирной странѣ такого военнаго сословія, въ дѣйствительности ненавистнаго для другихъ старыхъ сословій, было признано и Зборовскимъ договоромъ, и московскими статьями; дорого поплатилась Малороссія за свое освобожденіе! Существованіе такого сословія было признано въ странѣ, но отношеніе его къ остальнымъ жителямъ совсѣмъ не было опредѣлено, и вотъ вслѣдствіе этого въ Малороссіи начинается особаго рода внутренняя борьба, въ которой борющіяся стороны сами не знаютъ, къ чему окончательно стремятся, не знаютъ, за какіе порядки схватиться и какіе идеалы отстаивать. Эта борьба идетъ не только между сословіями, но она происходитъ прежде всего въ новомъ сословіи, въ Войскѣ Запорожскомъ—борьба за власть. Захватить въ свои руки власть въ Малороссіи, въ Войскѣ Запорожскомъ, въ XVII вѣкѣ было точно такъ же трудно, какъ всегда и вездѣ; но и удержать власть за собою тогда въ Малороссіи или особенно сдѣлать при ея помощи что-либо полезное было еще труднѣе или даже невозможно. Все общественное устройство страны, вслѣдствіе способа освобожденія ея отъ польской власти, было до того ненормально, что и вызывало вездѣ и всюду только ненормальныя явленія; такъ со стороны борющихся за власть къ числу этихъ ненормальныхъ явленій относятся и доносы въ Москву другъ на друга. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина доносовъ малороссіянъ XVII вѣка другъ на друга. Совсѣмъ иное дѣло авторъ „Исторіи Руссовъ": что его побудило въ XIX вѣкѣ продолжать дѣло Выговскаго и состряпать подобную вещь, вредную прежде всего для самихъ же малороссіянъ? Неужели это сочиненіе слѣдуетъ считать литературнымъ памятникомъ народнаго самосознанія малороссіянъ? Кто былъ его авторомъ, къ сожалѣнію, кажется, и по сіе время остается неизвѣстнымъ.

Когда стала извѣстна читающей россійской публикѣ „Исторія Руссовъ“, а потомъ была и издана, то тѣхъ дерзкихъ московскихъ ученыхъ, которые позволяли себѣ, послѣ сравненія съ дѣйствительно достовѣрными источниками исторіи, высказывать полнѣйшее сомнѣніе какъ въ достовѣрности извѣстій „Исторіи Руссовъ“, такъ и въ авторствѣ ея Георгія Конискаго, такихъ господъ бранили и позорили всячески; имъ обыкновенно выставлялось на видъ, что Пушкинъ, Гоголь и Устряловъ съ восхищеніемъ читали „Исторію Руссовъ“ и добивались ее издать (*см. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ за 1871 годъ, кн. I:* „Объясненіе“ О. М. Бодянскаго по поводу нашей диссертаціи „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся“). По поводу ссылокъ на указанные авторитеты, относительно критики источниковъ исторіи, сознаемся, что Устряловъ въ этомъ отношеніи для насъ авторитетъ: очень можетъ быть, что онъ и думалъ издать „Исторію Руссовъ“, однакоже не приступилъ къ этому дѣлу, хотя ему, какъ академику и члену Археографической Коммиссіи, было несравненно легче это сдѣлать, чѣмъ Бодянскому; говорить, мечтать и дѣлать—большая разница. Мало того: мы весьма сожалѣемъ, что не Устряловъ, а Бодянскій издалъ „Исторію Руссовъ“; мы увѣрены, что первый издалъ бы ее совсѣмъ иначе, чѣмъ второй: мы знаемъ только серьезныя научныя изданія Устрялова; во всякомъ случаѣ увѣрены, что въ предисловіи къ „Исторіи Руссовъ“ отъ Устрялова не былъ бы данъ тонъ о важности этого изданія и не встрѣчалось бы тѣхъ побѣдныхъ кликовъ, какіе мы имѣемъ теперь въ предисловіи при изданіи Бодянскаго.—Что касается научнаго авторитета Пушкина и Гоголя, то въ настоящемъ случаѣ, нисколько не оскорбляя памяти великихъ поэтовъ, откровенно выскажемъ только одно мнѣніе: мы почти увѣрены, что донесенія „о поѣздкѣ въ Эмсъ“ и „о битвѣ Кушкѣ“ (шуточныя произведенія нашего почтеннѣйшаго разскащика И. Ѳ. Горбунова) были бы приняты ими за достовѣрные документы XVII вѣка; Пушкинъ и Гоголь навѣрное точно также бы восхищались литературными красотами этихъ „донесеній“, какъ дѣйствительно невинно восхищались при чтеніи злой брани на великороссійской народъ и его государей въ „Исторіи Руссовъ“. Въ настоящее время, кажется, всѣ уже отреклись отъ „Исторіи Руссовъ“, какъ источника исторіи, и признаютъ, что Георгій Конискій не авторъ ея; но политическіе принципы этого пасквиля составляютъ катехизисъ такъ называемаго украйнофильства. Въ 1846 году, когда въ „Чтеніяхъ“ появилась такая превосходная вещь, какъ „Лѣтопись Самовидца“, въ

„Чтеніяхъ“ же была напечатана и „Исторія Руссовъ“. Покойный секретарь нашего Общества Исторіи и Др. Россійскихъ О. М. Бодянскій, кажется, до конца жизни считалъ это изданіе фундаментомъ своей ученой славы.

Лѣтъ тридцать тому назадъ Богдана Хмельницкаго продолжали изображать все тѣмъ же идеальнымъ героемъ, какъ и въ XVIII вѣкѣ; но только описывали его съ новою подкраскою, согласно господствовавшей тогда литературно-политической программѣ, а именно: онъ поднялъ запорожскихъ козаковъ противъ государства, самъ ходилъ въ народъ, произносилъ рѣчи противъ его угнетателей и т. п. При этомъ фактъ, что такъ или иначе при посредствѣ Богдана Хмельницкаго совершилось соединеніе Малороссіи съ Великой Россіей,— этотъ фактъ или замалчивался, или выставлялся такъ, какъ онъ освѣщенъ въ „Исторіи Руссовъ“; а тамъ сказано, что царь Алексѣй Михайловичъ билъ челомъ Богдану Хмельницкому о необходимости соединенія народовъ, которыми они управляютъ, какъ равнаго съ равнымъ и пр. Все сейчасъ сказанное относится къ извѣстному сочиненію г. Костомарова „Богданъ Хмельницкій“. Г. Костомаровъ ужасно сердился на замѣчанія, что между московскимъ правительствомъ и представителями Войска Запорожскаго не было никакого договора о соединеніи; онъ умеръ, утверждая, что между Богданомъ Хмельницкимъ и московскими великими послами былъ заключенъ договоръ, и называлъ этотъ договоръ Переяславскимъ (*Вѣстникъ Европы 1878 года, кн. XII,* статья г. Костомарова „Богданъ Хмельницкій данникъ Оттоманской порты“). По поводу этого, такъ сказать, научнаго положенія, замѣтимъ, что по извѣстнымъ теперь источникамъ въ Переяславлѣ только присягали, никакихъ договоровъ не заключали, а объ условіяхъ соединенія обстоятельно толковали, писали статьи и жалованныя грамоты въ Москвѣ въ мартѣ 1654 г. Не только московскіе бояре и дьяки, но Выговскій, Тетеря и самъ Богданъ Хмельницкій, которые вели все дѣло переговоровъ, ни о какомъ Переяславскомъ договорѣ никогда не поминали, а относительно московскихъ статей всѣ они очень хорошо знали разницу договора между равными и пожалованіемъ по челобитью отъ самодержавнаго государя: они именно и называли жалованную грамоту государевою милостію. Къ чести г. Кулиша нужно сказать, что онъ въ послѣдней главѣ своего сочиненія „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ (*т. III, стр. 405—408*) положительно глумится надъ козакоманами, утверждающими, будто бы Богданъ Хмельницкій соединилъ Малороссію съ Великою Россіей на основаніи договора.

Если на московскихъ сановниковъ XVII вѣка могло, пожалуй, производить впечатлѣніе, что обвиненіе Богдана Хмельницкаго въ измѣнѣ исходитъ отъ малороссіянъ, отъ самыхъ близкихъ къ нему его сотрудниковъ, то въ наше время на россійскую публику можетъ также производить впечатлѣніе, что теперь, въ послѣднее время, обвиняютъ Богдана Хмельницкаго въ измѣнѣ и позорятъ всячески опять-таки писатели изъ малороссіянъ, а великороссійскіе ученые (да и много ли ихъ спеціально знакомыхъ съ исторіей Малороссіи по источникамъ?) или изрѣдка его хвалятъ, или совсѣмъ молчатъ. Кромѣ того естественно у публики можетъ возникнуть вопросъ: за что же измѣннику ставится памятникъ отъ „всея Россіи?“ Дѣло заключается въ слѣдующемъ и произошло, кажется, такимъ образомъ. Въ наше время вскорѣ и для такихъ прославителей Богдана Хмельницкаго, какимъ первоначально являлся Костомаровъ съ товарищи, стало яснымъ, что и вышеупомянутымъ объясненіемъ факта соединенія обѣихъ Россій нельзя превратить его во что-нибудь иное, чѣмъ то, что оно есть на самомъ дѣлѣ; да къ тому же московскіе историки всегда хвалили и продолжаютъ хвалить Богдана Хмельницкаго за устройство этого соединенія. Тогда-то тѣ же бывшіе прославители знаменитаго гетмана превратились въ заклятыхъ его враговъ; на него посыпались всевозможныя обвиненія и проклятія, да и не могло быть иначе: при посредствѣ Богдана Хмельницкаго обѣ Россіи, Великая и Малая, такъ соединились, что послѣ него, начиная съ Выговскаго и до нашихъ дней, множество умныхъ и даровитыхъ людей, сколько ни хлопотали, но никакъ не могли раздѣлать этого соединенія Но эта злоба на Богдана Хмельницкаго вскорѣ удесятерилась еще тѣмъ, что кому-то пришла въ голову мысль поставить ему памятникъ на горахъ Кіевскихъ отъ „всея Россіи“. Такую обиду нельзя уже было перенести; но чтобы остановить дѣло, не нужно было показывать, что сердятся, а слѣдовало повидимому спокойно, патріотично, научнымъ способомъ убѣдить тѣхъ, кто затѣялъ этотъ памятникъ: этого-де дѣлать не полагается, потому что даже и съ великороссійской точки зрѣнія Богданъ Хмельницкій не заслуживаетъ памятника. И вотъ опять принялись за старое, на Богдана Хмельницкаго снова составляютъ доносы: онъ былъ измѣнникъ и предатель по натурѣ, измѣнилъ своему прирожденному государю—польскому королю, измѣнялъ своимъ союзникамъ татарамъ и признанному имъ новому своему государю—турецкому султану, измѣнялъ и послѣднему своему государю—московскому царю, одновременно съ присягою въ Переяславлѣ вновь присягалъ и турецкому султану. Сочинить такой въ наши

дни доносъ и пустить вновь послѣ Выговскаго въ оборотъ подобную клевету взялъ на себя все тотъ же г. Костомаровъ.

Въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1878 годъ была напечатана небольшая статья г. Костомарова, озаглавленная: „Богданъ Хмельницкій данникъ Оттоманской Порты“. Вся суть этой статьи, которая должна была поразить читающую россійскую публику, заключалась главнымъ образомъ въ ея заглавіи: „данникъ Оттоманской Порты“, хотя изъ самаго содержанія статьи далеко еще этого не слѣдуетъ, и за симъ въ заключительныхъ словахъ статьи, по поводу открытыхъ г. Костомаровымъ будто бы вполнѣ новыхъ источниковъ, которые должны окончательно измѣнить прежній взглядъ историковъ и общества на Богдана Хмельницкаго. Вотъ эти заключительныя слова статьи г. Костомарова: теперь „историческое значеніе личности Богдана Хмельницкаго должно представиться въ иномъ свѣтѣ; его преемники, преслѣдуя идею самобытности Украины подъ верховною властію Оттоманской Порты, не дѣйствовали въ разрѣзъ съ политикою Богдана Хмельницкаго, напротивъ думали только слѣдовать по указанному имъ кривому пути, а Юрій Хмельницкій, пожалованный отъ султана званіемъ князя Малороссійской Украины, былъ не „сынъ недостойный славнаго родителя“, но вполнѣ его достоинъ, какъ и Богданъ оставилъ для Малороссіи достойнаго себя сына“. По поводу сейчасъ выписаннаго изъ статьи г. Костомарова замѣтимъ здѣсь, что онъ не открывалъ никакой Америки для того, чтобы имѣлъ право трубить совершившійся переворотъ въ наукѣ: ему только нужно было осрамить особу Богдана Хмельницкаго, какъ измѣнника. Относительно же источниковъ, на основаніи которыхъ написана вся эта его „руководящая“ статья, скажемъ пока, что содержаніе ихъ давно было извѣстно историкамъ, а также и самому г. Костамарову; объ этомъ мы будемъ еще говорить подробно въ особомъ VIII Объясненіи, которое и будетъ все посвящено только разбору этой статьи. Теперь же укажемъ на одинъ вопросъ, естественно возникающій у каждаго читателя помянутой статьи: почему авторъ ея не передѣлалъ и не переписалъ прежняго своего „Богдана Хмельницкаго“ соотвѣтственно новымъ высказаннымъ имъ идеямъ? Конечно, мы этого не знаемъ, но надо думать потому, что каждый человѣкъ въ одномъ дѣлѣ только одинъ разъ совершаетъ великое; поэтому для славы г. Костомарова было вполнѣ достаточно и одного „хожденія въ народъ“ Богдана Хмельницкаго.

Г. Кулишъ во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ по исторіи Малороссіи смѣется надъ козакоманами и постоянно, даже

излишне часто бранитъ г. Костомарова, какъ историка, называя его собирателемъ басенъ и историческихъ сплетенъ о Богданѣ Хмельницкомъ и запорожскихъ козакахъ. Но отказываясь отъ такихъ въ дѣйствительности научныхъ пустяковъ, какъ басни и сплетни о Богданѣ Хмельницкомъ, г. Кулишъ въ то же время почти все существенное, что дѣйствительно заслуживаетъ особаго научнаго вниманія, оставляетъ за собою и самъ повторяетъ, какъ непререкаемую истину, идею бывшаго своего друга, что Богданъ Хмельницкій былъ измѣнникъ и предатель по натурѣ и, между прочимъ, одновременно съ подданствомъ московскому государю оставался и подданнымъ турецкаго султана. Эта идея постоянной измѣны и предательства положена въ основу и весьма талантливо развита въ изданномъ теперь въ „Чтеніяхъ“ обширномъ сочиненіи г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“. Такимъ образомъ г. Кулишъ, сколько бы онъ ни отрекался, является теперь ревностнымъ продолжателемъ дѣятельности г. Костомарова, выясняя и разрабатывая, иногда до грандіозныхъ размѣровъ, не вполнѣ договоренныя мысли послѣдняго. Говоря это, мы совсѣмъ не утверждаемъ, что основныя идеи сочиненія г. Кулиша заимствованы имъ у Костомарова: выше мы видѣли, на какихъ основаніяхъ онъ утверждаетъ, что Богданъ Хмельницкій былъ измѣнникъ московскому государю; а отъ прежнихъ взглядовъ на козаковъ, какъ на героевъ, носителей свободы, г. Кулишъ отрекался еще задолго до появленія указанной выше статьи г. Костомарова. Вполнѣ новое для насъ въ сочиненіи г. Кулиша, чего прежде ни у кого не встрѣчалось, кромѣ какъ у поляковъ, это его ненависть и безпощадная брань на Богдана Хмельницкаго.

Ненависть г. Кулиша къ Богдану Хмельницкому простирается до того, что онъ позволяетъ себѣ писать слѣдующее (*т. II, стр. 123*): „если с е р д ц е п о л я к а сжимается при мысли объ этой демонической личности, т о п у с к а й о н о у т ѣ ш и т с я х о т ь малорусскимъ признаніемъ національнаго позора въ той славѣ, которую козакующая пресса покрыла Исламъ-Гиреева сподвижника; п у с к а й у т ѣ ш и т с я х о т ь в ѣ ч н ы м ъ н а ш и м ъ с о ж а л ѣ н і е м ъ о рѣкахъ неповинно пролитой крови... На нашу долю, въ оцѣнкѣ опьянившаго козацкую орду Хмеля, остается только кровь, пролитая лучшими изъ нашихъ малорусскихъ и великорусскихъ предковъ по милости его предательской политики“. Г. Кулишъ можетъ сколько угодно утѣшать поляковъ и протягивать имъ руку на какихъ угодно условіяхъ, но только благоволилъ бы все это говорить имъ отъ себя лично, а не отъ имени великороссійскаго и малороссійскаго народовъ; такъ говорить г. Кулишъ

часто себѣ позволяетъ, но на это его никто не уполномочивалъ. Далѣе г. Кулишъ говоритъ: „мы, питомцы гражданственности московско-русской, сторонимся и отъ панской и отъ козацкой славы одинаково“; но опять-таки г. Кулишъ благоволилъ бы не увѣрять поляковъ, что всѣ питомцы этой гражданственности одинаковаго съ нимъ мнѣнія и сторонятся „отъ козацкой славы“. Вотъ отъ слѣдующей „козацкой славы“ пожалуй всѣ сторонятся: „превращеніе цвѣтущихъ (малороссійскихъ заднѣпровскихъ) областей въ безплодную и голодную пустыню“ началось дѣйствительно при Богданѣ Хмельницкомъ, какъ естественный результатъ продолжительной народной войны, но тамъ еще многое и послѣ него оставалось; въ пустыню же эти области окончательно превратились по милости измѣннической дѣятельности Выговскаго и К°. Эти господа, подобно тому какъ теперь г. Кулишъ, нашли нужнымъ послѣ Богдана Хмельницкаго, за счетъ его чести, протянуть руку примиренія полякамъ и татарамъ противъ власти Москвы въ Малороссіи: Конотопъ и Чудново, —вѣроятно, г. Кулишъ знаетъ это,— были не при Богданѣ Хмельницкомъ.

Несмотря на всѣ здѣсь указанные доносы на Богдана Хмельницкаго, они и въ наши дни получили точно такое же значеніе, какъ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: имъ не повѣрили или они не успѣли повліять на тѣхъ, на кого были разсчитаны. Сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ было готово къ печати еще весною 1887 и появись оно тогда немедленно на свѣтъ, оно пожалуй и произвело бы нѣкоторое смущеніе. Но памятникъ Богдану Хмельницкому открытъ лѣтомъ 1888 года, а это сочиненіе издано для публики только въ концѣ 1889 года. Теперь это сочиненіе, изданное въ „Чтеніяхъ“, получаетъ, по нашему мнѣнію, только научное значеніе: ученымъ читателямъ предоставляется смущаться его содержаніемъ или восхищаться,—это ихъ дѣло, они не малолѣтки. Во всякомъ случаѣ позволяемъ себѣ высказать надежду, что доносы на Богдана Хмельницкаго наконецъ прекратятся и что настоящее сочиненіе г. Кулиша есть послѣднее въ русской литературѣ надругательство надъ памятью великаго историческаго дѣятеля.

IV.

Если Богданъ Хмельницкій былъ только разбойникъ и притомъ измѣнникъ и предатель по натурѣ, какъ утверждаетъ это г. Кулишъ, то почему же московское правительство нашло возможнымъ принять его въ свое подданство?

Въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ заглавіи настоящаго „Объясненія“, изложимъ здѣсь по источникамъ, какъ мы понимаемъ отношенія московскаго правительства къ Богдану Хмельницкому за все время, предшествующее принятію его въ московское подданство.

Въ 1648 году, послѣ своего бѣгства на Запорожье, Богданъ Хмельницкій взбунтовалъ тамошнихъ козаковъ и осоюзился съ крымскими татарами; при этомъ онъ насулилъ какъ послѣднимъ, такъ и туркамъ, все, что только было имъ угодно; съ тѣхъ поръ турки и считали его своимъ подданнымъ. Хорошо ли это сдѣлалъ „новый Тамерланъ“, сочувствовалъ ли онъ самъ этому необходимому тогда для него союзу, объ этомъ мы не будемъ разсуждать. Общій результатъ войны Богдана Хмельницкаго, при помощи его соратниковъ и союзниковъ, противъ Рѣчи Посполитой извѣстенъ: это руина всей югозападной Россіи, съ полнымъ исчезновеніемъ въ ней всякихъ признаковъ польской власти. Когда въ 1654 году московскія войска вступали въ Бѣлоруссію, то по отношенію къ возсоединяемому краю издавались такіе государевы указы: „костеламъ не быть, а пѣть въ домѣхъ; уніатамъ не быть; жидамъ не быть и никакого житія въ Бѣлоруссіи не имѣти“. Подобные указы во время возсоединенія Малороссіи издавать было безполезно: тамъ по этой части было сдѣлано все вполнѣ чисто. Во всякомъ случаѣ уже съ конца 1648 года Богдана Хмельницкаго можно было считать полнымъ господиномъ и распорядителемъ судебъ Малороссіи; онъ самъ о себѣ выражался: „я человѣкъ ничтожный, но Богъ судилъ мнѣ быть единовластителемъ и самодержцемъ русскимъ“.

Какъ только успѣхи возстанія оказались блестящими, Богданъ Хмельницкій немедленно же обратился въ Москву съ предложеніемъ своего подданства; но тамъ къ этому предложенію отнеслись по его достоинству. Гетманъ и его соратники, притомъ еще осоюзившіеся съ татарами, являлись для московскаго правительства такими же разбойниками, каковыхъ въ польскихъ владѣніяхъ, на южныхъ границахъ Московскаго государства, въ послѣднее время показывалось немало. Въ Москвѣ съ этими защитниками святыхъ Божіихъ церквей были очень хорошо знакомы по событіямъ собственнаго Смутнаго времени; да къ тому же Московское государство было не Крымское ханство и не Оттоманская Порта, милостиво записывающая въ число своихъ подданныхъ каждаго, о томъ заявляющаго желаніе; въ Москвѣ не удовлетворили просьбы Богдана Хмельницкаго относительно принятія его въ свое подданство. Впрочемъ московскіе посланцы, бывавшіе потомъ въ Войскѣ Запорожскомъ по инымъ дѣламъ, въ разговорахъ съ гетманомъ прямо ему говорили, что если съ нимъ случится несчастіе, „что ляхи ихъ одолѣютъ, то въ вѣчномъ докончаніи у великаго государя съ польскимъ королемъ о перебѣжчикахъ ничего не сказано и поэтому онъ гетманъ можетъ переѣхать въ государеву сторону, гдѣ его и примутъ“. При этомъ какъ бы въ утѣшеніе ему прибавлялось: „ты, гетманъ, пріѣдешь къ государю служить, ты человѣкъ властной; а служба твоя и Войска Запорожскаго у государя царя нынѣ не забыта и впредь будетъ памятна“ (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. VIII, стр. 313—348*). Но совсѣмъ не это нужно было Богдану Хмельницкому: ему дѣйствительно нужно было принятіе въ подданство и помощь на враговъ, вслѣдствіе же отказа въ этомъ онъ попадалъ въ ужасное, отчаянное положеніе; по вѣрному выраженію г. Кулиша, онъ тогда находился между татарскимъ молотомъ и польскою наковальнею.

Несмотря на первоначальный отказъ, Богданъ Хмельницкій въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ все-таки не отставалъ отъ царя Алексѣя Михайловича съ своими просьбами о принятіи его въ подданство. Въ отвѣтъ на подобныя присылки московское правительство только сносилось съ нимъ, но сносилось точно такъ же, какъ и съ прочими козацкими вождями. Съ международной точки зрѣнія московское правительство вело себя безукоризненно честно и правительству Рѣчи Посполитой на то, что запорожскіе посланцы появляются даже въ Москвѣ, претендовать было нельзя: это былъ прежде всего старый обычай; посланцы донскихъ козаковъ могли появляться и въ Варшавѣ. Мало того: помимо всякихъ слуховъ и подозрѣній, польское прави-

тельство могло узнать и все достовѣрное объ этихъ сношеніяхъ. Во-первыхъ, само московское правительство сносится съ своей стороны съ Богданомъ Хмельницкимъ только по поводу разныхъ разбойныхъ дѣлъ его воинства, а вовторыхъ, москвичи на предложеніе со стороны гетмана подданства и просьбу о помощи постоянно отвѣчаютъ: „у великаго государя съ королемъ польскимъ вѣчный миръ и крестное цѣлованіе, которые нарушить никакъ нельзя; вамъ же совѣтуемъ, чтобы вы, православные христiане, какъ-нибудь помирились бы съ своимъ государемъ". Единственно чѣмъ польское правительство, пожалуй, могло быть недовольно, это то, что козаки, вслѣдствіе почти полнаго прекращенія сельскаго хозяйства и всякихъ промысловъ въ Малороссіи во время бунта, покупали свободно въ Путивлѣ и другихъ украинскихъ городахъ всякіе запасы. Дѣйствительно, закрытіемъ своихъ границъ и рынковъ для козаковъ московское правительство, пожалуй, могло если не сразу уничтожить бунтъ въ польскихъ владѣніяхъ, то во всякомъ случаѣ нанести ему страшно тяжелый ударъ; но къ подобнымъ поступкамъ ничто не обязывало московское правительство. Что касается не требованій, а просьбъ со стороны польскаго правительства у дружественнаго сосѣдняго государства, чтобы оно закрыло свои границы и рынки для бунтовщиковъ, то таковыя просьбы предъявлять было бы весьма странно, потому что изъ Москвы всегда могли отвѣчать, что не ихъ дѣло разбирать, кто въ Рѣчи Посполитой вѣрный подданный и кто бунтовщикъ, что продажею запасовъ козакамъ бунтъ не можетъ процвѣтать, что источники его совсѣмъ иные, наконецъ, что озлобленные такимъ запрещеніемъ козаки, пожалуй, могутъ вмѣсто польскихъ опустошенныхъ владѣній броситься грабить московскія. Напротивъ, московское правительство само имѣло поводъ постоянно жаловаться польскому: почему Рѣчь Посполитая не торопится тушить свой домашній пожаръ, который сосѣду видѣть у себя подъ бокомъ нѣтъ ни малѣйшаго удовольствія? Но предъявленіе со стороны москвичей именно подобной жалобы и уже въ 1653 году, съ указаніемъ притомъ и средства, какъ ее удовлетворить, т.-е. вмѣшательство московскаго правительства во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой послужило, какъ извѣстно, поводомъ къ войнѣ.

Такъ дѣло стояло въ началѣ возстанія Богдана Хмельницкаго. Но прошло нѣсколько лѣтъ и то же московское правительство рѣшается принять страшнаго разбойника въ свое подданство, рѣшается объединить себя съ нимъ. Какъ это случилось? Надо полагать, что въ Москвѣ знали, что дѣлали: въ теченіе шести лѣтъ тамъ успѣли

хорошо познакомиться съ Богданомъ Хмельницкимъ и прежде всего видѣли то, что въ теченіе этого долгаго времени разбойникъ нигдѣ не провалился, какъ бы слѣдовало случиться непремѣнно со всякимъ разбойникомъ. За симъ, въ Москвѣ также убѣдились не только въ правотѣ его дѣла и въ своей обязанности ему помочь, но и въ томъ, что съ нимъ можно имѣть дѣло, не опасаясь, что онъ при случаѣ продастъ своего союзника и покровителя. Въ Москвѣ тогда, послѣ долгаго опыта и личнаго знакомства, пришли къ убѣжденію совершенно противоположному тому, какое теперь имѣетъ о Богданѣ Хмельницкомъ г. Кулишъ, какъ о коварномъ разбойникѣ, измѣнникѣ и предателѣ по натурѣ и воспитанію.

Поговоримъ обо всемъ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Г. Кулишъ теперь, слѣдуя примѣру другихъ, указываетъ на образецъ дерзости Богдана Хмельницкаго, какъ, просясь въ московское подданство, въ то же время онъ позволялъ будто бы себѣ иногда съ пьяна ругаться даже съ московскими посланцами: „я доберусь и до того, кто у васъ тамъ на Москвѣ сидитъ, и тотъ у меня не отсидится". Прежде всего слѣдуетъ сказать, что Богданъ Хмельницкій высказывалъ подобныя угрозы часто и далеко не всегда пьяный, а въ трезвомъ и не въ раздраженномъ состояніи, просто объясняя москвичамъ свое положеніе. За симъ, по нашему мнѣнію, да и по мнѣнію, какъ сейчасъ увидимъ, тогдашнихъ московскихъ государственныхъ людей, всѣ эти угрозы совсѣмъ не имѣли того смысла, какой имъ теперь придается. Надо же принимать во вниманіе, какъ было больно Богдану Хмельницкому слышать отказъ въ принятіи его въ московское подданство; отказъ былъ сдѣланъ въ самой образцовой изящно-вѣжливой дипломатической формѣ, съ указаніемъ и на православную вѣру, и на заслуги самого гетмана предъ великимъ государемъ. Но эти послѣднія указанія въ настоящемъ случаѣ можно было принять со стороны москвичей за злую насмѣшку: православная вѣра,—но запорожскіе козаки, хотя и провозгласили себя борцами за православную вѣру, однако же прежде и не весьма давно, въ Московскомъ государствѣ всюду, а теперь у себя дома весьма часто жгли и грабили православныя церкви; заслуги гетмана предъ государемъ,—но эту службу въ первые два года возстанія Богдана Хмельницкаго невозможно было и опредѣлить, въ чемъ бы она могла заключаться. Въ дѣйствительности смыслъ отказа былъ самый оскорбительный: съ тобой, съ разбойникомъ, великій государь и связываться не намѣренъ; впрочемъ тебя съ твоей компаніей, какъ перебѣжчиковъ, пожалуй въ Москвѣ и примутъ; много у насъ этого народа, сумѣемъ

справиться. Богданъ Хмельницкій понималъ отказъ именно въ томъ смыслѣ, что москвичи не могутъ относиться къ нему иначе, какъ къ разбойнику. Съ нимъ серьезно вели переговоры, какъ онъ самъ выражался, только „за дубы да за пасѣки", т.-е. уговаривали атамана шайки, чтобы онъ самъ и его товарищи не грабили по своему обычаю московскихъ пограничныхъ жителей, напоминая при этомъ, что за подобныя заслуги великій государь въ ихъ несчастіи можетъ и пригодиться своею милостію. На бѣду Богдана Хмельницкаго, какъ бы въ доказательство ему, что въ Москвѣ на него и на его соратниковъ не могутъ иначе смотрѣть, какъ на разбойниковъ, московскіе посланцы появлялись въ Войскѣ Запорожскомъ только для переговоровъ по дѣламъ весьма некрасивымъ для репутаціи будущихъ подданныхъ великаго государя. Московскіе посланцы пріѣзжали къ гетману, напримѣръ, чтобы указать: „вотъ у васъ въ Войскѣ завелся самозванецъ, вѣдомый намъ воръ, Тимошка Анкудиновъ, называется сыномъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, выдайте его намъ". На это Богданъ Хмельницкій отвѣчалъ: „самъ знаю, что у царя Василія и ни у кого изъ Шуйскихъ дѣтей не было; вижу, что это настоящій воръ, но выдать намъ его нельзя: сами знаете, кто пришелъ въ Войско Запорожское, того у насъ не выдаютъ, меня за такую выдачу козаки убьютъ; но я обѣщаюсь, что этому вору ничего сдѣлать не дамъ". По-козацки Богданъ Хмельницкій былъ совершенно правъ, но за это и былъ принужденъ слышать отвѣты на тему: „не можете выдать вора, такъ чего же можете требовать для себя отъ великаго государя!" Богданъ Хмельницкій, по всему видно, былъ всегда чрезвычайно радъ, когда къ нему являлись московскіе посланцы; тогда-то онъ разсыпался передъ ними во всевозможныхъ любезностяхъ и откровенностяхъ, но каждый разъ принужденъ былъ сознаваться, что эти господа пріѣзжаютъ къ нему не для переговоровъ о дѣлахъ, его интересующихъ, а еще, кромѣ разбойныхъ дѣлъ Войска Запорожскаго, пожалуй и дѣйствительно „для лазутчества". Тутъ ему оставалось одно—злиться и браниться; но и въ этомъ ему не препятствовали и значенія его брани никакого не придавали. Дѣйствительно, видя къ себѣ такое оскорбительное отношеніе москвичей, Богданъ Хмельницкій иногда, не выдержавши, вмѣсто любезностей и дипломатическихъ фразъ, прямо заявлялъ: если меня считаютъ разбойникомъ, то пожалуй и доведутъ до того, что я и буду поступать по-разбойничьи, „пойду на Москву и разорю пуще Литвы; я посылаю къ нимъ отъ всего сердца своего, а они лицу моему посмѣхаются". Но вслѣдъ за этой угрозой, покоряясь факту, иногда со слезами (и мы вѣримъ,

что тутъ Богданъ Хмельницкій плакалъ искренно, отъ чистаго сердца) прибавлялъ: „не того мнѣ хотѣлось и не такъ бы тому дѣлу слѣдовало быть“. Да и московскіе агенты, слышавшіе эту брань, какъ бы подтверждая наше мнѣніе, замѣчаютъ отъ себя: „знать не добре ему любъ миръ съ ляхи“ (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. III, стр. 350—353 и 452*).

Это мы такъ объясняемъ брань Богдана Хмельницкаго; но, конечно, интересно знать, какъ смотрѣли въ Москвѣ на эту брань и угрозы, какую имъ цѣну придавали. За 1649 годъ отвѣта на поставленный нами вопросъ мы не подыскали, но за 1650 годъ знаемъ слѣдующее. Въ наказѣ посланца Унковскаго (*тамъ же, т. VIII, № 33*), отправленнаго въ Войско Запорожское въ августѣ этого года, была написана статья, имѣвшая въ виду, какъ видно, часто повторявшіяся со стороны гетмана угрозы: „будетъ гетманъ или которые полковники и ясаулы учнуть говорить: коли царское величество ихъ подъ свою высокую руку принять не изволитъ и помочи на непріятелей не учнитъ, то они, сложась съ татарами, пойдутъ войною на царскаго величества земли“. За симъ въ наказѣ помѣщена длинная рѣчь, которою слѣдовало отвѣчать на подобныя дерзкія слова, заключающаяся такою фразою: „буде они на христіанство возстанутъ, то имъ Христосъ Богъ противникъ и мститель, а великому государю помощникъ и угрозы ихъ не страшны“. Въ черновомъ спискѣ наказа противъ этой статьи рукою думнаго дьяка помѣчено: „та статья, чаять, вся не надобна“; а въ концѣ статьи другая такая же помѣта: „по та мѣста не надобно“. Переводъ этихъ краткихъ помѣтъ, кажется, ясенъ; ревнивые къ чести своего государя московскіе сановники отнеслись къ дѣлу здравомысляще: если гетманъ будетъ говорить грубости, то не слѣдуетъ обращать на это вниманіе и придавать имъ какое-либо значеніе, все это только слова и пожалуй дурная козацкая привычка постоянно браниться. Уже за два года знакомства съ Богданомъ Хмельницкимъ въ Москвѣ убѣдились, что онъ далеко не разбойникъ. Выше мы видѣли, что г. Кулишъ говоритъ: „Москва знала цѣну и слезамъ и словамъ интригана“ (*т. III, стр. 311—312*). Москва дѣйствительно это знала, но только смотрѣла на Богдана Хмельницкаго совсѣмъ не какъ на интригана, и современное мнѣніе о немъ Ларіона Дмитріевича Лопухина для насъ авторитетнѣе мнѣнія г. Кулиша.

Богданъ Хмельницкій съ самаго начала и потомъ много разъ объяснялъ, какъ бы по его мысли слѣдовало быть, если бы государь по первой просьбѣ принялъ его въ подданство и далъ бы на помощь ратныхъ людей, хотя бы немного, только для виду, т. е. только бы

узаконилъ его дѣло: онъ бы первымъ дѣломъ разорвалъ свой союзъ съ татарами, сколько возможно замирилъ бы Малороссію, которую самъ же взбунтовалъ; что же касается Польши, то справиться съ нею, ясное дѣло, ничего не стоитъ. По планамъ Богдана Хмельницкаго собственно выходило то, что онъ теперь являлся какъ бы продолжателемъ дѣла, начатаго полтораста лѣтъ тому назадъ князьями Воротынскими, Одоевскими съ товарищи. На это изъ Москвы ему на первый разъ отвѣчали вѣжливо, но въ томъ смыслѣ: далеко козаку Хмельницкому до князей отъѣзжиковъ временъ Ивана III; тѣ прежде всего были многовѣковые державцы, прирожденные отчичи и дѣдичи своихъ владѣній, а онъ только атаманъ вновь появившейся разбойничьей шайки, захватившей цѣлую страну. Впрочемъ въ московскомъ отказѣ Богдану Хмельницкому относительно принятія въ подданство постоянно слышалось еще и другое: докажи именно, что у тебя дѣйствительно такіе благіе планы, а не разбойничьи. Выходила на первый взглядъ какая-то странность: московское правительство не цѣнило и даже ни во что не ставило великія побѣды запорожцевъ надъ исконнымъ врагомъ Московскаго государства, надъ польскимъ королемъ; мало того, можно было подумать, что дѣйствительное его сочувствіе скорѣй находится на сторонѣ поляковъ, враговъ православія, чѣмъ на сторонѣ малороссіянъ, борющихся съ ними за это православіе. Будь Богданъ Хмельницкій болѣе обыкновенный смертный, онъ однимъ этимъ повидимому неестественнымъ фактомъ вполнѣ бы убѣдился не только въ близорукости, но даже въ тупоуміи московскихъ легитимистовъ, съ которыми поэтому и дѣла никакого имѣть нельзя. Но при своемъ великомъ умѣ, какъ ни было ему лично обидно, Богданъ Хмельницкій сознавалъ истину, что въ двадцать четыре часа попасть въ великіе люди невозможно, что какіе бы ни были блестящіе успѣхи, которые иногда выпадаютъ на долю человѣка, эти успѣхи не всегда доказательство дѣйствительнаго величія человѣка и правоты его дѣла, а чтобы убѣдить другихъ въ этомъ, нужно представить и еще много иныхъ доказательствъ. И вотъ Богданъ Хмельницкій, только что совершившій одно необычайное дѣло, уничтоженіе польской власти въ Малороссіи, рѣшился немедленно за симъ, въ виду выяснившихся для него обстоятельствъ, исполнить еще другое дѣло, несравненно труднѣйшее—превратить свое повидимому беззаконное разбойничье дѣло въ самое святое и правое; при этомъ онъ рѣшился ждать, вѣруя, что правда выяснится, возьметъ верхъ и что его въ заключеніе непремѣнно примутъ въ московское подданство.

Г. Кулишъ постоянно восхищается мудростію московскихъ правителей, удивительной государственной дисциплиной, существовавшей между ними, твердостію, съ которою они держались своихъ вѣковыхъ историческихъ преданій и т. п. Но оказывается, что всѣмъ этимъ онъ восхищается какъ-то по-своему, потому что, говоря такъ хорошо, г. Кулишъ какъ бы боится, чтобы читатель въ самомъ дѣлѣ не остался подъ однимъ такимъ впечатлѣніемъ и поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи событій непремѣнно спѣшитъ разсѣять его, напримѣръ, подобнымъ картиннымъ изображеніемъ, которое и выписываемъ здѣсь вполнѣ (*т. III, стр. 273*):

„Разница между Косткой (Костка Напѣрскій, незаконнорожденный сынъ короля Владислава, бунтовщикъ католическихъ крестьянъ) и Хмельницкимъ только въ томъ, что одинъ попалъ, а другой не попалъ на колъ. Разница между Косолапомъ, Разинымъ, Пугачевымъ и Хмельницкимъ только въ томъ, что тѣхъ поймали небольшою сравнительно облавою, а на украинскаго змѣя-горыныча, разбойнаго чуда-юду не хватало облавы ни у короля польскаго, ни у царя московскаго, ни даже у султана турецкаго. Поэтому каждый изъ троихъ потентатовъ поровилъ схватить его за козацкую чупрыну и нагнуть къ подножію ногъ своихъ. Здѣсь нужна была уже не сила, а сноровка, и сноровки оказалось достаточно у наслѣдника собирателей русской земли. Если бы всѣмъ названнымъ разбойникамъ удалось, какъ Хмельницкому, злодѣйствовать безнаказанно, карта Европы въ настоящее время была бы совсѣмъ иная, и человѣчество опоздало бы многими столѣтіями въ развитіи человѣчности. Но слѣдуетъ помнить, что каждый изъ прославленныхъ и каждый изъ заклейменныхъ позоромъ злодѣевъ былъ продуктомъ своего общества, и что каждый изъ нихъ былъ грозящимъ пальцемъ Судьбы для того гражданскаго общества, которое дало злодѣю славу или безславіе“.

По поводу сейчасъ выписаннаго, во-первыхъ, приведемъ, по примѣру самого г. Кулиша, изреченіе великаго писателя, содержащее въ себѣ, въ приложеніи къ настоящему картинному изображенію, неопровержимую истину: „читалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ; курскіе помѣщики хорошо пишутъ“ (см. у Гоголя, Записки Сумасшедшаго). Вовторыхъ, еще замѣтимъ, что если московское правительство посредствомъ сноровки сумѣло ухватить Хмельницкаго за козацкую чупрыну и

сдѣлать его въ 1654 году своимъ подданнымъ на всей своей волѣ, то послѣ этого, кажется, могло распорядиться съ нимъ, какъ потомъ распорядилось съ Разинымъ и Пугачевымъ. Поводовъ придраться такъ поступить и средствъ для этого у московскаго правительства тогда было много,—и однакоже оно такъ не поступило, какъ бы слѣдовало по рецепту г. Кулиша.

Если такіе мудрые и солидные государственные люди, какими въ иныхъ случаяхъ изображаетъ московскихъ правителей г. Кулишъ и какими они были въ дѣйствительности, рѣшились связать свое вѣковое дѣло съ дѣломъ какого-то политическаго проходимца и явнаго разбойника, то это, намъ кажется, служитъ лучшимъ доказательствомъ что Богданъ Хмельницкій въ заключеніи оказался въ ихъ глазахъ и не проходимецъ, и не разбойникъ. Неужели эти дьяки „въ приказахъ посѣдѣвшіе“ были такъ ловко обойдены хитрымъ хохломъ, или, напротивъ, московскіе коварные государственные сановники перехитрили чигиринскаго плута? Ни того, ни другаго не было. Г. Кулишъ не разъ говоритъ, что Богданъ Хмельницкій и его соратники „прожужжали уши“ тишайшему царю и его боярамъ рѣчами о гонсніи на православіе. Дѣйствительно объ этомъ часто говорилось и это было выставлено почти главною причиною принятія малороссійскаго народа въ московское подданство; но опять таки смѣемъ увѣрить г. Кулиша (да и онъ самъ не разъ въ этомъ сознается), что никакими жалкими словами о самыхъ чувствительныхъ вещахъ нельзя было сбить съ толку московскихъ государственныхъ людей: они все это слушали, но только „добру и злу внимая равнодушно“. Что касается самого царя Алексѣя Михайловича, то неужели этотъ гордый легитимистъ не зналъ, что разъ объединивши себя съ разбойникомъ (а присоединяя Малороссію при тогдашнихъ обстоятельствахъ, обойти при этомъ личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго было нельзя), подъ какимъ бы то ни было святымъ предлогомъ, послѣ раздѣлать это дѣло будетъ уже невозможно? Неужели молодой царь изъ жажды славы и пріобрѣтеній, или подъ вліяніемъ патріарха Никона, или изъ-за того, что при помощи разбойника можно отлично отомстить сосѣду, нанесшему прежде во время неблагополучія Московскаго государства много обидъ этому государству, его отцу и дѣду,— сталъ бы поддерживать самое беззаконное дѣло? Всѣмъ извѣстно, что царь Алексѣй Михайловичъ былъ неспособенъ ни на что подобное. Г. Кулишъ такъ характеризуетъ тишайшаго царя *(т. III, стр. 399)*: „истинно благочестивый въ жизни своей и возвышенно честный въ начинаніяхъ своихъ“. Но если такой царь, подумавши объ этомъ

однакоже слишкомъ пять лѣтъ, рѣшился принять Богдана Хмельницкаго въ свое подданство, то, значитъ, онъ убѣдился, что послѣдній не былъ разбойникъ и что его дѣло чистое и святое. Принятіе Богдана Хмельницкаго въ московское подданство было самое обыкновенное принятіе въ подданство, а не какая-нибудь со стороны преемника собирателей Руси прехитрая, посредствомъ особой снаровки, ловля великаго разбойника.

Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія (*т. Ш, стр. 338*) г. Кулишъ даетъ еще иное, болѣе, такъ сказать, благовидное объясненіе принятія Богдана Хмельницкаго съ его козаками въ московское подданство: „если Москва запачкала свои руки этимъ орудіемъ въ борьбѣ съ Польшею, то не иначе, какъ пачкаетъ руки человѣкъ, вырывающій окровавленный ножъ у того, кто покушался его зарѣзать". Московское правительство временъ царя Алексѣя Михайловича не нуждается и въ подобномъ оправданіи: оно принимало въ свое подданство именно Богдана Хмельницкаго съ его козаками и необходимости для него такъ поступать, какъ пишетъ г. Кулишъ, совсѣмъ не было. Богданъ Хмельницкій никогда не „покушался зарѣзать" Московское государство, а напротивъ, какъ сейчасъ увидимъ, употреблялъ, кажется, всѣ средства, чтобы и мысли не могло явиться, что онъ что-либо думаетъ сдѣлать ему во вредъ. Притомъ же московское правительство принимало его въ свое подданство тогда, когда, съ одной стороны, само было настолько сильно, что не имѣло ни малѣйшей надобности идти на какія-либо сдѣлки съ совѣстію; съ другой же, оно принимало Богдана Хмельницкаго не тогда, когда онъ былъ силенъ, а въ то время, когда крайне ослабѣлъ, такъ что не приди къ нему въ 1654 году московская помощь, то даже при всей слабости Рѣчи Посполитой малороссійское козачество въ странѣ пожалуй исчезло бы само собою, что называется, изморомъ. Наконецъ, если московское правительство поневолѣ „пачкало свои руки" союзомъ съ Богданомъ Хмельницкимъ и его козаками, то ему по крайней мѣрѣ не слѣдовало бы расписываться въ такомъ собственномъ униженіи, тѣмъ болѣе что его къ этому никто не принуждалъ; а между тѣмъ въ жалованной грамотѣ Богдану Хмельницкому прямо сказано, что онъ награждается отъ государя „за крѣпкое и мужественное стояніе за православную вѣру и многія вѣрныя службы Московскому государству".

Г. Кулишъ, развивая до конца свою теорію вражды къ козачеству, въ заключеніи, по поводу переговоровъ великихъ пословъ въ Переславлѣ во время присяги съ представителями Войска Запорожскаго,

восклицаетъ (*т. III, стр. 405*): „козатчина возможна въ Россіи только на бумагѣ и то не вполнѣ“. Напрасно отрицать то, что, какъ существующее, извѣстно всему міру. Русское козачество великороссійскаго и малороссійскаго происхожденія не есть какой-нибудь рыцарскій орденъ съ точно выработаннымъ для опредѣленныхъ цѣлей уставомъ; прямые потомки соратниковъ Богдана Хмельницкаго и Стеньки Разина существуютъ и теперь, какъ козаки, при чемъ въ рукахъ умѣлаго правительства

Видѣлъ свѣтъ
Ихъ полетъ,
Слышалъ шумъ
Ихъ побѣдъ!

А въ мирѣ то же козачество является однимъ изъ полезнѣйшихъ элементовъ государственности и гражданственности Россійской имперіи. Попрекать же кого-либо происхожденіемъ и родствомъ никто не имѣетъ права.

Однако, чѣмъ Богданъ Хмельницкій могъ доказать, что онъ не разбойникъ и какія это онъ успѣлъ оказать заслуги Московскому государству, чтобы правительство считало себя чѣмъ-то передъ нимъ обязаннымъ? Самъ Богданъ Хмельницкій былъ дѣйствительно великій мастеръ указывать и выставлять на видъ свои заслуги; но онѣ впрочемъ были и безъ того ясны. Изложимъ собственными словами гетмана его политическое положеніе послѣ блестящихъ успѣховъ первыхъ двухъ лѣтъ его возстанія и послѣ заключенія зборовскаго договора. Онъ объяснялъ московскому посланцу: „великій государь надъ нами не умилосердился, отъ проклятыхъ ляховъ оборонить не поволилъ; поэтому я и все Войско Запорожское по неволѣ съ крымскимъ царемъ учинилися въ дружбѣ, да и турскій царь и паши ко мнѣ пишутъ, хотятъ быть со мною въ згодѣ и они мнѣ на враговъ помогаютъ. Ни которыми мѣрами межъ нами и поляками миру состоять немочно, потому что имъ не состоять въ своемъ правѣ. По теперешнему миру хотя въ городахъ, которые подъ моею властію, урядникамъ и ляхамъ владѣть мѣщаны, а до козаковъ ни въ чемъ дѣла нѣтъ, только владѣніе ихъ со страхомъ“. Богданъ Хмельницкій не вѣрилъ въ возможность со стороны поляковъ сохранить миръ съ Войскомъ Запорожскимъ, но сознавалъ также, что и ему самому невозможно поддержать этотъ миръ. Невольный союзъ съ крымцами и громадная масса малороссійскаго народа, повороченная въ козаки, заставляла гетмана, особенно въ виду какого-то полумира съ польскимъ прави-

тельствомъ, придумывать занятіе для вызванной обстоятельствами къ дѣйствію этой страшной силы, дать удовлетвореніе хищническимъ ея инстинктамъ. Если бы Богданъ Хмельницкій былъ дѣйствительно разбойникъ по натурѣ, то ему было вполнѣ естественно отвѣтить московскому правительству на отказъ въ принятіи въ подданство тѣмъ, что всю эту разбойную массу бросить въ предѣлы того же Московскаго государства: не хотите выручать, такъ сами получите; вполнѣ было естественно ему направить 300.000 козаковъ и 200.000 татаръ по натореной дорожкѣ къ Путивлю, а тамъ что будетъ! Здѣсь замѣчательно, что какъ лучшій показатель, къ чему все дѣло клонилось, было появленіе именно въ это время въ Войскѣ Запорожскомъ московскаго самозванца; настоящіе разбойные элементы русскаго общества сейчасъ же предлагали и знамя, подъ которымъ было удобно раззорять Московское государство. Конечно, можно было быть увѣреннымъ, что теперь не повторится въ Великой Россіи вновь эпоха Смутнаго времени; но разбойникъ не могъ объ этомъ разсуждать, тѣмъ болѣе, что онъ могъ быть такъ же увѣренъ, что подобное нашествіе его воинства будетъ для Москвы все-таки очень тяжело. Такъ бы навѣрное поступили всѣ другіе козацкіе вожди и такъ на самомъ дѣлѣ поступалъ прославляемый знаменитый Конашевичъ-Сагайдачный; но Богданъ Хмельницкій былъ совсѣмъ иное дѣло. Мы не можемъ утвердительно говорить, какое вліяніе имѣлъ опытъ предшествующей козацкой жизни Богдана Хмельницкаго на теперешніе его поступки и рѣшенія; но знаемъ, что на старости лѣтъ, когда ему самому пришлось руководить дѣлами, онъ не разъ говорилъ московскимъ посланцамъ, при досадѣ съ бранью и угрозами, а въ спокойномъ состояніи откровенно выясняя свое положеніе: „истинно объявляю, что крымскій царь, калга и царевичи и вся орда звали меня всякими мѣрами идти съ ними заодно воевать Московское государство, да и наши козаки того же хотѣли. Но я крымскаго царя уговорилъ, а своимъ козакамъ учинилъ заказъ крѣпкій подъ смертною казнію и впредь всякими мѣрами отъ всякаго дурна Московское государство оберегать буду. Знаю, что если я это сдѣлаю, то мнѣ и Богъ за это не потерпитъ“. Всѣ приводимыя здѣсь объясненія Богдана Хмельницкаго неизвѣстны г. Кулишу, хотя бумаги посольства Унковскаго къ гетману, изъ которыхъ мы приводимъ эти объясненія, давно напечатаны *). Но мы увѣрены, что если бы эти объясненія и были

*) Г. Кулишъ *(т. III, стр. 151—152)*, приводя извѣстіе одного польскаго письма отъ 26-го ноября 1650 года, гдѣ упоминается о пребывавшемъ

извѣстны г. Кулишу, то онъ навѣрно изложилъ бы ихъ въ такомъ смыслѣ: это-де ложь, обманъ и коварство со стороны Хмельницкаго; онъ только льстилъ московскому посланцу, на самомъ дѣлѣ лгалъ, такъ какъ у него на умѣ было совсѣмъ другое и т. п. Говорить такъ мы позволяемъ себѣ на томъ основаніи, что г. Кулишъ всѣ подобныя откровенности Богдана Хмельницкаго объясняетъ именно въ этомъ смыслѣ. Что было на умѣ у Богдана Хмельницкаго—этого никто не знаетъ; можетъ быть, онъ и льстилъ москалю, но только лгать-то ему было нечего, потому что эти его слова вполнѣ соотвѣтствуютъ тогдашнимъ обстоятельствамъ и на самомъ дѣлѣ оказываются, напримѣръ относительно союза съ крымцами, сущею правдою. Въ теченіе пяти лѣтъ Богданъ Хмельницкій дѣйствительно стоялъ на стражѣ московскихъ границъ какъ отъ татаръ, такъ и отъ своихъ запорожцевъ; выходило то, что онъ какъ бы берегъ московскія силы для самого себя, предвидя, что придетъ время, когда эти силы понадобятся выручать его же самого. Что въ 1649 и даже въ 1650 году запорожцы и татары не бросились раззорять московскія владѣнія, это можно было пожалуй объяснить не заботами Богдана Хмельницкаго о московскихъ интересахъ, а тѣмъ, что для нихъ находилось много разбойничьихъ занятій съ поляками; но послѣ 50 года, когда съ одной стороны отношенія Богдана Хмельницкаго къ польскому правительству въ извѣстной мѣрѣ выяснились вслѣдствіе заключенія договора, а съ другой стороны въ южной половинѣ Рѣчи Посполитой грабить было положительно нечего, потому что тамъ было уже почти все „пусто“, удержать въ это время разбойную массу отъ похода на московскія владѣнія было большою его заслугою. Для достиженія этой цѣли Богдану Хмельницкому приходилось бороться болѣе противъ своихъ, чѣмъ противъ чужихъ: отказывая москвичамъ, на основаніи общихъ козацкихъ порядковъ, что не можетъ выдать самозванца, онъ въ то же время не далъ послѣднему ничего сдѣлать—и тотъ исчезъ. Богдану Хмельницкому и послѣ московскаго подданства иногда

тогда въ Войскѣ Запорожскомъ посольствѣ къ гетману изъ Москвы, говоритъ въ примѣчаніи: „въ архивахъ не отыскано слѣдовъ этого посольства. Оно по всей вѣроятности было сочинено Хмельницкимъ для пановъ, какъ и Переяславское 1649 года“. Это посольство не выдумано Хмельницкимъ, а дѣйствительно было: это—посольство Унковскаго и бумаги этого посольства, изъ котораго здѣсь приводимъ выписки, давно извѣстны, а за симъ такъ же и давно напечатаны, въ 1875 году, въ *VIII т. Актовъ Южн. и Зап. Росс.*, *въ Приложеніяхъ подъ № 33.*

приходилось указывать правительству на свою прежнюю службу и среди этихъ службъ, до самой своей смерти, онъ на первомъ планѣ всегда выставлялъ: „крымскаго царя уговорилъ и государевы украйные города воевать и раззорять не допустилъ“ (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. III, стр. 569*). Въ теченіе пяти лѣтъ передъ подданствомъ у Богдана Хмельницкаго подобныхъ дѣлъ было не мало и всѣ такія его заслуги въ Москвѣ очень хорошо понимали и умѣли цѣнить; тамъ „за царемъ служба не пропадала“. Разбойничій походъ на Москву, напримѣръ послѣ заключенія Зборовскаго договора, для Богдана Хмельницкаго была вещь самая естественная; этому въ Польшѣ, конечно, были бы очень рады, только наврядъ-ли сумѣли бы это оцѣнить, а не только что поддержать и за это наградить. Все это Богданъ Хмельницкій очень хорошо зналъ.

Г. Кулишъ говоритъ (*т. III, стр. 122*): „судя по политикѣ Козацкаго Батьки, о которой намъ говоритъ не столько его біографія, сколько исторія козачества, Москва въ его умѣ была запаснымъ поприщемъ козацкаго грабежа или послѣднимъ козацкимъ прибѣжищемъ, смотря по тому, какъ укажутъ непредвидѣнныя обстоятельства“. Все это опять повтореніе одного и того же обвиненія: Богданъ Хмельницкій хотя и не измѣнилъ, но онъ все - таки при удобномъ случаѣ непремѣнно измѣнилъ бы, а поэтому онъ измѣнникъ; Богданъ Хмельницкій не грабилъ Московскаго государства, но онъ непремѣнно бы при удобномъ случаѣ бросился его грабить, поэтому онъ разбойникъ и т. п. Случаевъ для того и для другого предоставлялось множество, но только Богданъ Хмельницкій ими не воспользовался: то ему помѣшала горилка, которою онъ будто бы преждевременно опился, то московское правительство предупредило, принявъ его въ свое подданство и т. п. Обвиненія, высказываемыя г. Кулишемъ въ такой формѣ, могутъ служить не только къ оправданію Богдана Хмельницкаго, а прямо къ его прославленію. Къ тому же этотъ литературный пріемъ г. Кулиша восходить отъ частнаго къ общему вообще у него неудаченъ, а въ настоящемъ случаѣ болѣе чѣмъ когда-либо: исторія козачества исторіей, однако нельзя же не принимать во вниманіе и біографіи историческихъ дѣятелей. Богданъ Хмельницкій не сдѣлалъ набѣга на Москву, употреблялъ всѣ средства, чтобы и помимо его этого не случилось, постоянно отрекался отъ навязываемой ему на этотъ счетъ мысли, и поэтому сейчасъ приведенное обвиненіе г. Кулиша становится даже болѣе чѣмъ голословнымъ. Что же касается того, что для Богдана Хмельницкаго „Москва являлась послѣднимъ прибѣжищемъ“, то объ этомъ съ самаго

начала своей политической дѣятельности онъ и самъ не разъ заявлялъ, но только формулировалъ это совсѣмъ не такъ, какъ г. Кулишъ: Москва для него являлась не только послѣднимъ, но и первымъ прибѣжищемъ. Мы говоримъ о фактахъ, а не о предположеніяхъ; поэтому коесли даже и справедливъ взглядъ г. Кулиша вообще на исторію козачества, то почему же Богдану Хмельницкому не быть исключеніемъ изъ общаго правила? Вѣдь эти исключенія вездѣ встрѣчаются. Да наконецъ справедливъ ли вообще проповѣдуемый теперь г. Кулишемъ историческій взглядъ на козаковъ, какъ на разбойниковъ, имѣвшихъ наклонность постоянно измѣнять? Можетъ быть, въ измѣнахъ козаковъ они сами не всегда были вполнѣ виноваты. Мы не замѣтили, чтобы г. Кулишъ гдѣ-либо объ этомъ говорилъ; однакоже и на эту сторону предмета слѣдуетъ обращать вниманіе. Московское правительство царя Алексѣя Михайловича сознавало свое призваніе и силу руководить козачествомъ, но дѣйствовало не всегда умѣло, безъ опредѣленно выработаннаго плана или, что еще хуже, постоянно мѣняя эти планы и сочиняя новые. Это фактъ несомнѣнный и съ нимъ въ исторіи малороссійскихъ бунтовъ слѣдуетъ считаться. Можетъ быть, все это происходило отъ того, что московскому правительству въ первый разъ приходилось на этомъ поприщѣ дѣйствовать въ такихъ широкихъ размѣрахъ; но во всякомъ случаѣ надо признаться, что измѣны и бунты гетмановъ происходили не всегда отъ одного того, что они не могли въ нравственно-политическомъ отношеніи подняться на ту высоту, на которой стоялъ и выстоялъ Богданъ Хмельницкій, но и отъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ московское правительство, при безукоризненной своей благонамѣренности дѣйствовало какъ бы ощупью, точно нарочно бунтуя противъ себя тѣхъ, которые и безъ того были наклонны къ бунту и измѣнѣ. Вотъ этому примѣръ? Въ Малороссіи была настоящая смута, а въ Москвѣ въ числѣ разнообразныхъ плановъ, какъ ее прекратить, одинъ разъ придумали даже такой планъ, приложили его къ дѣлу и довели до конца: гетманъ Войска Запорожскаго и всякія мірскія власти въ Малороссіи обязаны были при рѣшеніи своихъ дѣлъ совѣтоваться съ архіереемъ, обязывались жить между собою въ дружбѣ, въ христіанской любви и т. п.,—однимъ словомъ изъ Москвы наградили Малороссію настоящимъ Никономъ! Такимъ способомъ можно и не запорожцевъ взбунтовать; этотъ планъ на дѣлѣ, какъ извѣстно, кончился тѣмъ, что мірскія власти перерѣзались между собою, а въ заключеніе и самъ архіерей измѣнилъ (см. наше изслѣдованіе „Меѳодій Филимоновичъ, епископъ Мстиславскій и Оршанскій, блюститель Кіев-

ской митрополіи" въ Православномъ Обозрѣніи за 1875 годъ). Дѣйствительными настоящими измѣнниками изъ гетмановъ, которые сами сознательно затѣяли и провели дѣло измѣны, намъ кажется, слѣдуетъ считать только двоихъ, Выговскаго и Мазепу—оба чистокровные шляхтичи, на которыхъ былъ только обликъ православія и русской народности; остальные же малороссійскіе измѣнники были, въ большинствѣ случаевъ, несчастными игрушками обстоятельствъ.

Но обратимся къ Богдану Хмельницкому. Какъ онъ ухитрился не только не пропустить въ московскія владѣнія крымскихъ татаръ, но главное удержалъ отъ такого похода свою запорожскую вольницу? Г. Кулишъ называетъ Богдана Хмельницкаго „геніальнымъ изобрѣтателемъ разбойничьихъ походовъ"; надо съ этимъ согласиться, но только въ похвалу послѣдняго. Послѣ 1649 года Богданъ Хмельницкій дѣйствительно началъ изобрѣтать разбойничьи походы: кромѣ войны съ Польшею, которую онъ, не смотря на заключаемые миры или, лучше сказать, перемирія, и не намѣренъ былъ прекращать, гетманъ придумывалъ для запорожцевъ еще походы на Донъ и далѣе на горскіе черкасы, а самое главное изобрѣлъ походы на Молдавію, куда и отвлекъ не только своихъ козаковъ, но даже и татаръ; этимъ способомъ, „въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ", но только не съ Москвою, Богдану Хмельницкому удалось протянуть время до 1654 года. Богдана Хмельницкаго объявляютъ „данникомъ Оттоманской Порты"; но въ такомъ случаѣ для чего же онъ затѣялъ эти молдавскіе походы, чего ради вздумалъ грабить турецкихъ подданныхъ, притомъ еще своихъ единовѣрцевъ, гонять съ престоловъ вѣрныхъ вассаловъ султана? Объяснять молдавскіе походы запорожскихъ козаковъ и татаръ между прочимъ тѣмъ, что гетманъ мечталъ создать какое-то особое государство изъ Малороссіи съ придунайскими областями, во главѣ котораго стала бы новая европейская династія Хмельницкихъ (*Кулишъ, т. III, стр. 155*),—такъ объяснять можно развѣ только для того, чтобы связать все это дѣло съ умышленно нелѣпымъ романтическимъ предлогомъ (Тимоѳей Хмельницкій получилъ „гарбузъ"), который выдумалъ Богданъ Хмельницкій для этихъ походовъ, т.-е. первоначально неудачнымъ сватовствомъ старшаго своего сына къ дочери молдавскаго господаря.

По поводу приписываемыхъ Богдану Хмельницкому разныхъ политическихъ мечтаній и фантазій въ родѣ затѣи создать для своей династіи какое-то особое государство изъ Малороссіи и сосѣднихъ съ нею странъ, выскажемъ свое мнѣніе, что этотъ гетманъ на самомъ дѣлѣ былъ большой реалистъ: онъ кромѣ своей Малороссіи

ничего не зналъ и не хотѣлъ знать. При этомъ этотъ отчаянный украйнофилъ (въ самомъ идеальномъ и благородномъ смыслѣ слова) какъ съ самаго начала своей политической дѣятельности заявилъ, такъ потомъ никогда не отрекался: „чтобы съ нами ни случилось, а все-таки намъ не кому преклониться, какъ только къ московскому государю". Впослѣдствіи къ этому онъ въ поясненіе еще прибавилъ: „Богъ насъ свободилъ изъ рукъ враговъ нашихъ; но мы живемъ въ своей землѣ въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ; это намъ всѣмъ весьма надокучило, и видимъ, что нельзя намъ жить болѣе безъ царя".

V.

Рѣчь Посполитая главный ходатай предъ правительствомъ царя Алексѣя Михайловича за Богдана Хмельницкаго о принятіи его въ московское подданство.

Если Богданъ Хмельницкій, такъ или иначе атаманъ разбойничьей шайки, понималъ и покорялся легитимизму московскаго правительства, то польское законное для всей Европы правительство оказывалось неспособнымъ подняться до такой обязательной для него высоты. Въ Польшѣ какъ бы не желали понимать и цѣнить въ высшей степени легальное отношеніе московскаго правительства къ тогдашнимъ внутреннимъ ея дѣламъ; тамъ какъ будто не хотѣли видѣть, что при такомъ бунтѣ, какъ бунтъ Богдана Хмельницкаго, самое существованіе Рѣчи Посполитой положительно зависитъ отъ воли русскаго царя, а что послѣдній не хочетъ помогать бунтовщику, этого въ Польшѣ не цѣнили, были не довольны, чего-то еще бо́льшаго ожидали отъ московскаго государя. Законность, строгое исполненіе договоровъ,—это полякамъ казалось по отношенію къ нимъ дѣломъ вполнѣ естественнымъ, для всѣхъ обязательнымъ; совсѣмъ иное дѣло исполненіе договоровъ со стороны Рѣчи Посполитой: тамъ объ этомъ, даже при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ она находилась по милости Богдана Хмельницкаго, все еще считали нужнымъ разсуждать. Полтораста лѣтъ подъ рядъ изъ Москвы всячески напоминали Литвѣ и Польшѣ объ уваженіи къ титулу московскаго царя „государь всея Руси"; не разъ случалось, что польско-литовское государство дорого расплачивалось за неуваженіе къ этому титулу. Дѣйствительно съ этимъ титуломъ связывались весьма реальныя притязанія крайне непріятнаго свойства для Рѣчи Посполитой; но если послѣдняя, даже послѣ эпохи Смутнаго времени, не смогла заставить московскаго государя отказаться отъ такого титула, то при настоящихъ обстоятельствахъ разсуждать объ этомъ было уже совсѣмъ не время. Въ Польшѣ къ титулу „государь всея Руси" относились съ пре-

зрѣніемъ; все, что говорилось о немъ въ договорахъ, не исполнялось: такая насмѣшка и притомъ во время бунта Богдана Хмельницкаго для москвичей была особенно оскорбительна; однакоже московское правительство терпѣло, хотя и не разъ напоминало, что это добромъ пожалуй не кончится. Но такъ какъ и русскому терпѣнію бываетъ конецъ, то въ 1653 году въ Польшѣ услышали отъ московскихъ пословъ такія слова: „присылалъ къ великому государю не разъ гетманъ Богданъ Хмельницкій бить челомъ о своихъ дѣлахъ, просяся въ подданство; поэтому великій государь объявляетъ, что если Рѣчь Посполитая помирится съ гетманомъ на условіяхъ Зборовскаго договора, то государь проститъ и забудетъ всѣ оскорбленія и дѣла, относящіяся къ титулу“. Хотя Богданъ Хмельницкій былъ въ то время всѣми признанная воюющая сторона, но все-таки болѣе оскорбительнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой трудно было придумать; тѣмъ болѣе это было оскорбительно, что такое вмѣшательство основывалось на принципахъ все того же титула „государь всея Руси“. Всякое другое правительство, находясь въ подобномъ положеніи, какъ тогда было польское, вѣроятно, рѣшилось бы изъ чувства самосохраненія перенести такое оскорбленіе и постаралось бы все-таки какъ-нибудь избѣгнуть войны; но чувство государственнаго самосохраненія полякамъ было неизвѣстно. Правительство Рѣчи Посполитой не хотѣло ни при какихъ обстоятельствахъ разсудить Богдана Хмельницкаго съ Чаплинскимъ и, наказавши послѣдняго за беззаконія, отнять у перваго предлогъ считать себя обиженнымъ; точно также оно не хотѣло и теперь не только наказать виновныхъ въ пропискахъ въ царскомъ титулѣ и въ сочиненіи пасквилей, но даже и разбирать жалобы москвичей объ этомъ предметѣ. Польскіе правители предпочитали переносить всякія оскорбленія, угрозы и даже брань со стороны московскихъ сановниковъ, но удовлетворить ихъ требованія,—это совсѣмъ иное дѣло; паны, казалось, только удивлялись, на что это Богданъ Хмельницкій и московскіе правители обижаются, вѣдь все это дѣло естественное: Чаплинскій съ товарищи ничего особеннаго не сдѣлали, они только поступали по шляхетски, а слѣдовательно были во всемъ правы. Сама Рѣчь Посполитая вызывала всѣхъ и вся на разсчеты съ собою, ставя каждое вздорное дѣло по отношенію къ собственному существованію въ положеніе—быть или не быть. Рѣчь Посполитая къ половинѣ XVII вѣка внутри совершенно сложилась и замерла и на все, что противорѣчило ея шляхетско-католическому строю, отвѣчала non possumus: или все окружающее должно было ей покориться, или этотъ окру-

жающій міръ долженъ ее сокрушить; поэтому-то съ ней и случалось то, что въ одномъ мѣстѣ съ своими гражданскими безобразіями паны „натрафили“ на Богдана Хмельницкаго, а въ другомъ съ политическими безобразіями „натрафили“ прямо уже на московскаго царя.

Богданъ Хмельницкій зналъ и понималъ всѣ отношенія московскаго правительства къ польскому и конечно не безъ основанія, еще за нѣсколько лѣтъ передъ подданствомъ, говорилъ Унковскому: „а съ ляхами царскаго величества и впредь никакому докончанію состояться нельзя: не тѣ они люди, на чемъ бы поляки съ государевыми людьми не докончали, и никако тому не бывать, солгутъ“. Не въ утѣшеніе же себѣ, при тяжелыхъ обстоятельствахъ, онъ это говорилъ и со всѣмъ не для того, чтобы сбить съ толку московскаго посланца; Богданъ Хмельницкій зналъ Польшу и зналъ, что лучшаго помощника, чтобы заставить московское правительство принять его въ свое подданство, кромѣ правительства Рѣчи Посполитой, ему не найти. Но не одною этою способностію не соблюдать международныхъ договоровъ правительство Рѣчи Посполитой помогало Богдану Хмельницкому въ достиженіи цѣлей его плановъ; оно всѣми зависящими отъ него средствами, какъ сейчасъ увидимъ, озаботилось еще очистить его въ глазахъ московскаго правительства и отъ страшнаго названія „разбойникъ“.

Стенька Разинъ и Пугачевъ, начиная свое историческое поприще, начинали его прямо съ разбойничества; если у нихъ и могло иногда проявляться сознаніе, что они въ преступленіи далеко зашли, то очистить себя, разыскать другое знамя кромѣ разбойническаго, для нихъ было невозможно; поэтому они какъ начали, такъ и продолжали свое дѣло, а засимъ конечно погибали. Богданъ Хмельницкій началъ свое дѣло тоже разбойничествомъ, но все-таки нѣсколько при иной обстановкѣ, чѣмъ Разинъ и Пугачевъ: онъ былъ обиженъ и послѣ всевозможныхъ, но неудачныхъ хлопотъ законнымъ образомъ добиться правды рѣшился наконецъ отомстить врагамъ по-казацки. Для этого онъ бѣжалъ изъ Малороссіи къ тѣмъ, которые точно такъ же, какъ и онъ, думали только о мести и пожалуй еще о грабежѣ; при нихъ-то помощи Богданъ Хмельницкій привелъ свою мысль въ исполненіе. Конечно, съ нашей точки зрѣнія это было уже преступленіе; но только таковымъ оно не считалось въ Рѣчи Посполитой и особенно на Украйнѣ. Мы знаемъ, что послѣ первыхъ своихъ разбойничьихъ успѣховъ Богданъ Хмельницкій поспѣшилъ ухватиться совсѣмъ не за разбойническое знамя; но и самое разбойничество его вскорѣ же было вполнѣ узаконено. На Украйнѣ задолго до Богдана Хмельницкаго паны,

при помощи тѣхъ же козаковъ, составлявшихъ ихъ многотысячныя, невсегда даже организованныя дворни, воевали другъ противъ друга, грабили враговъ, захватывали ихъ земли и имѣнія, не обращая вниманія на судъ и ни на какую власть, по вѣрному выраженію г. Кулиша (*т. II, стр. 71*): „въ королевской республикѣ, за отсутствіемъ исполнительной власти, ея мѣсто занимало самоуправство". Такъ поступали колонизаторы благословенныхъ украинскихъ пустынь и объ этомъ ихъ безобразіи г. Кулишъ пишетъ наиподробнѣйшимъ образомъ. Если дозволялось безнаказанно совершать въ дѣйствительности преступленія какому-нибудь князю Іереміи Вишневецкому, излюбленному герою г. Кулиша, какъ это сейчасъ увидимъ, то почему же Богданъ Хмельницкій лишенъ былъ права творить подобное же?

Здѣсь въ разсказѣ о Богданѣ Хмельницкомъ мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе. До сихъ поръ намъ приходилось приводить большею частію только брань г. Кулиша на историческихъ дѣятелей; теперь поищемъ у него и противуположнаго. Въ исторіи какъ въ наукѣ, точно такъ же, какъ и въ жизни, требуется любовь и прощеніе; у г. Кулиша до сихъ поръ мы встрѣчали только злобу и ненависть, любовь же, уваженіе и всепрощеніе мы разыщемъ у него только развѣ въ приложеніи къ собственной его особѣ, да еще къ особѣ князя Іереміи Вишневецкаго. Впрочемъ у него есть еще и другіе герои—это Жолкевскій и Конецпольскій; о нихъ, какъ мы выше указали, г. Кулишъ говоритъ въ выраженіяхъ, какія прилично употреблять относительно почтенныхъ, заслуживающихъ уваженія особахъ. Но мы къ этому здѣсь еще прибавимъ, что говоря о Жолкевскомъ и Конецпольскомъ, г. Кулишъ положительно неузнаваемъ: ни одного площаднаго выраженія даже въ похвалу, которыя онъ не стѣсняется употреблять и относительно собирателей Русской земли, мы не встрѣтимъ, когда ему приходится говорить о Жолкевскомъ и Конецпольскомъ. Засимъ по отношенію къ этимъ господамъ каждый ихъ шагъ даетъ поводъ г. Кулишу сыпать на право и налѣво слово „великій": Станиславъ Жолкевскій „незабвенный русичъ-католикъ, величайшій полководецъ своего времени" (*т. II, стр. 149*); Станиславъ Конецпольскій усмиритель козаковъ, составившій великій проектъ завоеванія Крыма въ союзѣ съ Москвою (*гл. XI*) и т. п. Мы не будемъ подробно говорить объ этихъ великихъ людяхъ и ихъ дѣлахъ, а укажемъ только кратко, въ чемъ дѣйствительно заключалось ихъ величіе. Жолкевскій, помимо всякихъ другихъ его дѣлъ, въ Смутное время занялъ Москву, навязалъ ей въ цари Владислава и привезъ въ Польшу настоящаго русскаго царя Василія Шуйскаго, заманивъ туда же еще двухъ

возможныхъ претендентовъ на московскій престолъ князя Василія Голицына и митрополита Филарета Романова, а засимъ предоставилъ королю Сигизмунду доканчивать начатое имъ такъ умно все это дѣло. Въ этомъ великомъ дѣлѣ Жолкевскаго случилась потомъ какая то неудача,—говорятъ, отъ неумѣлости исполнителей его плана или, можетъ быть, отъ извѣстной глупости москвичей, рѣшившихся въ такое для себя тяжелое время выбрать себѣ въ цари ребенка. Во всякомъ случаѣ, съ католической точки зрѣнія, за этотъ великій планъ завоеванія Римомъ Россіи, не насилуя при томъ совѣсти москвичей, Жолкевскій дѣйствительно величайшій изъ современныхъ ему смертныхъ; но г. Кулишъ называетъ себя русскимъ и, судя по его сочиненію, онъ даже ревнитель православія; поэтому, какъ то странно встрѣчать у такого писателя похвалы подобному историческому дѣятелю и стараніе даже навязать Жолкевскаго въ герои русскому народу. За тысячу лѣтъ существованія Россіи никто изъ ся враговъ ничего подобнаго не сдѣлалъ и на зло ей не придумалъ, какъ Жолкевскій; Россія скорѣе забудетъ Батыя,—вѣдь тотъ губилъ только тѣло,—но никогда не забудетъ этого дѣйствительно для нея „незабвеннаго русича-католика“. Что касается другаго великаго русича-католика Конецпольскаго, то замѣтимъ, что величіе людей судится по результатамъ ихъ дѣятельности. Великіе проекты оказываются великими только тогда, когда ихъ приложатъ къ дѣлу и изъ этого дѣла выйдетъ дѣйствительно что-нибудь великое; проекты же Конецпольскаго такъ и остались на бумагѣ: для г. Кулиша они кажутся великими, а для другаго, можетъ быть, просто глупыми. Если Конецпольскому дѣйствительно удалось повидимому усмирить козаковъ то и въ этомъ его великомъ дѣлѣ точно также какъ и съ проектомъ Жолкевскаго, случилась какая-то неудача. Малороссійское козачество не имѣло никакихъ правъ и жалованныхъ на нихъ привиліевъ; когда Богданъ Хмельницкій бѣжалъ на Запорожье, то ни какихъ привиліевъ ни у кого не похищалъ, потому что таковыхъ нигдѣ не существовало; могъ онъ увести на Запорожье только одинъ привилій—это собственную королевскую жалованную грамоту на Субботово и то выданную ему только 22-го іюля (по римскому календарю) 1646 года (*Ак. Юж. и Зап. Рос. т. X стр. 467*). Самый древній привилій на казацкія права, узаконившій по волѣ казаковъ существованіе въ странѣ казачества,—былъ Зборовскій договоръ; съ этимъ-то договоромъ и своимъ субботовскимъ привиліемъ Богданъ Хмельницкій и обратился въ 1654 году въ Москву, какъ съ доказательствомъ древнихъ правъ Войска Запорожскаго. Но вѣковое фактическое существованіе козачества

въ Малороссіи давно уже обязывало польское правительство, не по волѣ казаковъ, а отъ себя, озаботиться, чтобы узаконить, оформить это существованіе и вообще что-нибудь сдѣлать для замиренія страны. При подавленіи бунтовъ козаковъ ихъ иногда страшно казнили, истребляли; но послѣ этого панамъ никто не мѣшалъ дѣлать хотя бы то, что въ то же время дѣлали по сосѣдству съ Малороссіей, въ такихъ же благословенныхъ пустыняхъ какъ и вся Малороссія, московскіе воеводы (безъ малѣйшаго притязанія на титулъ „великихъ" людей) съ тѣми же малороссійскими козаками, которые къ нимъ прибѣжали отъ польскихъ порядковъ? Отчего это у слободскихъ козаковъ, которыхъ московскіе власти при томъ обязывали быть вооруженными,— никогда не было бунтовъ и измѣнъ, хотя они и были родные братья козакамъ Богдана Хмельницкаго? Въ Рѣчи Посполитой самостоятельными колонизаторами благословенныхъ украинскихъ пустынь имѣли право быть только Конецпольскіе и Вишневецкіе, но ни какъ не Богданы Хмельницкіе; послѣднимъ дозволялось только быть орудіемъ осуществленія великихъ плановъ этихъ великихъ пановъ. Паны, какъ колонизаторы, устраивали въ Малороссіи вторую Польшу; бѣжавшіе изъ внутреннихъ областей Рѣчи Посполитой въ Малороссію бывшіе крѣпостные должны были въ той или другой формѣ снова дѣлаться крѣпостными малороссійскихъ пановъ; но замиренные, а не закрѣпощенные козаки, какъ колонизаторы, конечно сдѣлали бы изъ Малороссіи не новую Польшу, а нечто совсѣмъ иное; нельзя же было государству изъ-за того, что козаки на первый взглядъ являлись только элементомъ бунта и разбоя или матеріаломъ для войны,—или истреблять ихъ или изобрѣтать для нихъ войны? Въ сороковыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія Конецпольскій взялъ на себя такую важную государственную обязанность замирить Малороссію: но новаго и онъ ничего не придумалъ, узаконять въ дѣйствительности онъ ничего не узаконялъ, а также ничего не оформировалъ, онъ только силою, ни въ чемъ не нарушая общаго строя и всякихъ порядковъ польской государственной жизни, казалось, совсѣмъ раздавилъ козачество. Но не прижми онъ такъ казачество къ стѣнѣ, не согни его дѣйствительно (выражаясь словами г. Кулиша) „въ бараній рогъ", блестящихъ успѣховъ бунта Богдана Хмельницкаго пожалуй и не было бы: насколько дуга была согнута въ одну сторону, на столько она разогнулась въ другую. Что же это за великіе государственные люди, когда результатомъ ихъ великихъ проектовъ и дѣлъ бываетъ гибель государства, которому они служатъ? Здѣсь мы не можемъ удержаться, чтобы не указать на одинъ случай

изъ жизни Конецпольскаго, о которомъ упоминаетъ г. Кулишъ. Богданъ Хмельницкій, какъ извѣстно, имѣлъ любовницу, превратившуюся потомъ во вторую его жену, кажется, католичку (г. Кулишъ утверждаетъ, что она была католичка); за подобную измѣну нравственности и православію г. Кулишъ, какъ увидимъ ниже, казнитъ его безпощадно. Мы не думаемъ оправдывать Богдана Хмельницкаго въ этомъ грѣхѣ и замѣтимъ только, что такія „паденія" случаются нерѣдко съ людьми его возраста: онъ былъ вдовъ, ему было, вѣроятно, около пятидесяти лѣтъ; а вотъ Конецпольскій настоящій, старикъ, пожалуй подъ семьдесятъ лѣтъ (*т. III, стр. 31 и 35*), „разсудилъ за благо жениться" на молоденькой, „но пролежавши въ подагрѣ свой медовый мѣсяцъ", умеръ. За это Конецпольскаго г. Кулишъ не казнитъ; да и въ самомъ дѣлѣ какое же это преступленіе, вѣдь это совершенно въ порядкѣ вещей для такого знатнаго и великаго пана.

Теперь обратимся къ князю Іереміи Вишневецкому, главному врагу Богдана Хмельницкаго и главному герою г. Кулиша. Начнемъ съ того, что мы совсѣмъ не думаемъ отвергать ума и талантовъ у кн. Вишневецкаго; но этого добра было немало и у Емельяна Ивановича Пугачева, а у Стефана Тимоѳеевича Разина—все это было даже съ излишкомъ. Засимъ по словамъ самого же г. Кулиша вотъ какой былъ человѣкъ князь Іеремія Вишневецкій: какъ колонизаторъ украинскихъ пустынь, какъ хозяинъ, онъ презиралъ всякую власть въ государствѣ, не обращалъ ни на что вниманія, захватывалъ чужія имѣнія, былъ главный покровитель жидовъ, при помощи которыхъ вводилъ у себя въ имѣніяхъ сельскохозяйственные промыслы и торговлю; когда ему пришлось бѣжать съ восточнаго берега Днѣпра, то за нимъ двинулись многія тысячи жидовъ. Онъ ласкалъ козаковъ до тѣхъ поръ, пока они являлись орудіемъ его плановъ (слѣдовательно и для распространенія католицизма, какъ сейчасъ увидимъ), но когда они стали приставать къ Хмельницкому, то болѣе чѣмъ кто либо жестоко ихъ казнилъ; но онъ казнилъ ихъ въ интересахъ гражданственности, а тѣ не хотѣли этого понимать и толковали, что ихъ казнятъ за вѣру. Конечно г. Кулишъ не можетъ отвергнуть факта, что его „пламенный князь Ерема Байдичъ" (какъ любитъ онъ ласкательно называть князя Вишневецкаго) самъ былъ ревностный католикъ, принявшій католицизмъ по убѣжденію: „онъ строилъ католическіе костелы и монастыри, не насилуя совѣсти жителей своихъ владѣній, потому что былъ убѣжденъ, что католическое духовенство своимъ образованіемъ и жизнію, стоя несравненно выше православнаго, и такъ привлечетъ къ себѣ схизматиковъ". Такой недостатокъ въ этомъ русскомъ князѣ—

сознательная измѣна вѣрѣ своихъ отцевъ—какъ-то оказывается по г. Кулишу не особенно преступнымъ; да къ тому же Вишневецкій лично и не особенно виноватъ въ немъ—такое уже было время: „еслибы въ нашу малорусскую семью не вползли изъ за спины пріятелей ляховъ ксендзы, теперь бы два талантливые русича (Хмельницкій и Вишневецкій) вели наши силы противъ общаго непріятеля, а не одну противъ другой, и никто изъ нихъ не носилъ бы на своемъ челѣ печати братоубійцы“ (описаніе осады Збаража). Итакъ во всемъ, что ни дѣлалъ князь Вишневецкій противъ русскаго народа и православія онъ нисколько не виноватъ, а виноваты ксендзы. Но въ такомъ случаѣ за что же такая ненависть къ Богдану Хмельницкому? Еслибы не было ксендзовъ, Конецпольскаго и Вишневецкаго, то ему бы не противъ кого было бунтовать. Апотеозъ Вишневецкаго у г. Кулиша относится главнымъ образомъ ко временамъ его военныхъ подвиговъ збаражскихъ и берестечскихъ. Если для Богдана Хмельницкаго нѣтъ преступленія, въ которомъ бы не обвинялъ его г. Кулишъ, то наоборотъ для Вишневецкаго нѣтъ той добродѣтели, которою бы онъ не былъ украшенъ, нѣтъ того идеальнаго героя классической и русской древности, къ которому бы нельзя было его приравнять: главное качество князя Вишневецкаго—скромность; збаражская его защита иначе не называется, какъ Ѳермопилами и т. п. Общая заслуга князя Вишневецкаго по г. Кулишу такова: „потомокъ буйтура Байды, сохранившій всѣ крупныя черты знаменитаго предка... среди всеобщаго страха и унынія польско-русскихъ пановъ, геройскій духъ шляхетскаго народа проявился въ боевыхъ подвигахъ князя Іереміи Корибута-Вишневецкаго“ и поднялъ духъ этого шляхетства. За симъ,—и это кажется тоже заслуга князя Вишневецкаго,—„онъ явился какъ ангелъ отмщенія за козацкія злодѣйства“. Жестокія казни козаковъ, т. е. такое же человѣкоистребленіе, г. Кулишъ признаетъ со стороны князя Вишневецкаго, какъ видимъ, дѣломъ вполнѣ законнымъ; но при этомъ замѣчательно, что подробныхъ извѣстій объ этихъ его казняхъ г. Кулишомъ не приводится, хотя въ источникахъ эти извѣстія имѣются. За то г. Кулишъ всласть описываетъ козацкія безобразія и особенно любитъ при удобномъ и неудобномъ случаѣ повторять, что козаки „дарили алыя ленты обезчещеннымъ имъ дѣвицамъ, вырѣзанныя изъ ихъ же кожи“, или что „у панскихъ женъ у беременныхъ брюха распарывали и многія ругательства дѣлали“. Что козаки дѣлали всякія безобразія, точно также какъ и воинство князя Вишневецкаго, это несомнѣнно; но только намъ кажется, что нѣкоторыя извѣстія объ этихъ безобразіяхъ слѣдуетъ приводить

осторожно, потому что источникомъ этихъ извѣстій являются „слухи", которые записали въ свои донесенія московскіе посланцы въ Польшѣ; авторы этихъ донесеній сами нисколько не думали выдавать эти „слухи" за что либо достовѣрное. — Г. Кулишъ положительно проклинаетъ польскихъ „безмозглыхъ" пановъ за то, что они изъ зависти къ талантамъ Вишневецкаго и изъ боязни его диктатуры употребляли всѣ средства, чтобы не давать ему хода и во всемъ мѣшать; но эти жалобы г. Кулиша намъ напоминаютъ жалобы Емельяна Ивановича Пугачева, „что улица его тѣсна". Еслибы князю Вишневецкому дали ходъ, и онъ сдѣлался бы королемъ, то вотъ что по мнѣнію г. Кулиша ожидало бы человѣчество: „Князь Вишневецкій, рожденный для диктатуры или для самодержавной власти, создалъ бы несчастному народу и кредитъ и войско. Судьба народа козацкаго была бы тогда другая, а съ нимъ и судьба европейскаго Сѣвера, другая въ лучшемъ или въ худшемъ смыслѣ, но только не было бы такого человѣконстребленія и такого звѣрства". Почемъ знать? Что же, князь Вишневецкій краснорѣчіемъ что ли убѣдилъ бы, что всѣмъ слѣдуетъ подчиняться его власти и руководству? Думаемъ напротивъ, что еслибы Вишневецкому вполнѣ удалось покорить себѣ козачество, а малороссійскій народъ окончательно превратить въ шляхетское быдло, то наврядъ ли великороссы почли бы за счастье сдаться подъ его власть, и тогда бы кровопролитіе и человѣконстребленіе, отъ которыхъ въ такой ужасъ приходитъ г. Кулишъ и которыхъ совсѣмъ не боится ни великороссійскій ни малороссійскій народъ, когда приходится отстаивать свою народность и вѣру,—тогда бы кровопролитіе и человѣконстребленіе было таково, что при всемъ воображеніи г. Кулиша онъ и представить его себѣ не въ состояніи (*т. II, стр. 108—111, 197—209, 287, 296, 300, т. III, стр. 19 и 298*). По случаю извѣстія о смерти князя Вишневецкаго г. Кулишъ величаетъ его „погубленнымъ польщизною русскимъ героемъ". Благоволилъ бы г. Кулишъ пощадить и не навязывать русскому народу такихъ героевъ: Вишневецкій служилъ по убѣжденію Рѣчи Посполитой, польской шляхтѣ, римской церкви; поэтому если онъ герой, то пусть ужъ онъ будетъ героемъ враговъ нашихъ. Изъ-за того же, что въ Вишневецкомъ текла русская кровь, имени его русской народъ долженъ еще болѣе стыдиться, чѣмъ имени Стеньки Разина и Емельки Пугачева. Козаки Хмельницкаго, хотя можетъ быть инстинктивно, но вѣрно понимали, что князь Вишневецкій, „ангелъ отмщенія", казнитъ ихъ не за злодѣйства, а дѣйствительно за вѣру; оставаясь по прежнему слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Вишневецкихъ, Конецпольскихъ и Жолкевскихъ, они

служили не гражданственности, а именно католической церкви. Чьими руками разрушалъ Жолкевскій Московское государство, единственный оплотъ православія? чьими руками строили костелы и католическіе монастыри въ своихъ русскихъ владѣніяхъ Вишневецкій и К°, „не насилуя совѣсти“ православныхъ жителей своихъ владѣній? на чьи матеріальныя средства содержались эти учрежденія? Все это принуждены были дѣлать русскіе, козаки, православные на собственную дальнѣйшую погибель. Но наконецъ явилось общее сознаніе и богатыя средства стали сами собою переходить изъ рукъ Вишневецкаго въ руки Хмельницкаго, высоко поднявшаго знамя православія и московскаго подданства. Конечно князь Вишневецкій, какъ врагъ православія и русской народности, сдѣлалъ имъ меньше настоящаго зла, чѣмъ Жолкевскій: онъ только человѣкоистребитель; но мы должны благодарить Бога, что Вишневецкому въ его планахъ была большая неудача, потому что удача его плановъ была бы для русскаго народа пожалуй хуже удачи плановъ Разина и Пугачева. При удачѣ плановъ Вишневецкаго, какъ признаетъ и самъ г. Кулишъ, „судьба европейскаго Сѣвера была бы другая въ лучшемъ или худшемъ смыслѣ“. Договоримъ не договоренное г. Кулишомъ: за удачу плановъ Вишневецкаго всѣ мы дорого бы поплатились; покореніе сѣверной Россіи, разумѣется, совершилось бы средствами южной, т.-е. православные малороссійскіе козаки, усмиренные Вишневецкимъ, покорили бы православныхъ великороссіянъ въ пользу Польши, Рима, а за симъ послѣдовало бы прежде всего, что православная вѣра исчезла или сохранилась бы, какъ секта, гдѣ-нибудь въ олонецкихъ трущобахъ или въ нижегородскихъ лѣсахъ, мы же, теперь свободные граждане великаго государства, всѣ бы превратились въ рабочій скотъ для польскаго шляхетства. Вотъ не о томъ ли что ничего этого не случилось, не объ этомъ ли въ дѣйствительности такъ горько плачетъ г. Кулишъ? Еслибы г. Кулишъ вмѣсто того, чтобы объединять Хмельницкаго съ Разинымъ и Пугачевымъ, напротивъ поставилъ бы на одну доску съ послѣдними князя Вишневецкаго, то никакой ошибки въ томъ не было бы и его слова, которыя были уже выше приведены, были бы не бредъ сумасшедшаго, а дѣйствительно неопровержимая истина: если бы этимъ героямъ разрушенія „удалось злодѣйствовать безнаказанно, карта Европы въ настоящее время была бы совсѣмъ иная и человѣчество опоздало бы многими столѣтіями въ развитіи человѣчности“.

Теперь обратимся къ Богдану Хмельницкому. Ужъ не потому ли, что князь Вишневецкій былъ чистокровный аристократъ, милліонеръ, а Хмельницкій козакъ, чуть не мужикъ, и притомъ нищій, раз-

бойничество для перваго было добродѣтелью, а для втораго преступленіемъ? Но дѣло въ томъ, что современники, правители Рѣчи Посполитой, признавали за Хмельницкимъ, точно также какъ и за Вишневецкимъ, полное право на ту расправу, которую они творили своею волею. Русское правительство ни съ Разинымъ, ни съ Пугачевымъ не только не заключало договоровъ, но и не вступало съ ними ни въ какіе переговоры; въ Рѣчи же Посполитой для самаго изъ беззаконнѣйшихъ побѣдителей не существовало дѣйствительнаго лишенія политическихъ правъ: не успѣлъ Богданъ Хмельницкій совершить свой первый разбойничій подвигъ, какъ къ нему являются правительственные коммиссары, ведутъ съ нимъ переговоры, его собственные послы являются на сеймъ и въ концѣ концовъ самъ король заключаетъ съ гетманомъ и Войскомъ Запорожскимъ договоръ подъ Зборовымъ. Какъ бы потомъ ни называли этотъ договоръ, амнистіей, пожалованіемъ, но онъ все-таки оставался договоромъ, вытребованнымъ съ оружіемъ въ рукахъ (отчасти въ этомъ же смыслѣ объясняетъ и г. Кулишъ значеніе Зборовскаго договора—*т. III стр. 52*); это совсѣмъ не то, что московскія Статьи и жалованныя грамоты Богдану Хмельницкому, выданныя государемъ по челобитью. Изъ такихъ отношеній къ Богдану Хмельницкому правительства Рѣчи Посполитой выходило то, что съ политической и общественной точки зрѣнія онъ не былъ разбойникъ, а также никогда не былъ противъ своего государя не только измѣнникомъ, но даже пожалуй и бунтовщикомъ. Выдался же онъ противъ другихъ подобныхъ бунтовщиковъ только тѣмъ, что послѣднимъ въ большинствѣ случаевъ удавалось сговориться съ польскимъ правительствомъ, а засимъ потонуть въ шляхетскомъ морѣ Рѣчи Посполитой; Богдану же Хмельницкому такъ и не удалось сговориться съ поляками и поэтому онъ сталъ дѣйствительно историческимъ лицомъ. Московское правительство приняло Богдана Хмельницкаго въ свое подданство не въ качествѣ польскаго бунтовщика, а въ качествѣ всѣми признанной независимой воюющей стороны; не ему же приходилось грязнить политически Богдана Хмельницкаго въ то время, какъ польское правительство такъ его обѣляло. Изъ Москвы въ теченіе пяти лѣтъ относились къ гетману осторожно, почти всегда какъ къ разбойнику, а въ это время польское правительство нѣсколько разъ заключало съ нимъ договоры; оставалось и московскому правительству, которое притомъ было жестоко оскорблено польскимъ, поступать точно также по примѣру послѣдняго.

VI.

На что могъ разсчитывать для себя Богданъ Хмельницкій, добиваясь московскаго подданства?

Не нашелъ Богданъ Хмельницкій или не хотѣлъ найти средства помириться и спѣться съ Рѣчью Посполитой,—объ этомъ не будемъ разсуждать, а обратимся къ тому, на что онъ могъ разсчитывать для себя, добиваясь такъ настойчиво московскаго подданства.

Г. Кулишъ очень часто говоритъ о чувствѣ самосохраненія, которымъ руководствовался Богданъ Хмельницкій въ своихъ дѣйствіяхъ. Чувство самосохраненія вещь вполнѣ естественная даже и у такихъ политическихъ дѣятелей, какимъ изображенъ Богданъ Хмельницкій у г. Кулиша; но какъ чрезвычайно умный человѣкъ, Богданъ Хмельницкій зналъ, что самосохраненіе его можетъ быть обезпечено только при одномъ условіи—если онъ правильно опредѣлитъ цѣль своей политической дѣятельности и потомъ достигнетъ ея, а если онъ уклонится отъ нея или не достигнетъ, то непремѣнно расплатится собственной головой; отдѣлить свою особу отъ дѣла, во главѣ котораго поставила его судьба, ему было не возможно. Чувствомъ самосохраненія у политическихъ дѣятелей, можно объяснять все, что угодно; такъ относительно Богдана Хмельницкаго можно сказать, что послѣ первыхъ успѣховъ своего возстанія онъ изъ чувства самосохраненія, чтобы разбойничья масса не поглотила его самого, изобрѣлъ для нея религіозное знамя, подъ которымъ она смѣло могла продолжать свое разбойничество; изъ чувства самосохраненія онъ предложилъ Москвѣ свое подданство и за симъ постоянно ей угождалъ; изъ чувства самосохраненія онъ выдумалъ для своихъ разбойниковъ молдавскіе походы и такъ далѣе: все, что онъ ни дѣлалъ, все было изъ чувства самосохраненія. Но сохранить временно себя и свою семью цѣлыми, это не значитъ, что можно еще кое на что иное разсчитывать; для этого нужно было придумать что-нибудь вполнѣ опредѣленное, постоянное, а не изобрѣтать все новое и новое: для этого пожалуй и талантовъ Богдана Хмельницкаго не хватило бы.

Неужели этотъ разбойникъ для своей жажды къ грабежу и къ пролитію человѣческой крови могъ мечтать извлечь какую-нибудь пользу изъ московскаго подданства? что его тамъ ожидало? На личное для себя и для своей семьи привилегированное положеніе Богданъ Хмельницкій конечно смѣло могъ разсчитывать; но касательно властолюбія (а о грабежѣ и пролитіи крови говорить нечего), къ которому онъ естественно привыкъ,—эту привычку при московскомъ подданствѣ онъ долженъ былъ весьма ограничить. Если москвичи въ теченіе шести лѣтъ успѣли хорошо познакомиться съ Богданомъ Хмельницкимъ, то и онъ съ своей стороны въ теченіе этого времени не по слухамъ, а на самомъ дѣлѣ, тоже долженъ былъ хорошо познакомиться со всѣми российскими порядками: одна московская волокита чего-нибудь да стоила, а онъ, повидимому человѣкъ нетерпѣливый, успѣлъ испытать ее на себѣ полностію. За симъ, положеніе царевичей сибирскихъ и грузинскихъ, которые и въ его время пребывали на Москвѣ, наврядъ ли кого могло прельщать и особенно человѣка, привыкшаго дѣйствительно повелѣвать народами, предписывать войну и миръ. Разсчитывать, что война, въ которую онъ втянетъ Московское государство, истощитъ послѣднее, точно такъ же какъ передъ этимъ ему удалось истощить Рѣчь Посполитую, и онъ, разбойникъ, будетъ въ заключеніе царить надъ обстоятельствами, — о такихъ планахъ и подобныхъ результатахъ (во всякомъ случаѣ въ весьма отдаленномъ будущемъ) могъ мечтать развѣ только дѣйствительно постоянно пьяный и сумасшедшій человѣкъ. Напротивъ имѣемъ основаніе думать, что Богданъ Хмельницкій очень хорошо зналъ, что̀ въ этомъ отношеніи его ожидало изъ Москвы, что дѣйствительно тотчасъ же и случилось послѣ переяславской присяги.

Московское государство отдохнуло отъ бѣдствій Смутнаго времени и оно при этомъ постоянно готовилось къ отмѣсткѣ Рѣчи Посполитой; у него завелась великолѣпная по тому времени двухсот-тысячная армія, у него уже водились и лишнія деньги. Но только дѣло разсчета съ Рѣчью Посполитой за Смутное время,—въ чемъ Богданъ Хмельницкій въ теченіе предшествующаго присягѣ времени могъ вполнѣ убѣдиться, — московское правительство совсѣмъ не намѣрено было предоставить въ руководство не только ему, но и никому другому. Гетману и его Войску Запорожскому во всемъ этомъ дѣлѣ могла быть отведена роль, какъ одной изъ составныхъ частей всероссійскаго воинства, всецѣло подчиненнаго и руководимаго самодержавнымъ вождемъ русскаго народа. Начавшаяся въ 1654 году война была не за Малороссію, московскія войска шли не на помощь гетману выручать

его изъ бѣды: помимо даже отмѣстки за Смутное время эта война была главнымъ образомъ продолженіемъ объединительныхъ войнъ начатыхъ Иваномъ III для приведенія въ исполненіе программы титула „государя всея Руси". Князья Воротынскіе и Одоевскіе съ товарищи, по поводу которыхъ тогда начались эти объединительныя войны, не играли въ самыхъ войнахъ видной руководящей роли; точно также и теперь Богдану Хмельницкому, хотя война начиналась, пожалуй, и по поводу Малороссіи, приходилось во всемъ этомъ дѣлѣ отойти на второй планъ.

Когда Богданъ Хмельницкій добился того, что его приняли въ московское подданство, то не только не получилъ руководящей роли въ войнѣ съ Польшею, но даже и у себя въ Малороссіи въ дѣйствительности пересталъ быть полнымъ хозяиномъ. Тотчасъ послѣ присяги въ Переяславлѣ вотъ что послѣдовало. Первое: присяга совершилась въ январѣ мѣсяцѣ, а въ февралѣ московскія войска подъ начальствомъ боярина князя Ѳед. Сем. Куракина съ товарищи вступили въ Малороссію и заняли Кіевъ. Второе: въ Бѣлгородѣ была собрана значительная армія подъ начальствомъ другаго боярина Бор. Вас. Шереметева; она должна была немедленно двинуться въ Малороссію, еслибы случилось нападеніе крымскихъ татаръ на Войско Запорожское (союзъ и братство козаковъ съ татарами, хотя бы и противъ Рѣчи Посполитой, обязательно разрывался). Но надо полагать, что эта армія могла конечно двинуться въ Малороссію, если бы понадобилось, и по другимъ причинамъ. Третье: Богданъ Хмельницкій еще во время присяги въ Переяславлѣ предлагалъ великимъ посламъ свой планъ предстоящей войны съ Польшею, а войсковые посланники, прибывшіе въ Москву въ мартѣ мѣсяцѣ бить челомъ о правахъ Войска Запорожскаго и жителей Малой Россіи всякаго чина, говорили боярамъ (13 марта, 20-й пунктъ наказа): „чтобъ государь указалъ послать своихъ государевыхъ ратныхъ людей къ Смоленску вскорѣ, чтобъ польскимъ и литовскимъ людямъ собраться и исправиться не дать и учинить бы имъ съ той стороны помѣшку,—то намъ вѣдомо, что всѣ Бѣлорусцы, православные христіане, подъ государевою рукою быть желаютъ и его государевыхъ ратныхъ людей ожидаютъ". Отвѣтомъ на это былъ государевъ указъ (переговоры 19 марта): „скажите гетману, что указалъ государь быть съ собою въ походѣ двумъ полковникамъ нѣжинскому Ивану Золотаренкѣ да тебѣ Павлу Тетерѣ". Согласно этому указу вскорѣ два лучшихъ полка Войска Запорожскаго, нѣжинскій и черниговскій, въ количествѣ 18.000 козаковъ, двинулись въ Бѣлоруссію, усиливая главную

московскую армію. Замѣчательно, что такое ослабленіе военныхъ козацкихъ средствъ гетмана совершилось тогда, когда онъ едва могъ собрать подъ свое начальство не много болѣе 50.000 козаковъ, а прежде у него набиралось ихъ нѣсколько сотъ тысячъ. Четвертое: война была объявлена и весною 1654 года, какъ бы въ замѣну нѣжинскаго и черниговскаго полковъ, прибылъ въ Малороссію еще корпусъ московскихъ войскъ подъ начальствомъ окольничаго Ан. Вас. Бутурлина, чтобы совмѣстно съ войскомъ гетмана дѣйствовать противъ поляковъ отъ Кіева. При этомъ гетману предписывалось со всѣмъ этимъ соединеннымъ войскомъ сходиться съ войсками боярина кн. Ал. Н. Трубецкаго къ Луцку.

Мы уже не говоримъ о другихъ не такихъ крупныхъ распоряженіяхъ московскаго правительства, относящихся къ возсоединяемому краю, потому что кажется достаточно и сейчасъ приведенныхъ, чтобы увидать, какими клещами это правительство сразу ухватило какъ гетмана, такъ и его Войско. При этомъ, какъ видимъ, всѣ эти распоряженія въ Москвѣ дѣлали, не стѣсняясь гетманомъ, безъ всякихъ съ нимъ не только договоровъ, но и переговоровъ, а прямо въ формѣ сухихъ указовъ. Возможность такихъ распоряженій и дѣйствій правительства конечно не могли быть особенною неожиданностію для Богдана Хмельницкаго не только въ 1654 году, но и въ 1649, когда онъ въ первый разъ предлагалъ московскому государю свое подданство, находясь самъ на верху могущества и славы; конечно онъ тогда просилъ на помощь себѣ московскихъ войскъ немного, только для виду; но вѣроятно онъ и тогда сознавалъ, что наврядъ ли московское правительство согласится принять кого-либо въ свое подданство только для виду. Г. Кулишъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Богдана Хмельницкаго видитъ только коварство и обманъ; но надо полагать, что у послѣдняго, рѣшившагося имѣть дѣло съ такимъ правительствомъ, какъ московское, едва ли могла при этомъ явиться какая-либо мысль объ обманѣ и измѣнѣ, даже по отношенію къ будущему времени: ужь очень опасно было шутитьсъ такими серьезными дѣлами.

Богданъ Хмельницкій по отношенію къ Польшѣ не пробивался въ сенаторы, а по отношенію къ Москвѣ не навязывался въ бояре, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ его преемниковъ: для него лично достаточно было спокойно сидѣть въ своей Малороссіи, въ своемъ Субботовѣ. Добиваясь московскаго подданства, онъ могъ разсчитывать только на слѣдующее: онъ будетъ подданнымъ, пользующимся въ войнѣ и мирѣ высокимъ почетомъ во всемъ россійскомъ обществѣ; онъ будетъ облеченъ со стороны государя милостію и довѣріемъ—особы-

ми, чрезвычайными, — но все-таки въ предѣлахъ, какіе допускаетъ подданство самодержавному государю. Богданъ Хмельницкій всѣмъ этимъ былъ вполнѣ доволенъ и онъ все это получилъ. Что касается того, были ли какіе-либо иные политическіе планы у Богдана Хмельницкаго касательно своей особы, своей семьи, судьбы Малороссіи послѣ подданства и послѣ своей смерти,—мы объ этомъ положительно ничего сказать утвердительнаго не можемъ. Добившись этого подданства, гетманъ дѣйствуетъ совсѣмъ безъ всякаго плана, а такъ сказать по инерціи; руководство всякимъ крупнымъ дѣломъ принадлежитъ уже Москвѣ. О какой-либо „самобытности Украины" подъ протекціею Москвы или другаго государства, кажется, Богданъ Хмельницкій не думалъ; да кстати разсужденія объ этой „самобытности"— позднѣйшее изобрѣтеніе. Въ чемъ заключается эта „самобытность", никто толкомъ хорошенько и теперь не знаетъ; поэтому никто никогда ея ни въ чемъ и не нарушалъ. Можно, кажется, смѣло сказать, что московское подданство для Богдана Хмельницкаго было конечною цѣлію его личныхъ и политическихъ плановъ. Засимъ былъ, пожалуй, у него еще планъ, что послѣ подданства, какъ только война минется, слѣдуетъ не новыя какія-либо дѣла затѣвать, а разобраться въ старыхъ внутреннихъ дѣлахъ Малороссіи. Но разбираться Богдану Хмельницкому самому во всемъ этомъ не пришлось, потому что онъ недолго пожилъ, достигнувши своей главной цѣли.

VII.

Отношенія Богдана Хмельницкаго къ московскому правительству по поводу его сношеній съ иностранными государствами.

Московское правительство, согласившись принять Богдана Хмельницкаго въ свое подданство, принимало его къ себѣ не въ качествѣ какого-нибудь привилегированнаго вассала на какихъ-либо условіяхъ, а какъ подданнаго самодержавнаго государя. 8 января 1654 года, во время присяги, Богданъ Хмельницкій услышалъ отъ московскихъ великихъ пословъ буквально тѣ же слова, какія говорили предки этихъ бояръ почти двѣсти лѣтъ тому назадъ новгородцамъ. Хотя казалось бы страннымъ при настоящемъ случаѣ говорить такъ, какъ говорилось тогда; подъ Новгородомъ говорили побѣдители съ побѣжденными, побѣдители, поставившіе себѣ задачей окончательно уничтожить побѣжденныхъ, въ Переяславлѣ же было совсѣмъ иное: подданство было вполнѣ добровольное, вражды со стороны москвичей къ малороссіянамъ ни малѣйшей, а посему должно бы происходить скорѣе нѣчто похожее на договоръ. Но москвичи не измѣнили силѣ своего историческаго преданія; вотъ эти слова: „государеву и боярскому крестному цѣлованію не быть, подданные присягаютъ государю, а не государь подданнымъ; бейте челомъ великому государю о своихъ нуждахъ и правахъ и онъ васъ пожалуетъ, — пожалуетъ, если понадобится, и свыше того, о чемъ просите". Богданъ Хмельницкій, выслушавъ эту грозную вѣковую теорію, не возражалъ и присягнулъ; но не измѣнилъ ли онъ потомъ этой своей присягѣ?

Послѣ перваго отказа въ принятіи въ московское подданство, Богдану Хмельницкому естественно было не только не разрывать своего союза съ татарами, но въ собственныхъ интересахъ вступить въ сношенія и съ другими иностранными государствами. Къ 1654 году гетманъ находился въ сношеніяхъ, а иногда и обязательствахъ, весьма со многими тогдашними европейскими правительствами; объ этихъ его отношеніяхъ въ Москвѣ въ дѣйствительности знали весьма

подробно. Не только послѣ переяславской присяги, но и до нея Богданъ Хмельницкій по отношенію къ москвичамъ держался такого пріема: онъ откровенно разсказывалъ московскимъ посланникамъ о своихъ отношеніяхъ къ татарамъ, туркамъ и къ другимъ государствамъ, а иногда прямо вручалъ имъ списки съ своихъ дипломатическихъ сношеній. Кромѣ того и сами московскіе посланники иногда „промышляли" доставать себѣ копіи съ той или другой дипломатической переписки гетмана. Однакоже, хотя въ Москвѣ и хорошо знали, въ чемъ состоятъ дипломатическія сношенія гетмана съ иностранными государствами, но все-таки, если Богданъ Хмельницкій былъ „измѣнникъ и предатель по натурѣ", то именно въ этомъ его международномъ положеніи была дѣйствительная опасность для московскаго правительства и оно, принимая его въ подданство, должно было болѣе всего объ этомъ подумать. Но прежде чѣмъ говорить обо всемъ этомъ, скажемъ нѣсколько словъ о тогдашнемъ, такъ сказать, министрѣ иностранныхъ дѣлъ Богдана Хмельницкаго, объ его правой рукѣ—писарѣ Войска Запорожскаго Иванѣ Евстаѳьевичѣ Выговскомъ.

Въ сочиненіяхъ по исторіи Малороссіи уже давно указывается на то, что Выговскій, такъ сказать, по секрету отъ гетмана передавалъ московскимъ посланникамъ списки съ дипломатической переписки послѣдняго съ иностранными правительствами и что за такія услуги получалъ отъ посланниковъ подарки. Система раздачи соболей иностранцамъ за услуги въ Посольскомъ приказѣ практиковалась точно такъ же, какъ и теперь раздача иностранцамъ орденовъ; это ни для кого не составляло тайны и всего менѣе для иностранцевъ; раздача соболей козацкой старшинѣ разработана была положительно въ опредѣленную систему. Выговскій, второе лицо въ Войскѣ Запорожскомъ послѣ гетмана, получалъ соболи въ формѣ награды, а никакъ не въ формѣ подкупа, большею частію въ высшемъ размѣрѣ, чѣмъ остальная войсковая старшина. Но съ его стороны было естественно просить иногда московскихъ посланниковъ, чтобы подобныя высшія награды лучше ему отдавали тайно, а не при всѣхъ, чтобы тѣмъ не возбуждать зависти у сотоварищей. Но кромѣ того москвичи имѣли обычай за каждую отдѣльную услугу давать отдѣльныя награды, и изъ отчетовъ посланниковъ мы знаемъ, что такихъ подарковъ соболями сверхъ положенія Выговскій получалъ довольно много. Для примѣра приведемъ выписку изъ отчета посланника Унковскаго (конца 1650 года) объ этомъ предметѣ (*Ак. Южн. и Зап. Россіи т. VIII. стр. 356 — 357*). При гетманѣ дано Выговскому столько же, сколько одновременно дано и другимъ войсковымъ стар-

шинамъ, „да до прiѣзду гетманова писарю Ивану Выговскому дана пара, чтобъ государю служилъ“. За симъ еще: „дано двѣ пары писарю Ивану Выговскому для того, что его къ государю службы было много“. Можно съ достовѣрностiю предположить, за что собственно были даны эти послѣднiе подарки: тогда Унковскiй „промыслилъ“ переписку гетмана съ турецкимъ султаномъ и пашами. Если во всемъ этомъ предполагать подкупъ, то оказывается, что и вся дипломатическая войсковая канцелярiя тогда была подкуплена Унковскимъ и не только противъ гетмана, но и противъ самого Выговскаго, потому что далѣе въ его отчетѣ читаемъ: „дана пара Семену подписку, что живетъ у писаря Ивана Выговскаго; дано двѣ пары подписку Песоцкому, что его къ государю службы много и давалъ списки съ листовъ“. Въ этомъ отчетѣ Унковскаго перечислены еще многiя другiя лица, которыя получили отъ него такiя же экстренныя награды за сообщенiе вѣстей и разныя другiя службы; такъ между прочимъ: „дана пара Өедору Вешняку для того, что онъ былъ безъ гетмана въ Чигиринѣ наказный гетманъ и до него было дѣла много“. При рѣдкомъ статейномъ спискѣ московскихъ посланниковъ въ Войско Запорожское не встрѣчается подобнаго отчета о такой раздачѣ тамъ соболей; но вотъ вопросъ: были ли эти особенныя награды подкупъ и именно по отношенiю къ Выговскому? Позволяемъ себѣ высказать въ этомъ отношенiи полнѣйшее сомнѣнiе. Что сообщалъ Выговскiй московскимъ посланникамъ и можно ли эти сообщенiя поставить ему въ вину, какъ измѣну противъ гетмана? Такъ въ приведенномъ сейчасъ случаѣ онъ доставилъ посланнику копiю съ дѣйствительно важной переписки гетмана съ султаномъ и пашами; но передъ этимъ самъ гетманъ подробно сообщилъ какъ объ этой перепискѣ, такъ и объ ея содержанiи; поэтому особенно новаго въ самыхъ документахъ для москвичей не встрѣчалось. И это относится почти безъ исключенiя за всѣ девять лѣтъ ко всѣмъ документамъ, которые сообщалъ Выговскiй московскому правительству. Дѣло, кажется, объясняется проще. Выговскiй съ самаго начала своей политической роли видѣлъ ясно, что вопросъ о московскомъ подданствѣ въ головѣ гетмана рѣшенъ окончательно, „что бы ни случилось“, безповоротно, и что дѣло поляковъ въ Малороссiи, пока живъ Богданъ Хмельницкiй, нужно считать проиграннымъ; поэтому и самъ Выговскiй, совсѣмъ не за соболи, а по сознанiю поспѣшилъ на встрѣчу къ этой же цѣли. Стараясь всячески угодить будущимъ своимъ повелителямъ, онъ, конечно, старался выставить передъ ними и свои заслуги, придавая имъ окраску, что это онъ выдаетъ дипломатиче-

скіе секреты Войска Запорожскаго, что онъ и самого гетмана постоянно направляетъ и утверждаетъ въ мысли о московскомъ подданствѣ. Такъ какъ до насъ дошли не только отчеты московскихъ посланниковъ въ Войско Запорожское, но и таковые же отчеты польскихъ, то отъ чего же у послѣднихъ не видимъ, чтобы Выговскій и имъ служилъ точно такъ же, какъ и москвичамъ, чтобы онъ хоть разъ сообщилъ въ такой же формѣ о сношеніяхъ гетмана, напримѣръ, съ московскимъ правительствомъ? Надо полагать, что личныя симпатіи Выговскаго всегда находились болѣе на сторонѣ поляковъ, а не москвичей; что же касается подкупа, то передъ нимъ польскіе посланники менѣе бы задумались, чѣмъ москвичи. Наконецъ выскажемъ еще предположеніе, что подобное сообщеніе Выговскимъ документовъ москвичамъ совершалось далеко не безъ вѣдома гетмана. Чтобы ни говорилъ Выговскій на словахъ, но на самомъ дѣлѣ передача имъ дипломатической переписки москвичамъ происходила чрезчуръ открыто и чтобы въ теченіи девяти лѣтъ все это оставалось неизвѣстнымъ гетману, — это положительно не возможно. Если это было со стороны Выговскаго измѣной противъ гетмана, то при открытіи таковой онъ дорого бы поплатился за нее предъ Богданомъ Хмельницкимъ. Говоря все это, мы не думаемъ доказывать, что Выговскій былъ человѣкъ, напримѣръ, не корыстолюбивый; но онъ былъ человѣкъ умный и изъ-за какого - нибудь сорока соболей никогда бы не рѣшился рисковать своей головой. Если для подписка Выговскаго, который „давалъ списки съ листовъ", подарокъ въ двѣ пары соболей на сумму въ 20 рублей, былъ, можетъ быть, значительная цѣнность, то соболи даже въ сотни рублей для самого Выговскаго были положительно ничтожная прибавка къ тому, что онъ имѣлъ и могъ имѣть; награды за свои заслуги со стороны московскаго правительства Выговскій надѣялся получить въ будущемъ и при томъ совсѣмъ въ другой формѣ. Вскорѣ послѣ подданства Выговскій отправилъ къ государю своего брата Данила Выговскаго хлопотать какъ по своимъ личнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ своихъ родственниковъ (см. *Ак. Южн. и Зап. Р. т. XIV*, по указателю *Выговскій Данило*); результатомъ этихъ хлопотъ была выдача жалованныхъ грамотъ на обширныя маетности, какъ самому писарю Ивану Выговскому, такъ и многочисленнымъ его родственникамъ и сторонникамъ. Намъ извѣстенъ списокъ, хотя къ сожалѣнію не полный, этихъ маетностей Выговскаго съ товарищи (отпечатанъ и выйдетъ въ свѣтъ въ *XV т. Ак. Южн. и Зап. Р.*); по поводу его можно смѣло сказать, что тотчасъ послѣ подданства Выговскіе съ одной стороны, а

Золотаренки съ другой положительно расхватали по своимъ рукамъ Малороссію *). При этомъ замѣчательно, что тѣ и другіе выпрашивали эти пожалованія у государя по секрету отъ гетмана и даже иногда просили правительство не сообщать объ этихъ пожалованіяхъ ихъ повелителю. Вторая и главная награда, о которой Выговскій, какъ видно, всегда мечталъ, это гетманская власть послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, которую при московскомъ подданствѣ безъ поддержки правительства не легко было получить.

Теперь обратимся къ сношеніямъ Богдана Хмельницкаго съ иностранными государствами. Прежде всего вотъ какъ все относящееся къ этому предмету опредѣлилось послѣ переяславской присяги на предбудущее время. Войсковое посольство, прибывшее въ Москву въ мартѣ 1654 года, бить челомъ о правахъ и привилегіяхъ малороссіянъ (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. X, № 8*), представило боярамъ свой наказъ, въ 16-мъ пунктѣ котораго говорилось: „бьетъ челомъ государю гетманъ Богданъ Хмельницкій: буде учнутъ приходить къ нему изъ которыхъ пограничныхъ земель посланцы о большихъ дѣлахъ и онъ, гетманъ, тѣхъ посланцовъ учнетъ присылать къ государю и о тѣхъ дѣлахъ, о чемъ они къ гетману присланы будутъ, что государь укажетъ; а буде учнутъ приходить о малыхъ дѣлахъ, и государь бы тѣхъ посланцовъ поволилъ принимать и отпускать ему, гетману, и за зло бы того не поставить“. Послѣ объясненій съ войсковыми посланниками объ этомъ предметѣ, въ отвѣтъ на сейчасъ изложенное челобитье, въ такъ называемыхъ Статьяхъ Богдана Хмельницкаго, въ 9 и 10-мъ пунктахъ читаемъ: „гетману пословъ и посланниковъ и гонцовъ изъ окрестныхъ и ни изъ которыхъ государствъ къ себѣ не принимать и противъ тѣхъ присылокъ пословъ же и посланниковъ и гонцовъ отъ себя не посылать, развѣ о какихъ дѣлахъ поволитъ великій государь ему, гетману, въ которое государство послать. А съ крымскимъ ханомъ, кромѣ миру, ни какой ссылки не имѣть, а миръ имѣть съ нимъ по указу великаго государя“ (*тамъ же, т. IV, стр 264*). Здѣсь прежде всего замѣчательно, что изъ четырнадцати пунктовъ Статей Богдана Хмельницкаго только эти два пункта изложены прямо въ формѣ указовъ безъ объясненія, такъ

*) Жаловались цѣлые города и мѣстечки, съ полнымъ возстановленіемъ польскаго крѣпостнаго права; см. для примѣра челобитную войсковыхъ посланниковъ судьи Самойло Богданова и полковника Павла Тетери, о пожалованіи первому мѣстечка Имглѣево-Старый, а второму мѣстечка Смѣлую (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. X, стр. 487*).

сказать, причины появленія ихъ въ Статьяхъ; остальные же двѣнадцать пунктовъ изложены въ формѣ войсковыхъ челобитій и государевыхъ на нихъ указовъ.

Итакъ, гетману были положительно запрещены какія-либо самостоятельныя сношенія съ иностранными государствами; но на самомъ дѣлѣ оказалось, что исключеніе, о которомъ говорится въ Статьяхъ, должно быть общимъ правиломъ: для иностранныхъ правительствъ международное положеніе Богдана Хмельницкаго и послѣ переяславской присяги, пожалуй и „въ большихъ дѣлахъ", почти нисколько не измѣнилось; онъ по прежнему могъ сноситься съ ними, а московское правительство, зная, о чемъ сносится, признавало эти сношенія. Здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что Статьи Богдана Хмельницкаго писались не для него одного; мало того, онъ при составленіи этихъ Статей всего менѣе имѣлся въ виду: въ Москвѣ думали объ его преемникахъ и именно, выскажемъ предположеніе, о Выговскомъ и Тетерѣ, естественныхъ видимыхъ преемникахъ ему по власти въ Войскѣ Запорожскомъ. Къ тому же всѣ эти переговоры съ правительствомъ вели именно эти господа, хотя и именемъ гетмана, но на самомъ дѣлѣ весьма трудно было отличить въ этихъ переговорахъ гдѣ кончался Богданъ Хмельницкій и гдѣ начинался Выговскій съ товарищи. Относительно выдачи жалованныхъ грамотъ на маетности въ Москвѣ были очень податливы, но относительно гетманства вели себя довольно осторожно и положительно не видно, чтобы Выговскій или кто-либо изъ его компаніи былъ со стороны правительства, такъ сказать, намѣченный кандидатъ въ преемники власти стараго гетмана. За симъ легко было предписать гетману разорвать всякія сношенія съ иностранными правительствами, но возможно ли было (оставляя даже въ сторонѣ самолюбіе гетмана, съ которымъ все-таки въ извѣстной мѣрѣ нужно было считаться) все это сразу привести въ исполненіе? Но здѣсь еще слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что большинство постановленій этихъ Статей и жалованныхъ грамотъ при жизни Богдана Хмельницкаго почти ни въ чемъ не было приведено въ исполненіе, даже и въ тѣхъ пунктахъ, которые, казалось, были положительно въ интересахъ гетмана и козачества. Когда московскимъ посланникамъ къ гетману приходилось при переговорахъ касаться подобныхъ предметовъ, напримѣръ о жалованьи Войску Запорожскому, то Богданъ Хмельницкій обыкновенно отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ: это нужно сдѣлать, но приступить къ этому, какъ сами видите, возможно только, „когда война минется". При жизни Богдана Хмельницкаго Статьи не были опубликованы въ Ма-

лороссіи, а московское правительство не только на этомъ не настаивало, но даже избѣгало упоминать; но какъ только скончался старый гетманъ и хотя въ то время „война еще не миновала“, первый же московскій посланецъ въ Малороссію В. П. Кикинъ прямо заговорилъ, чтобы эти Статьи непремѣнно были прочитаны въ Войскѣ Запорожскомъ (*тамъ же т. XI, въ Приложеніи, Кикинскія бумаги*).

Сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ оканчивается первыми мѣсяцами 1654 года; но помимо того, что по послѣдующей дѣятельности всякаго историческаго лица можно судить объ его дѣятельности предшествующей, мы въ виду общаго обвиненія Богдана Хмельницкаго въ наклонности къ измѣнѣ говоримъ и о событіяхъ послѣ 1654 года. Но объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ дальнѣйшемъ VIII объясненіи; здѣсь скажемъ только о слѣдующемъ. Замѣчательно рѣзко бросается въ глаза разница въ обращеніи Богдана Хмельницкаго въ его сношеніяхъ до московскаго подданства съ польскими и московскими посланниками. Съ поляками Богданъ Хмельницкій позволялъ себѣ всяческое безобразіе, морочилъ ихъ въ глаза, глумился надъ ними; однимъ словомъ, обращался съ ними такъ, какъ можетъ обращаться только побѣдитель съ побѣжденными, сознательно не имѣя въ виду, что обстоятельства могутъ перемѣниться и эти же самые господа могутъ ему впредь понадобиться; Богданъ Хмельницкій по отношенію къ Рѣчи Посполитой постоянно сжигалъ за собою корабли. Польскіе послы все это ужасное обращеніе съ ними переносили и только въ своихъ отчетахъ по этому поводу, какъ бы аппеллируя къ потомству, записывали: „ахъ, какой гетманъ Богданъ Хмельницкій варваръ; ахъ, какіе его запорожскіе полковники пьяницы; ахъ, какъ всѣ они ужасно ругаются!“ Напротивъ, съ москвичами, съ маленькими чиновниками Посольскаго приказа, даже съ посланцами путивльскихъ воеводъ гетманъ еще задолго до подданства считалъ себя обязаннымъ быть иногда даже изящно вѣжливымъ; польскіе послы къ Богдану Хмельницкому, кажется, никогда не видали его иначе, какъ пьянымъ, для москвичей же это было положительно рѣдкость. Выше мы уже говорили о значеніи дерзкихъ и бранныхъ словъ, которыя случалось слышать московскимъ посланцамъ отъ гетмана, что они имѣютъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ на первый разъ кажутся; послѣ этихъ дерзкихъ словъ, какъ мы уже указывали, гетманъ обыкновенно немедленно смирялся, объяснялъ свое положеніе и за симъ въ откровенности доходилъ до того, что московскіе посланники въ своихъ статейныхъ спискахъ замѣчаютъ: „видя его гетман-

ское въ рѣчахъ многое подательство, мы гетману говорили: съ королемъ польскимъ и съ литвою на чемъ у васъ помиренось и на вѣкъ ли у васъ миръ...“ и пр. *(Ак. Южн. и Зап. Р. т. VIII, стр. 349)*. Но самое главное, что за девять лѣтъ до подданства и послѣ него Богданъ Хмельницкій не только относился почтительно къ власти московскаго государя, но не видимъ, чтобы хитрый хохолъ, „обманщикъ по натурѣ“, хотя разъ въ чемъ-нибудь обманулъ москвичей. Взаимно и со стороны московскаго правительства гетманъ пользовался таковымъ же довѣріемъ; заслуживаетъ обратить вниманіе на то, что со времени подданства при немъ не находилось никакого постояннаго дипломатическаго агента. Конечно, назначеніе такого чиновника на самомъ дѣлѣ, пожалуй, было бы и безполезно, такъ какъ все, что дѣлалось у гетмана, помимо его собственныхъ донесеній въ Москвѣ узнавали и изъ другихъ источниковъ; но важно то, что въ дѣлахъ Посольскаго приказа мы даже не встрѣтили и намёка о необходимости учинить при гетманѣ подобнаго соглядатая. Сношенія московскаго правительства съ гетманомъ послѣ подданства были довольно частыя; производились они черезъ чиновниковъ Посольскаго приказа и разныхъ дворянъ; формы этихъ сношеній были большею частію тѣ же дипломатическія, такія же, какъ были и до подданства. Многіе изъ этихъ посланниковъ, особенно если ихъ чинъ былъ поважнѣе, возвращаясь изъ Малороссіи, привозили къ государю, помимо разныхъ другихъ документовъ, и копіи съ дипломатической переписки гетмана съ иностранными правительствами; эти акты вручались имъ попрежнему или Выговскимъ, или самимъ Богданомъ Хмельницкимъ. Само собою разумѣется, что и со стороны гетмана очень часто присылались къ государю посольства по разнымъ дѣламъ. Наконецъ, московскіе воеводы, сидѣвшіе въ Кіевѣ, и тѣ, которые по случаю военныхъ дѣйствій находились съ московскими ратными людьми при Войскѣ Запорожскомъ, состоя съ гетманомъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, доносятъ также въ Москву, какіе бываютъ у него посланники, о чемъ ведутъ съ нимъ переговоры и т. п. Вотъ способы, почему въ Москвѣ знали все, что дѣлается у гетмана.

Изъ всего сейчасъ сказаннаго видно, что отношенія Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу были какія-то исключительныя, которыя трудно подвести подъ какую-либо юридическую формулу: это было взаимное личное полное довѣріе. Однакоже фактическая сторона дѣла сама по себѣ, а все-таки лично, такъ сказать, для совѣсти Богдана Хмельницкаго, московскія Статьи конечно были

для него обязательны; по отвѣтомъ на это служитъ то, что Богданъ Хмельницкій своимъ положеніемъ и довѣріемъ, которымъ пользовался, нигдѣ и никогда не злоупотребилъ. Однакоже именно за это-то время, о которомъ мы сейчасъ говоримъ, Богдана Хмельницкаго и обвиняютъ въ измѣнѣ; поэтому обратимся теперь къ документальному разбору этого доноса, давшаго тонъ къ сочиненію всякихъ уже другихъ современныхъ намъ обвиненій знаменитаго вождя малороссійскаго народа.

VIII.

Разборъ статьи г. Костомарова „Богданъ Хмельницкій данникъ Отоманской Порты“.

Небольшая статья г. Костомарова „Богданъ Хмельницкій данникъ Отоманской Порты“, какъ статья руководящая, вещь весьма замѣчательная; каждое слово въ ней заслуживаетъ вниманія. Собственно главное ея достоинство—это знаніе авторомъ вкусовъ публики, для которой она составлена, причемъ соблюдены всевозможные научные и литературные пріемы.

Свою статью о Богданѣ Хмельницкомъ г. Костомаровъ начинаетъ тѣмъ, что выбранилъ „тѣхъ почтенныхъ особъ“, которыя прежде завѣдывали Московскимъ Архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ (подразумѣвай покойнаго князя Михаила Андреевича Оболенскаго) и не давали будто бы ему доступа къ источникамъ, находившимся въ ихъ завѣдываніи; при новыхъ же порядкахъ въ Архивѣ, „при добромъ вниманіи управляющаго Архивомъ барона Ѳ. Ан. Бюлера и подначальныхъ его чиновниковъ, которыхъ предупредительность и готовность оказывать всѣ зависящія отъ нихъ услуги выше всякой признательности, ему удалось случайно наткнуться на значительное количество документовъ, относящихся къ Богдану Хмельницкому, изъ которыхъ многіе оказались намъ (т.-е. Костомарову) до сихъ поръ неизвѣстными“.

Въ настоящее время по исторіи Малороссіи XVII вѣка и особенно относительно эпохи Богдана Хмельницкаго издана такая масса разнообразныхъ источниковъ, что и этотъ матеріалъ даетъ достаточно средствъ правильно судить, во всякомъ случаѣ съ фактической стороны, о политической дѣятельности знаменитаго гетмана. Что касается вообще источниковъ для исторіи западной и юго-западной Россіи, то въ нашихъ архивахъ ихъ остается для разработки и изданія еще неизсякаемое богатство. Тенденціозный и талантливый писатель въ родѣ Костомарова, конечно, можетъ изъ этихъ источниковъ, особенно объ-

явивши ихъ доселѣ неизвѣстными и вновь имъ открытыми, надергать извѣстій на какую угодно тему и дѣйствительно ввести въ смущеніе читающую публику. Естественно для знакомыхъ съ дѣломъ является обязанность указать, такъ ли было на самомъ дѣлѣ.—Даже только по изданнымъ въ настоящее время сношеніямъ московскаго правительства съ Богданомъ Хмельницкимъ, особенно послѣ 1654 года, и главное по приложеніямъ къ статейнымъ спискамъ московскихъ посланниковъ къ гетману можно уже точно опредѣлить не только, съ какими изъ иностранныхъ государствъ состоялъ гетманъ въ сношеніяхъ, но въ чемъ заключались эти сношенія и какія у него были обязательства предъ тѣмъ или другимъ правительствомъ. Эти-то именно документы, какъ подлинные акты, могутъ служить и уликой всякихъ измѣнныхъ дѣлъ Богдана Хмельницкаго, если впрочемъ таковыя существовали. Г. Костомаровъ называетъ Богдана Хмельницкаго „данникомъ Отоманской Порты„: извѣстны ли были московскому правительству эти данническія отношенія гетмана къ Турціи и особенно за то время, когда онъ сдѣлался подданнымъ московскаго государя? Извѣстны ли были ему тѣ документы, на основаніи которыхъ произнесенъ въ наше время этотъ страшный приговоръ надъ гетманомъ въ измѣнѣ? Если эти документы не были извѣстны московскому правительству и Богданъ Хмельницкій скрывалъ отъ него настоящія свои отношенія къ султану, то конечно онъ измѣнникъ.

Вновь открытые г. Костомаровымъ источники—это, какъ онъ объявляетъ, „документы, которые въ московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ составляютъ часть отдѣла Коронной Метрики“. Сознаемся, что мы не знали до появленія въ свѣтъ статьи г. Костомарова указываемыхъ имъ документовъ; читали ли ихъ другіе историки, также не знаемъ, но утверждаемъ, что если читали, то не обратили на нихъ такого вниманія, какого удостоилъ г. Костомаровъ, потому что содержаніе ихъ давно извѣстно по другимъ русскимъ источникамъ. Дѣло въ томъ, что объ отношеніяхъ Богдана Хмельницкаго къ крымскимъ татарамъ, въ союзѣ съ которыми онъ воевалъ противъ Польши, и о томъ что крымской ханъ, какъ вассалъ турецкаго султана, не могъ воевать безъ вѣдома своего верховнаго повелителя,—говорить обо всемъ этомъ, какъ до сихъ поръ неизвѣстномъ, кажется смѣшно. На московскихъ соборахъ въ присутствіи государя, патріарха и всякихъ чиновъ людей, т.-е. на всю Великую Россію, а за симъ на радѣ въ Переяславѣ въ слухъ всему Войску Запорожскому и Малороссіи, толкуютъ и говорятъ о томъ, слѣдуетъ ли допустить сдѣлаться гетману окончательно турецкимъ подданнымъ

или нѣтъ и т. п. Но, можетъ быть, г. Костомаровъ открылъ документы; болѣе точно выясняющіе, какъ были до и послѣ московскаго подданства формулированы отношенія гетмана къ его союзнику крымскому хану и къ верховному повелителю послѣдняго турецкому султану? Именно на это между прочимъ и указывается.

Вся небольшая статья г. Костомарова состоитъ изъ текста трехъ-четырехъ открытыхъ имъ документовъ и толкованій содержанія ихъ. Первымъ дѣломъ, по отношенію къ нашему предмету, онъ приводитъ полностію текстъ грамоты турецкаго султана къ гетману отъ конца 1650 года, изъ которой видно, что послѣдній уже „отдался подъ протекцію непобѣдимой Порты и султанъ принимаетъ его, и въ искренности его не сомнѣвается". Засимъ г. Костомаровъ дѣлаетъ къ этой грамотѣ совершенно вѣрное поясненіе: „Хмельницкій въ виду возобновленія войны съ Поляками, подозрѣвая въ крымскомъ ханѣ охлажденіе къ себѣ, хотѣлъ поэтому побудить его черезъ Турцію воевать за казаковъ".—По поводу этого вновь открытаго документа позволяемъ себѣ заявить, что содержаніе его было болѣе, чѣмъ не новость ни для кого и особенно для самого г. Костомарова. Въ концѣ того же 1650 года былъ у гетмана московскій посланникъ Унковскій, которому Богданъ Хмельницкій, какъ мы выше подробно изложили, объяснялъ свое политическое положеніе и говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ турками; тогда же Унковскій „промыслилъ списки съ листовъ, которые къ гетману прислали турского царя паши, и каковъ листъ гетманъ отъ себя послалъ къ турецкому царю". Всѣ эти списки сохранились въ приложеніи къ статейному списку Унковскаго и изданы самимъ же г. Костомаровымъ въ VIII томѣ Актовъ Южной и Западной Россіи (*стр. 352—354*) въ 1875 году, т.-е. за три года до напечатанія разбираемой теперь нами его статьи „Богданъ Хмельницкій-данникъ Оттоманской Порты". Разумѣется, въ своей статьѣ г. Костомаровъ совершенно умалчиваетъ объ этихъ прежде имъ же изданныхъ актахъ: забылъ что ли онъ ихъ? А въ этихъ актахъ, въ грамотѣ гетмана къ султану встрѣчаемъ, что Богданъ Хмельницкій называетъ повелителя правовѣрныхъ „своимъ государемъ", грамота же турецкаго султана; которую изъ Коронной Метрики приводитъ въ своей статьѣ г. Костомаровъ, только отвѣтъ на сейчасъ помянутую грамоту гетмана. Но что самое главное, по одной грамотѣ султана еще не вполнѣ точно можно возстановить отношенія гетмана къ туркамъ, а по перепискѣ, доставленной въ Москву Унковскимъ, эти отношенія становятся вполнѣ ясными. Во всякомъ случаѣ фактъ остается тотъ, что въ Москвѣ еще въ 1650 году очень хорошо, документально знали, въ какихъ отно-

шеніяхъ находится Богданъ Хмельницкій къ Турціи, и принимая его потомъ въ свое подданство, знали также, да и не по однимъ бумагамъ посольства Унковскаго, кого принимаютъ. Въ этомъ отношеніи укажемъ, что наканунѣ самаго принятія въ подданство, когда дѣло объ этомъ было почти-что окончательно рѣшено, въ августѣ 1653 года подъячій Иванъ Ѳоминъ, спеціально для того посланный въ Малороссію, объяснялся подробно съ гетманомъ и особенно писаремъ Иваномъ Выговскимъ объ отношеніяхъ Войска Запорожскаго къ Турціи и къ Крыму, причемъ оказывается, что на этотъ разъ Выговскій сообщилъ Ѳомину всю переписку гетмана съ Крымомъ и Турціей даже не въ копіяхъ, а прямо въ подлинникахъ. Акты, относящіеся къ посольству подъячаго Ив. Ѳомина, изданы опять-таки самимъ же г. Костомаровымъ въ соредакторствѣ съ Кулишемъ еще въ 1861 году (*Ак. Южн. и Зап. Р. т. III, №№ 338—343*), и опять-таки г. Костомаровъ молчитъ объ нихъ въ разбираемой его статьѣ.

Далѣе въ статьѣ г. Костомарова читаемъ: въ январѣ 1654 года совершилось подданство Малороссіи московскому государю; „какъ же съ тѣхъ поръ относился бывшій вѣрный подданный турецкаго величества къ этому величеству и къ его подручникамъ?“ Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ г. Костомаровъ приводитъ сначала полностію текстъ обширнаго письма гетмана къ крымскому царю отъ 16 апрѣля 1654 г., отправленнаго въ Крымъ съ посланцемъ Семеномъ Саввиновымъ. Въ этомъ письмѣ Богданъ Хмельницкій весьма дипломатично объясняетъ своему старому союзнику между прочимъ свое московское подданство, но не подданствомъ, а вступленіемъ въ союзъ съ москвичами противъ общихъ враговъ поляковъ,—союзъ, заключенный-де по давнишнему совѣту самого же крымскаго царя и т. д. Г. Костомаровъ указываетъ при этомъ, что списки этого письма Богдана Хмельницкаго находятся какъ въ одной изъ разноязычныхъ рукописей Публичной библіотеки, такъ и въ Коронной Метрикѣ Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ; указанія интересны, какъ ссылка, но только по отношенію содержанія самаго письма она для ученыхъ имѣетъ весьма мало значенія, потому что вообще этимъ письмомъ не открывается для насъ ничего новаго. *Въ X томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи*, изданномъ подъ нашею редакціею въ 1878 году, *подъ № 12* напечатаны бумаги посольства отъ государя къ гетману дьяка Томилы Перфирьева, бывшаго въ Малороссіи въ маѣ того же 1654 года. Тогда Богданъ Хмельницкій и Выговскій наиподробнѣйшимъ образомъ,—конечно съ большею ясностію, чѣмъ можетъ дать текстъ приводимаго г. Костомаровымъ письма,—сообщили Перфирьеву о посольствѣ въ Крымъ

Семена Саввинова; да кстати и самъ Семенъ Саввиновъ воротился тогда изъ Крыма въ Чигиринъ 7 мая, а 9 числа явился уже съ докладомъ къ Перфирьеву о своей поѣздкѣ. Всѣ свои разговоры съ гетманомъ, писаремъ, Семеномъ Саввиновымъ и другими лицами о посылкѣ послѣдняго въ Крымъ Том. Перфирьевъ подробно записалъ въ своемъ статейномъ спискѣ; точно такъ же записаны въ статейныхъ спискахъ другихъ московскихъ посланниковъ къ гетману и всѣ дальнѣйшія извѣстія о сношеніяхъ послѣдняго съ Крымомъ (напечатаны *въ XIV т. Ак. Южн. и Зап. Россіи*).

Изъ всего сейчасъ сказаннаго, кажется, одинъ выводъ: по поводу сношеній Богдана Хмельницкаго съ Крымомъ въ 1654 году нельзя его не только обвинять въ коварствѣ и въ какихъ-либо измѣнныхъ дѣлахъ противъ великаго государя, но даже и приписывать гетману стремленіе быть независимымъ и самостоятельнымъ въ сношеніяхъ съ прежнимъ своимъ союзникомъ: эти сношенія были своевременно извѣстны въ Москвѣ и притомъ были вполнѣ согласны съ постановленіями недавнихъ московскихъ Статей, т.-е. были необходимыя по обстоятельствамъ сношенія „о мирѣ". Мало того, въ настоящемъ случаѣ нельзя обвинять Богдана Хмельницкаго въ коварствѣ даже и по отношенію къ крымскому хану: гетманъ былъ обязанъ, такъ или иначе, въ той или другой формѣ, извѣстить, и онъ извѣстилъ своевременно стараго союзника о совершившейся перемѣнѣ въ своемъ политическомъ положеніи. Что касается Костомаровскаго письма гетмана къ крымскому хану, то этого письма мы дѣйствительно не встрѣтили въ малороссійскихъ дѣлахъ нашихъ Архивовъ; но это нисколько не значитъ, чтобы Богданъ Хмельницкій что-либо скрывалъ передъ правительствомъ: объяснивъ московскимъ посланникамъ, въ чемъ состоитъ вся суть дѣла, онъ, можетъ быть, и не передалъ имъ копій съ своего письма къ хану. Но что гетманъ ничего не скрывалъ изъ своихъ сношеній съ Крымомъ, кромѣ устныхъ его сообщеній московскимъ посланникамъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ этого еще слѣдующее: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посольства въ Крымъ Сем. Саввинова гетманъ доставилъ въ Москву документъ чрезвычайной важности,—это письмо къ нему новаго крымскаго хана (отъ октября 1654 года): преемникъ бывшаго гетманскаго союзника уговариваетъ Богдана Хмельницкаго отстать отъ союза съ Москвою и быть попрежнему въ союзѣ съ татарами на всѣхъ враговъ. Это письмо по содержанію не весьма угрожающаго свойства, а скорѣй заискивающее; но вотъ еслибы подобный документъ Богданъ Хмельницкій вздумалъ скрывать отъ правительства, то этотъ документъ получалъ бы во

всѣхъ отношеніяхъ особую политическую важность. Письмо это напечатано нами въ XIV томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи по двумъ спискамъ (*стр. 115 и 437*): одинъ доставленъ Выговскимъ, а другой присланъ къ государю самимъ Богданомъ Хмельницкимъ.

Но кромѣ того, что всѣ сношенія Богдана Хмельницкаго съ его союзниками были совершенно извѣстны московскому правительству, они были извѣстны и всѣмъ историкамъ нашего вѣка. Почти всѣ документы объ этомъ предметѣ находятся въ дѣлахъ Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, а эти дѣла разобраны, приведены въ порядокъ и описаны Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, слѣдовательно задолго до рожденія самого г. Костомароза. Всѣ эти дѣла были всегда доступны для занятій ученыхъ, а въ настоящее время даже и напечатаны. Кстати замѣтимъ, что статья г. Костомарова, члена Археографической Коммиссіи и редактора Актовъ Южной и Западной Россіи, была напечатана въ декабрьской книжкѣ Вѣстника Европы за 1878 г., а нашъ вышеупомянутый X томъ Актовъ Южной и Западной Россіи вышелъ въ свѣтъ въ началѣ 1878 года; слѣдовательно г. Костомаровъ, по меньшей мѣрѣ, не удостоилъ даже и заглянуть въ него, разсказывая, какъ новость, по актамъ Коронной Метрики о посольствѣ въ Крымъ Сем. Саввинова.

Послѣднимъ доказательствомъ измѣны Богдана Хмельницкаго московскому государю г. Костомаровъ приводилъ въ своей статьѣ текстъ султанской грамоты къ гетману отъ сентября 1655 года. Въ этой грамотѣ по поводу соединенія татаръ съ поляками сказано: „видя вокругъ себя враговъ, вы принуждены были позвать къ себѣ Москву на помощь. Тѣмъ не менѣе вы прибѣгаете къ намъ, чтобы мы васъ подъ руку нашу и подъ оборону нашу приняли, сообразно давнимъ писаніямъ вашимъ“ и т. д. Изъ этихъ словъ султанской грамоты ясно, что Богданъ Хмельницкій помимо московской защиты отъ крымцевъ, которые со времени московскаго подданства, не смотря на всѣ вышепомянутыя объясненія гетмана предъ умершимъ ханомъ, превратились изъ союзниковъ ему во враговъ, искалъ помощи и у турецкаго султана, напоминая послѣднему, что онъ считаетъ его своимъ государемъ. Списка этой султанской грамоты по московскимъ малороссійскимъ дѣламъ намъ неизвѣстно, но полагаемъ, что въ дѣлахъ Посольскаго приказа онъ былъ и это мы говоримъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ XIV томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи мы издали (*стр. 886*) письмо турецкаго паши къ гетману, относящееся по вре-

мени къ 1655 году *); турокъ пишетъ, что гетманъ „учинился султану въ холопствѣ (т.-е. въ подданствѣ) сначалу и что потомъ Войско Запорожское присылали пословъ, напоминая свое холопство, о томъ, чтобы со стороны турецкихъ подданныхъ не было нападенія на нихъ". По общему содержанію нашъ документъ совершенно схожъ съ Костомаровской грамотой султана къ гетману; въ обоихъ документахъ далѣе говорится: „за эту защиту гетманъ обѣщалъ, что донскіе казаки не будутъ нападать на турецкія владѣнія" и пр. Итакъ, относительно теперешняго Костомаровскаго документа, отысканнаго въ Коронной Метрикѣ, оказывается прежде всего тоже самое: сношенія гетмана съ султаномъ, бывшія послѣ 1654 года были извѣстны въ Москвѣ. Но пояснимъ далѣе. Письмо турецкаго паши вмѣстѣ съ письмомъ венгерскаго владѣтеля Ракоція (должно быть къ Выговскому) составляетъ въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (слѣдовательно опять не тайна для ученыхъ) отдѣльную тетрадь, причемъ на спискѣ письма паши читаемъ такое къ нему приказное заглавіе: „переводъ съ листа съ турскаго письма, каковъ писалъ Запорожскаго Войска къ гетману Богдану Хмельницкому япычейской Кенанъ-паша, (далѣе другою рукою:) *а привезъ тотъ листъ къ государю къ Москвѣ въ нынѣшнемъ во 164* (1656) *году апрѣля въ 23 день думной дьякъ Ларіонъ Лапухинъ*" Изъ этого заглавія ясно, что письмо паши есть отрывокъ бумагъ изъ дѣла о пребываніи у гетмана думнаго дьяка Лар. Дм. Лопухина. Остальныя бумаги этого дѣла намъ не извѣстны: онѣ или истребились, или современемъ отыщутся; но суть дѣла состоитъ въ томъ, что если Богданъ Хмельницкій или Выговскій передали Лопухину (тогдашнему, такъ сказать, министру иностранныхъ дѣлъ) письмо паши, то конечно должны были передать или по крайней мѣрѣ сообщить о грамотѣ султана, такъ какъ содержаніе послѣдней послѣ сообщенія первой не могло составлять никакого секрета.

Вотъ и всѣ новые документы, заключающіеся въ статьѣ г. Костомарова; самое большое научное значеніе, какое они могутъ имѣть— это дополненіе, поясненіе давно уже извѣстнаго, но никакъ не переворотъ въ наукѣ. Но если уже искать подобныхъ дополненій и поясненій, то кстати замѣтимъ, что ихъ слѣдуетъ искать не въ Коронной Метрикѣ (въ которую будто бы попала часть архива гетмановъ, какъ утверждаетъ г. Костомаровъ), а въ другихъ болѣе обильныхъ источникахъ; такъ, толкуя объ отношеніяхъ Богдана Хмельниц-

*) Въ изданныхъ нами Актахъ опечатка: сказано „въ концѣ 1653 года" слѣдуетъ читать „1655 года".

каго и его преемниковъ къ Турціи и къ Крыму, положительно нельзя ограничиваться извѣстіями, встрѣчающимися въ изданныхъ польскихъ источникахъ и въ нашихъ малороссійскихъ дѣлахъ, а слѣдуетъ прямо обратиться къ нашимъ дѣламъ Турецкимъ, Крымскимъ и къ сношеніямъ съ другими иностранными государствами. Мы здѣсь въ полемикѣ противъ г. Костомарова и Кулиша вообще избѣгали ссылаться на какіе-либо рукописные архивные источники, а ссылались только на изданные, чтобы всякій могъ провѣрить справедливость нашихъ опроверженій; но при этомъ позволимъ завѣрить литераторовъ изъ малороссіянъ, интересующихся исторіей Малороссіи, что напримѣръ Крымскія Дѣла временъ Богдана Хмельницкаго (мы ихъ не только читали, но даже и списали) представляютъ, какъ источникъ для исторіи Малороссіи, нетронутое богатство, ожидающее своего дѣятеля. Малороссійская исторіографія имѣетъ, можно сказать, громадную литературу; однѣхъ исторій о Богданѣ Хмельницкомъ, начиная съ историческаго романа (окрещеннаго впрочемъ въ Лѣтопись) Величка, написаннаго въ началѣ XVIII вѣка и кончая теперешнимъ сочиненіемъ г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши",—однѣхъ этихъ исторій написано множество. Но намъ кажется, что прежде чѣмъ писать общія исторіи, малоросійская исторіографія и вообще исторія западной Россіи нуждается, кромѣ изданія достовѣрныхъ источниковъ, еще въ изслѣдованіяхъ по этимъ источникамъ отдѣльныхъ историческихъ событій. Но таковыхъ серьезныхъ трудовъ къ сожалѣнію мы имѣемъ очень мало.

—

Здѣсь для полноты разсказа объ измѣнныхъ будто бы дѣлахъ Богдана Хмельницкаго, по поводу его международнаго положенія, считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ. Г. Костомаровъ въ своей статьѣ пишетъ: „знаменитый казацкій вождь, котораго мы считаемъ искреннимъ слугою московскаго престола и однимъ изъ славнѣйшихъ двигателей объединенія русской державы, былъ на самомъ дѣлѣ данникомъ Отоманской Порты и не переставалъ считать себя такимъ и послѣ переяславскаго договора (т.-е. присяги), когда, казалось намъ, ничто не дозволяло бы сомнѣваться въ его вѣрности Россіи". Считалъ ли себя Богданъ Хмельницкій данникомъ Отоманской Порты не только послѣ, но даже и до переяславской присяги, это вопросъ весьма сомнительный; но вотъ это достовѣрно, что въ 1653 году онъ такъ ослабѣлъ въ своихъ военныхъ средствахъ, что московское правительство, рѣшившись тогда принять его въ свое подданство, спасло какъ его самого, такъ и Малороссію отъ погибели. При этомъ, зная

хорошо отношенія гетмана къ Турціи, въ Москвѣ отнеслись къ этому дѣлу такимъ образомъ: во время мартовскихъ переговоровъ въ Москвѣ (переговоры 19 марта) бояре, не спрашивая войсковыхъ посланниковъ, изъ какихъ пограничныхъ земель приходятъ издавна послы къ Войску Запорожскому, прямо написали указъ: „съ турскимъ султаномъ и польскимъ королемъ безъ государева указу не ссылаться“. Однакоже, запрещая сношенія съ турецкимъ султаномъ, московское правительство повидимому не потребовало отъ гетмана, чтобы онъ, такъ сказать, торжественно заявилъ султану: благоволилъ бы тотъ не считать его болѣе своимъ подданнымъ. Да и что это въ самомъ дѣлѣ за подданство или данничество, о которомъ приходилось подданному напоминать каждый разъ, когда ему самому то было выгодно? Крымскіе татары были дѣйствительно союзниками казаковъ, оказывали имъ услуги, были настоящіе сосѣди Войску Запорожскому и поэтому съ ними нужно было считаться; о туркахъ же ничего подобнаго нельзя было сказать. Вѣрующіе въ доброкачественность изслѣдованій г. Костомарова, обобщая предметъ, уже говорятъ, что Богданъ Хмельницкій „и послѣ переяславской присяги велъ дипломатическія сношенія съ иностранными государствами въ качествѣ самостоятельнаго владѣтеля Украины, не всегда уже извѣщая о нихъ въ Москву, если предметъ и характеръ переговоровъ расходился съ ея интересами и стремленіями, какъ напримѣръ уже выяснено Костомаровымъ относительно позднѣйшихъ его сношеній съ Крымомъ и Турціей“ (*Кіев. Старина за 1889 годъ, сентябрь, стр. 783*). Но изъ приведенныхъ нами выше актовъ въ параллель къ актамъ Костомаровской статьи выяснилось, кажется, совершенно противоположное: Богданъ Хмельницкій послѣ присяги 1654 года хотя дѣйствительно имѣлъ сношенія съ турецкимъ султаномъ, но эти сношенія вполнѣ совпадали съ интересами московскаго правительства, велись „по государеву указу“, т.-е. не только съ разрѣшенія, а пожалуй и по указаніямъ изъ Москвы; при этомъ гетманъ и передъ турецкимъ султаномъ, какъ и передъ крымскимъ ханомъ, не скрывалъ своихъ новыхъ отношеній къ Москвѣ, называя только свое подданство „союзомъ“. Таковаго исполнителя воли и интересовъ своего государя, какимъ былъ Богданъ Хмельницкій и въ настоящемъ случаѣ, кажется, невозможно поставить на одну доску, какъ это весьма поспѣшно сдѣлалъ г. Костомаровъ, съ дѣйствительными измѣнниками, съ Выговскимъ и его компаніей.

Если Богдана Хмельницкаго, по поводу его сношеній съ иностранными правительствами, и желательно кому-либо называть измѣн-

никомъ, или, смягчая этотъ жестокій титулъ, говорить, что онъ велъ свои дипломатитескія сношенія, не обращая вниманія на интересы Москвы, „самостоятельно“, то для примѣра, намъ кажется, слѣдуетъ указывать не на турецкое данничество, которое избралъ, какъ доказательство его измѣны, г. Костомаровъ, а сношенія гетмана съ шведскимъ королемъ. Московское правительство находится въ войнѣ съ Швеціей, а Богданъ Хмельницкій сносится съ Карломъ X, какъ со старымъ другомъ; московское правительство ни разу не попрекнуло гетмана сношеніями съ турками или татарами, но считало себя въ правѣ упрекать его сношеніями съ шведами: эти сношенія начались у гетмана еще задолго до его подданства, но онъ объ нихъ потомъ не только не заявлялъ правительству, а еще, по собственному сознанію, скрывалъ.

Здѣсь замѣчательно еще то, что если Выговскій, какъ обыкновенно выставляется, находилъ нужнымъ въ собственныхъ интересахъ въ качествѣ доноса на гетмана, или измѣняя ему, передавать московскому правительству войсковую дипломатическую переписку съ иностранными государствами, то отъ чего же онъ не объявлялъ о сношеніяхъ гетмана съ шведскимъ королемъ? Отвѣчать на это, кажется, слѣдуетъ такъ, что если гетманъ дѣйствительно что скрывалъ, то и Выговскій скрывалъ; узнали же обо всемъ этомъ въ Москвѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ февралѣ 1656 года прислалъ къ государю изъ Вильны тамошній московскій воевода князь Михайло Шаховской цѣлый рядъ бумагъ, относящихся до сношеній гетмана Богдана Хмельницкаго, писаря Ивана Выговскаго и наказнаго гетмана Бѣлоруссіи Ивана Золотаренка съ шведскимъ королемъ Карломъ X; эта переписка и къ князю Шаховскому доставлена была нѣкіимъ шляхтичемъ Лукарскимъ въ качествѣ доноса на козаковъ; засимъ подобныя же бумаги гетмана доставили московскимъ боярамъ польскіе коммиссары во время переговоровъ о мирѣ. Такъ какъ эту переписку Богданъ Хмельницкій велъ, что называется, на свой страхъ, безъ всякаго разрѣшенія правительства, то это и послужило поводомъ къ объясненію съ нимъ; результатомъ же объясненія было то, что правительство получило, какъ бы въ дополненіе къ бумагамъ, доставленнымъ врагами гетмана, еще бумаги отъ самого гетмана, а именно его дипломатическую переписку и договоры съ шведскимъ королемъ, германскимъ императоромъ и пр. Это объясненіе московскихъ сановниковъ съ гетманомъ происходило за нѣсколько недѣль до кончины послѣдняго (*Ак. Юж. и Зап. Россіи, т. XIV, стр. 887—897; т. III №№ 349 и 369; т. XI въ Приложеніяхъ, начиная съ стр. 687*).

Выше мы говорили, что Богданъ Хмельницкій пользовался особымъ, исключительнымъ довѣріемъ царя Алексѣя Михайловича; теперь же къ этому слѣдуетъ только прибавить: слава государю, который умѣлъ уважать величіе подданнаго; слава и тому великому подданному, который ни при какихъ обстоятельствахъ не забывалъ, что онъ прежде всего подданный.

IX.

Господа Костомаровъ и Кулишъ редакторы очищеннаго изданія актовъ.

Г. Костомаровъ въ своей статьѣ „Богданъ Хмельницкій данникъ Оттоманской Порты“, совершивши вышеуказанныя для науки открытія, какъ мы видѣли, смѣло говоритъ, что они „должны измѣнить вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи“. Вмѣсто такого притязанія, намъ кажется, лучше бы было, если бы г. Костомаровъ своевременно отвѣтилъ: почему онъ, издавая вдвоемъ съ г. Кулишемъ III-й томъ Актовъ Южн. и Зап. Россіи, пропустилъ цѣликомъ всѣ малороссійскія дѣла Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, относящіяся къ 1654 и 1655 годамъ, дѣла, которыя и дали главный матеріалъ для помянутаго выше X тома тѣхъ же Актовъ, изданныхъ уже подъ нашею редакціею? Существованіе этихъ дѣлъ, какъ мы уже говорили, было извѣстно не по однимъ архивнымъ реестрамъ: еще оба Бантыша-Каменскіе, отецъ и сынъ, дѣлали изъ нихъ выписки и извлеченія, можетъ быть неполныя, неудачныя, но все-таки эти выписки давно опубликованы; кромѣ того нѣкоторые отдѣльные акты изъ этихъ дѣлъ напечатаны еще въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Если бы гг. Костомаровъ и Кулишъ издали эти акты своевременно, гдѣ слѣдуетъ и полностію, то имъ (даже при способности умалчивать или забывать тѣ акты, которые сами же издали) во всякомъ случаѣ не такъ бы легко было совершать перевороты въ наукѣ, до которыхъ они такіе большіе охотники. Кто имъ мѣшалъ дѣлать то, что они обязаны были дѣлать, какъ редакторы государственныхъ актовъ? Ужь не князь ли Оболенскій? Но на этотъ разъ, какъ сейчасъ увидимъ, свалить свою вину на мертваго положительно невозможно. Этотъ вопросъ о пропускахъ въ Актахъ Южн. и Зап. Россіи былъ поставленъ нами г. Костомарову не мертвому, а еще живому, лѣтъ двадцать тому назадъ (въ нашей диссертаціи „*Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся*“.

Москва, 1870 года); но онъ не удостоилъ на него отвѣтить. Конечно въ настоящее время, за смертію Костомарова, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать его тогдашній соредакторъ г. Кулишъ; этотъ отвѣтъ намъ извѣстенъ и мы его печатаемъ здѣсь.

Когда Обществу Ист. и Др. Россійск. угодно было поручить мнѣ разсмотрѣть сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши", авторъ его, не будучи лично со мною знакомъ, однако вступилъ со мною въ переписку. Въ отвѣтъ на такое ко мнѣ довѣріе я немедленно же предупредилъ г. Кулиша, что хотя я и высказался за напечатаніе его сочиненія въ „Чтеніяхъ", но одновременно съ этимъ въ „Чтеніяхъ" же будутъ напечатаны и мои Объясненія въ защиту Богдана Хмельницкаго. Въ концѣ мая мѣсяца настоящаго года, безъ всякаго съ моей стороны вопроса, г. Кулишъ прислалъ мнѣ объясненіе по поводу пропусковъ въ III томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я обратился къ г. Кулишу прямо съ вопросомъ: дозволитъ ли онъ мнѣ цѣликомъ напечатать теперешнее его объясненіе, или найдетъ нужнымъ что-нибудь къ нему дополнить? Въ отвѣтъ на это г. Кулишъ прислалъ ко мнѣ тоже объясненіе, но уже нѣсколько въ иной редакціи, заявляя, что „литературная порядочность велитъ напечатать его въ слѣдующемъ видѣ". Вотъ это объясненіе:

„Нѣтъ ничего дальше отъ истины, какъ Ваше увѣреніе ученаго свѣта въ томъ, будто бы Костомаровъ и Кулишъ подбирали съ какимъ-то козацкимъ умысломъ документы, составлявшіе III-й томъ Актовъ Южной и Западной Россіи. Какъ появились эти документы на письменномъ столѣ Костомарова, я, не принадлежа къ личному составу Археографической Коммиссіи, ничего о томъ не знаю. Самъ ли Костомаровъ рылся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, или же Коммиссія потребовала въ Петербургъ указанные имъ заочно дѣла,—объ этомъ заботиться не приходилось человѣку постороннему. Я помогалъ Костомарову читать старинныя столбцы, какъ человѣкъ зрячій полуслѣпому; но если бы замѣтилъ со стороны пріятеля злоупотребленія, то не пошелъ бы къ нему въ сотрудники ни за какія блага. Утверждаю, что Костомаровъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, въ качествѣ историка былъ также неспособенъ къ утайкѣ документовъ отъ людей науки, какъ и къ воровству".

Несмотря на предупрежденіе, для чего требуется объясненіе, г. Кулишъ написалъ все-таки какое-то дѣтское оправданіе: знать-молъ не знаю, вѣдать не вѣдаю. И къ чему это заявленіе о неспособности

Костомарова къ воровству? это что-то въ родѣ того, что „палка стоитъ въ углу, поэтому на дворѣ дождикъ“. А за симъ главное, кого это г. Кулишъ, говоря объ Археографической Коммиссіи, вздумалъ добродушно морочить? Пишущій эти строки имѣетъ честь состоять членомъ Коммиссіи болѣе пятнадцати лѣтъ, издалъ и издаетъ для нея не первый томъ актовъ; поэтому, надо полагать, порядки Коммиссіи ему извѣстны. Начнемъ съ того, что г. Кулишъ ужъ очень невидную роль отводитъ себѣ въ дѣлѣ изданіи III тома Актовъ Южн. и Зап. Россіи; въ предисловіи же къ этому тому Актовъ сказано, что онъ изданъ подъ редакціею члена-редактора Н. И. Костомарова „при содѣйствіи Пантелеймона Александровича Кулиша, которому Коммиссія считаетъ долгомъ принести свою благодарность“. По этимъ словамъ предисловія оказывается, что г. Кулишъ былъ соредакторомъ Костомарова, т. е. несъ на себѣ почти такую же отвѣтственность за изданіе, какъ и главный редакторъ; а по теперешнему объясненію г. Кулиша выходитъ, что онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ секретаря, ученаго корректора и что все его сотрудничество ограничивалось ролью „чтеца при полуслѣпомъ“. Таковые господа при редакторахъ ученыхъ изданій почти всегда имѣются, но объ нихъ въ предисловіяхъ къ Актамъ никогда не упоминается и благодарности имъ не высказывается: они просто получаютъ деньги за свой трудъ. Теперешнее же невѣдѣніе г. Кулиша, по его объясненію, простирается до того, что онъ не знаетъ, „самъ ли Костомаровъ рылся въ архивѣ“, или заочно черезъ Коммиссію выписывалъ оттуда себѣ столбцы.

Чтобы показать, что все сейчасъ сказанное далеко не голословное наше толкованіе одной фразы предисловія къ III тому Актовъ Южн. и Зап. Россіи и не какія-нибудь „выдумки“, мы принуждены напомнить г. Кулишу нѣкоторые документы, содержанія которыхъ онъ не могъ не знать: это протоколы засѣданій Археографической Коммиссіи 1860—1862 годовъ. Въ нихъ, какъ сейчасъ увидимъ, имя г. Кулиша встрѣчается нерѣдко, такъ что онъ не можетъ говорить, что былъ тогда по отношенію къ Археографической Коммиссіи „посторонній человѣкъ“; что же касается изданія Актовъ Южной и Западной Россіи, то также и въ этомъ дѣлѣ, согласно протоколамъ, онъ игралъ не послѣднюю ничтожную роль. Здѣсь кстати замѣтимъ, что эти протоколы изданы въ I и II выпускахъ „Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи“, которая печаталась точно также, какъ и III и IV томъ Актовъ Южн. и Зап. Россіи, въ собственной типографіи самого же П. А. Кулиша (Спб. 1861—1864 года); слѣдовательно мы ссылаемся здѣсь на изданіе, о которомъ г. Кулишъ

тоже не можетъ сказать, что оно ему до сихъ поръ было неизвѣстно. Вотъ исторія изданія III тома Актовъ Южн. и Зап. Россіи и участія г. Кулиша въ тогдашней дѣятельности Археографической Коммиссіи, по указаннымъ протоколамъ:

Засѣданіе 29 января 1860 года. „Правитель дѣлъ Коммиссіи заявилъ: 1) что г. Предсѣдатель Коммиссіи, доводя до свѣдѣнія г. Министра Народнаго Просвѣщенія о пожертвованіи въ Коммиссію потомственнаго почетнаго гражданина Лыткина (5000 р.), вмѣстѣ съ симъ представилъ его высокопревосходительству о предположеніи Коммиссіи пополнить за счетъ настоящаго пожертвованія изданные въ 1848—53 годахъ Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, для чего Коммиссіею уже собрано много матеріаловъ, поручивъ редакцію онаго профессору Костомарову съ назначеніемъ его членомъ Коммиссіи, 2) что г. Министръ изъявилъ на это согласіе и Н. И. Костомаровъ приказомъ 15 января 1860 года назначенъ членомъ Коммиссіи.—*Опредѣлено*: передать Н. И. Костомарову всѣ собранные Коммиссіею акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи“.

Засѣданіе 26 февраля 1860 года. „П. И. Саввантовъ, по случаю бывшаго предъ симъ разсужденія о матеріалахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, обратилъ вниманіе Коммиссіи на дѣла бывшей греко-уніатской коллегіи, которыя, по возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью, поступили въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ можетъ быть найдено еще много неизданныхъ документовъ, и предложилъ обратиться для сего къ синодальному оберъ-прокурору. — *Опредѣлено*: согласно съ предложеніемъ П. И. Савваитова просить г. оберъ-прокурора Св. Синода о допущеніи Н. И. Костомарова съ чиновникомъ Коммиссіи, который будетъ для сего назначенъ, къ разсмотрѣнію помянутыхъ дѣлъ греко-уніатской коллегіи“.— *Въ томъ же засѣданіи опредѣлено:* полученную отъ профессора Харьковскаго университета А. П. Зернина коллекцію западно-русскихъ актовъ передать Н. И. Костомарову для напечатанія ихъ въ дополненіяхъ къ Актамъ, относящимся къ исторіи Западной Россіи“.

Засѣданіе 9 декабря 1860 года. „Читаны отношенія управляющаго Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князя М. Ап. Оболенскаго на имя г. предсѣдателя и правителя дѣлъ съ увѣдомленіемъ о препровожденіи въ Коммиссію хранящихся въ означенномъ Архивѣ малороссійскихъ дѣлъ, связокъ 12-й (1655—1657 г.) 15-й (1658 - 1659 г.), 3-й (1638—1646 и 1648 г.) и 4-й (1649—1651 г.) и польскихъ дѣлъ, связокъ 48 и 49 (1648 г.)“.

Засѣданіе 3 января 1861 года. „Читаны отношенія управляющаго Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князя М. Ап. Оболенскаго на имя предсѣдателя Коммиссіи объ отправленіи въ сію послѣднюю польскихъ дѣлъ 1649 и 1650 годовъ и *малороссійскихъ дѣлъ* 1651—*1654* годовъ. При семъ правитель дѣлъ сообщилъ, что дѣла польскія и малороссійскія доставлены Н. И. Костомарову для извлеченія изъ нихъ матеріаловъ въ „Акты *Южной и Западной* Россіи“.

Сейчасъ приведенные протоколы указываютъ, что въ числѣ выписанныхъ изъ Московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ въ Коммиссію находились и малороссійскія дѣла 1654—1655 годовъ, т.-е. дѣла, о пропускѣ которыхъ въ изданіи III тома Актовъ мы теперь толкуемъ. За симъ, какъ бы въ оправданіе теперешняго объясненія г. Кулиша, что онъ былъ по отношенію къ Археографической Коммиссіи „посторонній человѣкъ", имя его за 1860 годъ нигдѣ не упоминается въ протоколахъ; вездѣ дѣйствуетъ, какъ самостоятельный редакторъ Актовъ, г. Костомаровъ. Но въ слѣдъ за упоминаніемъ, что всѣ помянутыя малороссійскія и польскія дѣла уже выписаны въ Коммиссію, въ протоколахъ далѣе читаемъ:

Засѣданіе 18 февраля 1861 года. „Читано донесеніе П. А. Кулиша (*назначеннаго корреспондентомъ Коммиссіи*) съ предложеніемъ напечатать украинскую лѣтопись Лукомскаго, относящуюся преимущественно ко временамъ предшествующимъ Богдану Хмельницкому и заключающую въ себѣ подробности, нигдѣ не упомянутыя ни у нашихъ, ни у польскихъ лѣтописцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Кулишъ сообщаетъ, что занимаясь изученіемъ южно-русской старины, онъ списалъ для себя изъ рукописей Императорской публичной библіотеки значительное число актовъ (на польскомъ и отчасти на латинскомъ языкахъ), изображающихъ то же время, что и лѣтопись Лукомскаго, почему предлагаетъ къ изданію этой лѣтописи приложить и собранные имъ акты; все вмѣстѣ составитъ томъ около 40 листовъ in 4-to или немного болѣе".

По этому заявленію г. Кулиша, уже принадлежавшаго, хотя и въ званіи корреспондента, къ личному составу Коммиссіи, о порученіи ему самостоятельнаго изданія по исторіи югозападной Россіи

„*опредѣлено*: просить П. А. Кулиша о доставленіи предлагаемыхъ имъ къ печатанію матеріаловъ, для разсмотрѣнія ихъ и обсужденія въ слѣдующемъ засѣданіи способа къ изданію ихъ въ свѣтъ." — *Въ томъ же засѣданіи Коммиссіи* „правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія г. предсѣдателя и членовъ, что членъ Коммиссіи Н. И. Костомаровъ, которому поручена редакція „Актовъ для исторіи Южной и Западной Россіи", получивъ уже разрѣшеніе Св. Синода брать подъ свою росписку на домъ признаваемые имъ полезными къ напечатанію документы, хранящіеся въ синодальномъ архивѣ изъ дѣлъ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, проситъ объ исходатайствованіи ему разрѣшенія Св. Синода пользоваться и прочими матеріалами, находящимися въ означенномъ архивѣ, которые могутъ служить къ объясненію исторіи южной и западной Россіи. *Опредѣлено*: снестись по этому предмету съ г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода и просить его объ исходатайствованіи означеннаго разрѣшенія г. Костомарову".

Въ слѣдующемъ *засѣданіи 13 марта 1861 года* „читано донесеніе корреспондента П. А. Кулиша съ препровожденіемъ рукописей, предложенныхъ имъ въ предыдущемъ засѣданіи для изданія оныхъ Коммиссіею... Что же касается актовъ, списанныхъ имъ въ Императорской публичной библіотекѣ, то онъ замѣ-

чаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ списаны имъ не вполнѣ, такъ какъ онъ предназначалъ ихъ первоначально для приложенія къ предпринятому имъ труду по польско-украинской исторіи; но если Коммиссія найдетъ необходимымъ печатать вполнѣ всѣ безъ исключенія списанные имъ акты, то опущенныя имъ мѣста легко пополнить, такъ какъ на спискахъ обозначены листы рукописей, изъ коихъ извлечены эти документы".

Опредѣленіе Археографической Коммиссіи по этому предложенію г. Кулиша выписываемъ здѣсь вполнѣ, чтобы показать, какимъ положеніемъ и довѣріемъ уже пользовался только-что назначенный членъ корреспондентъ Коммиссіи.

„*Опредѣлено:* имѣя въ виду лѣтопись Лукомскаго и другія малороссійскія лѣтописи, на которыя указано было въ засѣданіи нѣкоторыми членами, какъ на матеріалы еще неизданные, а между тѣмъ очень важные для русской исторіи, *ввести въ составъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей*, издаваемаго Коммиссіею *отдѣлъ лѣтописей малороссійскихъ*, о которомъ, по собраніи означенныхъ выше рукописей, войти въ особое сужденіе; что же касается до актовъ, сообщенныхъ г. Кулишемъ, то просить его о пополненіи ихъ мѣстами, которыя въ нихъ опущены, и затѣмъ напечатать ихъ вмѣстѣ съ другими актами на польскомъ и латинскомъ языкахъ, относящимися до исторіи Малороссіи, *какъ особое отдѣленіе* издаваемыхъ Коммиссіею иностранныхъ актовъ".

Всѣ эти предполагаемыя грандіозныя изданія впослѣдствіи не осуществились, но за то изъ нижеприводимаго протокола наконецъ узнаемъ, что г. Кулишъ былъ уже давно дѣятельнымъ сотрудникомъ Коммиссіи, чѣмъ и объясняется то особое къ нему довѣріе, которое можно видѣть изъ приведеннаго сейчасъ протокола Коммиссіи.

Засѣданіе 21 ноября 1861 года. „П. А. Кулишъ объяснилъ что занимаясь *приготовленіемъ и изданіемъ* „Актовъ для исторіи Южной и Западной Россіи" вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, они успѣли уже окончить печатаніемъ *третій томъ этого изданія*, первый же, которымъ исключительно занимается г. Костомаровъ, хотя и печатается, но за пріисканіемъ новыхъ матеріаловъ для дополненія актовъ, собранныхъ прежде Коммиссіей, потребуетъ еще значительнаго времени для приведеденія его къ окончанію, между тѣмъ у нихъ собрано уже очень много даже приготовленныхъ совершенно къ изданію матеріаловъ, которые должны войти въ IV томъ этого же изданія; посему г. Кулишъ предложилъ Коммиссіи, что онъ приметъ на себя безвозмездно изданіе IV тома, если позволятъ настоящія средства Коммиссіи. При семъ правитель дѣлъ довелъ до свѣдѣнія гг. членовъ, что изъ 5000 р. с., пожертвованныхъ Лыткинымъ на изданіе „Актовъ для исторіи Южной и Западной Россіи", донынѣ израсходовано до 3400 р. с. и что остающіеся за симъ 1600 рублей могутъ быть употреблены на изданіе IV тома; на случай же, если бы эта сумма оказалась не вполнѣ для того достаточною,

необходимая передержка можетъ быть покрыта изъ суммы, получаемой ежегодно Коммиссіею отъ распродажи ея изданій.—*Опредѣлено*: имѣя въ виду, что на указанныя правителемъ дѣлъ средства можетъ быть изданъ IV томъ Актовъ Южной и Западной Россіи и что Н. И. Костомарову предстоитъ еще много труда для окончанія печатаніемъ I тома этого изданія, поручить г. Кулишу изданіе IV тома съ тѣмъ, чтобы онъ приступилъ къ сему немедленно *на правахъ члена Коммиссіи*" *).

Прекращаемъ дальнѣйшую выписку изъ протоколовъ Археографической Коммиссіи; послѣдній изъ приведенныхъ здѣсь, кажется, не требуетъ никакихъ поясненій, и г. Кулишъ не имѣетъ уже права, какъ сдѣлалъ въ своемъ намъ объясненіи, скрываться за спиной умершаго г. Костомарова и отрекаться въ чемъ-либо, по отношенію къ изданію III тома Актовъ Южн. и Зап. Россіи, незнаніемъ или тѣмъ, что онъ не принадлежалъ къ личному составу Коммиссіи. Поэтому, считая этотъ вопросъ исчерпаннымъ, выскажемъ дальнѣйшіе наши отвѣты на другія положенія въ теперешнемъ объясненіи г. Кулиша.— Мы обвиняемъ гг. Костомарова и Кулиша не „*въ подборѣ* съ какимъ-то козацкимъ умысломъ документовъ", какъ пишетъ г. Кулишъ, а въ умышленномъ *пропускѣ* актовъ. Это большая разница: для перваго (т.-е. подбора) требуется прежде всего много труда, времени и внимательнаго изученія источниковъ; составить подобный томъ актовъ потруднѣе, чѣмъ написать тенденціозную журнальную статью. Гг. Костомаровъ и Кулишъ предпочли болѣе простое и легкое дѣло: они полностію, безъ всякой оговорки, пропустили въ изданіи акты, содержаніе которыхъ почему-то казалось имъ непригоднымъ. Г. Кулишъ пишетъ, что „если бы онъ замѣтилъ со стороны пріятеля злоупотребленія, то не пошелъ бы къ нему въ сотрудники ни за какія блага". Мы обязаны вѣрить этой божбѣ г. Кулиша, но только замѣтимъ: тенденціозный подборъ актовъ, если потрудиться и дѣлать его умѣючи, пожалуй, и опытный сотрудникъ не скоро замѣтитъ; однако какъ же это г. Кулишъ не замѣтилъ, что въ III томѣ Актовъ Южн. и Зап. Россіи не помѣщено ничего, относящагося къ исторіи 1654 и 1655 годовъ (оба года полностію исключены; напечатаны какіе-то не особенно значущіе два-три акта)? Не примѣтить такого слона достойно всякаго удивленія.

---

*) Этотъ IV томъ Актовъ Южн. и Зап. Россіи потомъ вышелъ въ 1863 году, какъ значится въ предисловіи къ нему, подъ редакціею Н. И. Костомарова. Въ редакціонномъ отношеніи этотъ томъ, пожалуй, самый худшій среди нѣкоторыхъ неудачныхъ изданій Археографической Коммиссіи.

Ученому недобросовѣстному, но опытному и авторитетному, обмануть Археографическую Коммиссію не можетъ составить особенно большаго труда; обманъ, конечно, откроется, но въ большинствѣ случаевъ только по выходѣ въ свѣтъ изданія, да и то, пожалуй, не скоро. Изданіе актовъ настолько дѣло спеціальное (а Россія далеко не богата учеными спеціалистами), что Коммиссія, разъ довѣривши изданіе избранному редактору, должна и потомъ оказывать ему полное довѣріе, потому что провѣрять каждое дѣйствіе редактора дѣло невозможное; даже такое, напримѣръ, дѣйствіе, какъ выписка дѣлъ изъ архивовъ, совершенно зависитъ отъ редактора: выписываются тѣ дѣла, которыя онъ указываетъ, какъ необходимыя для его изданія и важнѣйшія. Около шестидесятаго года сего столѣтія гг. Костомаровъ и Кулишъ, знаменитые писатели новаго направленія, считались при этомъ первыми знатоками исторіи западной Россіи; поэтому имъ и былъ оказанъ со стороны Археографической Коммиссіи, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше ея протоколовъ, полный кредитъ въ дѣлѣ изданія актовъ для исторіи западной Россіи. Мало того, для нихъ даже было измѣнено прежнее заглавіе изданія: оно вмѣсто стараго названія „Акты Западной Россіи“ стало съ тѣхъ поръ называться „Акты *Южной* и Западной Россіи“. Замѣчательно, что въ протоколахъ Археографической Коммиссіи не встрѣчается опредѣленнаго постановленія о столь важной перемѣнѣ, какъ это заглавіе Актовъ; въ протоколѣ засѣданія 26 февраля 1860 года редактируемое Костомаровымъ изданіе называется по старому „Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи“, а за симъ, почти уже черезъ годъ, въ протоколѣ засѣданія 3 генваря 1861 года встрѣчаемъ названіе „Акты *Южной и* Западной Россіи“, подъ какимъ заглавіемъ въ томъ же году и вышелъ III томъ этихъ Актовъ (онъ выпущенъ ранѣе I и II томовъ). Но г. Костомаровъ, какъ бы не довольствуясь этимъ допущеннымъ измѣненіемъ заглавія, превратилъ потомъ Акты Южной и Западной Россіи въ изданіе источниковъ, относящихся только до исторіи Малороссіи и притомъ главнымъ образомъ Войска Запорожскаго; актовъ же, относящихся до исторіи остальной западной Россіи, напримѣръ Бѣлоруссіи, во всѣхъ изданныхъ подъ его редакціею томахъ не отыщешь, точно ихъ не существуетъ въ нашихъ архивахъ*). О таковомъ превраще-

---

*) Въ заглавіи и предисловіи къ XIV тому Актовъ Южн. и Зап. Россіи, изданному подъ нашею редакціею, сказано, что онъ служитъ дополненіемъ къ III тому тѣхъ же Актовъ. Содержаніе нашего тома попреимуществу акты, относящіеся до исторіи Бѣлоруссіи, а содержаніе III тома акты, относящіеся исключитель-

нія стараго почтеннаго изданія въ совершенно новое Археографическая Коммиссія, какъ можно судить по протоколамъ 26 февраля 1860 года и 18 февраля 1861 года, совсѣмъ и не думала,—предполагалось именно продолжать изданіе актовъ, относящихся вообще до исторіи западной Россіи: члены Коммиссіи разсуждали, постановляли, изыскивали средства, ходатайствовали, а гг. Костомаровъ и Кулишъ дѣлали свое дѣло.—Г. Кулишъ говоритъ, что я обвиняю его и Костомарова въ какихъ-то „козацкихъ умыслахъ" при изданіи актовъ; но въ этомъ отношеніи ни о какихъ „козацкихъ умыслахъ" этихъ почтенныхъ господъ я никогда и нигдѣ положительно ничего не говорилъ, да и представить себѣ не могу, въ чемъ бы это могъ выразится „подборъ актовъ съ какимъ-то *козацкимъ* умысломъ"? Намъ извѣстно только одно отношеніе козаковъ вообще къ старой писанной бумагѣ,—это стремленіе истреблять ее въ предположеніи, что на ней только и написаны однѣ ихъ козацкія вины.

Въ заключеніе своего объясненія г. Кулишъ говоритъ: „*утверждаю*, что Костомаровъ былъ неспособенъ къ утайкѣ документовъ отъ людей науки, какъ и къ воровству". Божба и клятвы г. Кулиша въ настоящемъ случаѣ не имѣютъ ни малѣйшей цѣны: утайка документовъ отъ людей науки совершена и существуетъ, а такая утайка хуже воровства.

—

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, какъ же гг. Костомаровъ и Кулишъ, когда имъ приходилось, описываютъ событія, относящіяся ко времени соединенія Малороссіи съ Великою Россіей, т. е. 1654-й годъ? Но объ этомъ предметѣ, по отношенію къ г. Костомарову мы уже много разъ говорили въ другихъ нашихъ сочиненіяхъ по исторіи Малороссіи, а выше въ III Объясненіи указано, что онъ до самой своей смерти все толковалъ о какомъ-то переяславскомъ *договорѣ*, на основаніи котораго совершилось это соединеніе обѣихъ Россій. Что касается г. Кулиша, то черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того, когда онъ такъ единомысленно дѣйствовалъ вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ, (много воды съ тѣхъ поръ утекло), какъ мы уже выше сказали, онъ

но до исторіи Малороссіи или проще до исторіи Войска Запорожскаго; но XIV томъ служитъ дополненіемъ къ III тому не потому только, что въ немъ встрѣчается не мало актовъ, относящихся до исторіи Войска Запорожскаго, а и потому, что послѣдній томъ носитъ все-таки общее заглавіе Актовъ Южной *и Западной* Россіи; поэтому-то и нашъ томъ является именно дополненіемъ къ нему, какъ содержащій въ себѣ акты, относящіеся вообще до исторіи западной Россіи.

описываетъ это соединеніе, въ предѣлахъ имѣвшихся у него подъ руками источниковъ, добросовѣстно и отчаянно полемизируетъ противъ г. Костомарова. Приводимъ здѣсь его слова, относящіяся къ этому предмету (*т. III, стр. 403—409*; напечатанное ниже курсивомъ—курсивъ у г. Кулиша):

„Малорусскія лѣтописи и козацкіе историки присочинили, будто бы вслѣдъ за тѣмъ (за рѣчью Богдана Хмельницкаго на переяславской радѣ) начали читать приготовленныя условія, на которыхъ *Украина* должна соединиться съ *Московіею.* Достовѣрность этого факта заявилъ предъ ученымъ свѣтомъ Костомаровъ даже и въ четвертомъ изданіи своей трехтомной исторической монографіи „Богданъ Хмельницкій". Но ни *условій*, ни такъ называемаго Переяславскаго *договора* съ царскими уполномоченными не было и по духу московскаго самодержавія быть не могло. Козаки цѣлыя шесть лѣтъ безпрестанно умоляли Восточнаго Царя принять ихъ въ подданство, и великій государь наконецъ сжалился—и то не надъ ними, а надъ „нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ Малой Руси". Эти слова Хмельницкаго, кому бы они собственно ни принадлежали, сами по себѣ дѣлаютъ условія и договоръ съ просителями безсмыслицею... Козацкіе историки приводятъ свидѣтельство фальшиваго лѣтописца временъ Мазепы, будто бы послѣ присяги козаковъ московскіе бояре дали отъ имени царя *клятвенное* обѣщаніе, что онъ будетъ держать всю Малую Россію со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ подъ своимъ покровительствомъ, при ненарушимомъ сохраненіи *всѣхъ ея древнихъ правъ.* Въ этомъ вымыслѣ Россія сдѣлана другою Польшею, а козакамъ открытъ просторъ къ повторенію надъ Царскою Землею того, что сдѣлали они надъ Землею Королевскою"... О мартовскихъ переговорахъ посланниковъ Войска Запорожскаго съ боярами въ Москвѣ г. Кулишъ пишетъ: „такова была петиція, представленная козаками царю черезъ два мѣсяца по принятіи отъ нихъ безусловнаго подданства и ее-то козацкіе историки превращаютъ въ „условія, на которыхъ *Украйна* соединилась съ *Московіею*"; а какъ условій и договора въ козацкой петиціи вовсе нѣтъ, то козакоманы пускаютъ въ ходъ печатную молву, будто-бы договоръ Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ *существовалъ*, но какъ-то, кѣмъ-то, гдѣ-то и когда-то потерянъ. Отъ этого взаимныя отношенія Русскаго

Сѣвера и Русскаго Юга представляются любителямъ козатчины въ ложномъ видѣ, и отсюда происходятъ антирусскія стремленія украинскихъ патріотовъ, но извращеніе понятій о Хмельнитчинѣ идетъ у насъ издавна".

Смѣемъ увѣрить г. Кулиша, что сейчасъ приведенные нами отрывки, отдѣльно взятые отъ остальнаго, суть лучшія мѣста во всемъ его обширномъ сочиненіи и къ тому же такой прямолинейности малороссіянина смѣло можетъ позавидовать самый прямолинейнѣйшій изъ великороссіянъ. Здѣсь отъ себя мы находимъ нужнымъ сдѣлать только небольшое пополненіе, поправку къ словамъ г. Кулиша: говоря о козацкой петиціи, онъ собственно говоритъ о наказѣ войсковыхъ посланниковъ (переговоры 13 марта) и о первыхъ государевыхъ указахъ на пункты этого наказа; но къ сожалѣнію г. Кулишу совершенно не извѣстно, да, кажется, онъ и не предполагаетъ, о существованіи статей окончательной редакціи (27 марта), такъ называемыхъ Статей Богдана Хмельницкаго, состоящихъ изъ четырнадцати пунктовъ. Текстъ этихъ статей первоначально напечатанъ въ *IV томъ Актовъ Южн. и Зап. Россіи, стр. 262—265*, т.-е. въ томъ томѣ, который онъ же г. Кулишъ первоначально готовилъ для изданія Археографической Коммисіи (см. также текстъ этихъ статей, напечатанный по подлинному акту Батуринскихъ статей Брюховецкаго (1665 года) въ нашемъ изслѣдованіи *Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россіей въ Журн. М. Н. Пр. за 1871 годъ кн. XI и XII*). Если бы Статьи Богдана Хмельницкаго были извѣстны г. Кулишу, то мы увѣрены, что онъ и на нихъ бы ссылался, и теперешніе его доводы, которые мы здѣсь выписали, противъ мнѣнія г. Костомарова и К°, что будто бы Малороссія соединилась съ Великою Россіей на основаніи договора, были бы еще болѣе основательны и убѣдительны. Но впрочемъ сомнѣваемся, чтобы слова г. Кулиша и наши могли убѣдить тѣхъ, которые, какъ видно, зачитавшись до опьяненія „Исторіей Руссовъ" и произведеній г. Костомарова, доселѣ все твердятъ старое, что „въ тотъ моментъ, когда южнорусскій народъ одержалъ рѣшительный успѣхъ (въ борьбѣ съ Польшею) и обратился къ протекторату Москвы, не договариваться съ нимъ она *не могла*" (курсивъ у автора), или что только „съ побѣдителями не договариваются" (см. *Кіев. Стар. за 1889 годъ, сентябрь, стр. 787—788*). На подобныя рѣшительныя фразы возражать и отвѣчать мы положительно не въ состояніи, потому что каждое ихъ слово содержитъ въ себѣ только нелѣпость и безсмыслицу: ничего не знаютъ, не понимаютъ, а тоже разсуждаютъ и поучаютъ. Вмѣсто

отвѣтовъ на такія фразы въ дополненіе къ выписанному выше у г. Кулиша скажемъ еще о слѣдующемъ. Относительно жалованной грамоты Войску Запорожскому и Статей Богдана Хмельницкаго, оба эти документа, пожалуй, можно назвать договоромъ въ томъ смыслѣ, что правительство вообще обязано уважать свою подпись на актахъ, содержащихъ въ себѣ изложеніе пожалованныхъ имъ правъ и привилегій; особенно этого уваженія своей подписи можно ожидать отъ правительства, если со стороны получившихъ пожалованіе оно будетъ видѣть вѣрность и благодарность за такую милость. Насколько московское правительство уважало обѣщаніе великихъ пословъ, что „слово государя премѣнено не бываетъ", служитъ лучшимъ доказательствомъ то, что послѣ каждой измѣны гетмановъ, хотя правительство имѣло право и возможность объявить, что отселѣ оно владѣетъ Малороссіей по праву завоеванія (особенно много поводовъ къ этому было послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго), и затѣмъ распорядиться въ странѣ посвоему, но оно ни разу этимъ не воспользовалось. Послѣ Выговскаго, Юрія Хмельницкаго правительство снова позволяло выбирать гетмановъ, оставляя Малороссію при прежнихъ войсковыхъ порядкахъ и только ставя при этомъ нѣкоторыя условія (въ родѣ назначенія государевыхъ московскихъ воеводъ въ нѣкоторые малороссійскіе города и т. п.), которыя, какъ предполагалось, охранятъ правительство отъ дальнѣйшихъ измѣнъ. Гетманство и войсковое управленіе Малороссіей во второй половинѣ XVIII вѣка не уничтожены, а прекратились сами собою, какъ политическая нелѣпость. Пожалуй, не одна ложь козакомановъ и „посѣянныя въ малорусскомъ обществѣ питомцами іезуитовъ предубѣжденія противъ Москвы заставляли „незнающихъ людей" роптать на московское вѣроломство" но и эта снисходительность московскаго правительства,—послѣ совершенія страшныхъ преступленій постоянное полнѣйшее помилованіе,—давала поводъ толковать врагамъ московской власти въ Малороссіи о *договорѣ*.

Мы сказали, что г. Кулишъ излагаетъ событія начала 1654 г. добросовѣстно, но при этомъ должны оговориться, что какъ всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ, къ крайнему нашему прискорбію, онъ описываетъ частности этихъ событій иногда совсѣмъ уже посвоему. Такъ, излагая содержаніе хотя чрезвычайно подробнаго, но крайне сухаго офиціальнаго документа (донесеніе великихъ пословъ о переяславской радѣ), г. Кулишъ вездѣ и всюду предлагаетъ свои толкованія въ родѣ того, что такое-то историческое лицо, говоря то-то, думало такъ-то. Напримѣръ о переяславскомъ полковникѣ Павлѣ Тетерѣ, будущемъ измѣнникѣ, г. Кулишъ пишетъ: Тетеря „не могъ относиться къ

дѣлу русскаго возсоединенія сочувственно и смотрѣлъ на него, какъ на неизбѣжное, но *временное* зло..... Козацкимъ воротиламъ сдѣлалось тогда холодно въ Малороссіи,—нагналъ имъ холоду крымскій добродій,—и они полѣзли къ московскому царю за пазуху отогрѣваться". Откуда это г. Кулишъ узналъ, что Тетеря именно такъ смотрѣлъ въ то время на московское подданство? Но этого мало: излагая содержаніе всѣмъ извѣстной рѣчи Богдана Хмельницкаго въ Переяславлѣ на радѣ (объ избраніи государя), г. Кулишъ прямо заявляетъ, что эта рѣчь „очевидно была продиктована ему московскими послами, которые даже хвалить своего государя не позволяли иначе, какъ въ духѣ московскаго вѣрноподданства" и т. п. Поразительно новое научное открытіе! Сколько мы ни знаемъ историковъ, писавшихъ объ этомъ извѣстномъ событіи переяславской рады 1654 года, положительно никому изъ нихъ и въ голову не приходило объяснять его подобнымъ образомъ. Но мы прямо заявляемъ, что это толкованіе г. Кулиша есть его личное предположеніе. Однакоже это толкованіе совершенно случайно наводитъ насъ на разныя другія мысли и вопросы и заставляетъ поговорить о слѣдующемъ: чѣмъ могъ воспользоваться г. Кулишъ (хотя онъ самъ объ этомъ ничего не говоритъ), чтобы такъ смѣло выдвинуть свою научную критику, свои предположенія и отрицанія? Это заслуживаетъ вниманія еще и потому, что относится не только къ переяславской рѣчи Богдана Хмельницкаго, но и ко многимъ другимъ подобнымъ рѣчамъ и документамъ: *текстъ переяславской рѣчи гетмана дошелъ до насъ только въ московской редакціи*, въ донесеніи великихъ пословъ о переяславской радѣ и присягѣ. По поводу этой редакціи, ничѣмъ въ статейномъ спискѣ пословъ не оговоренной, можно еще замѣтить (въ дополненіе къ критикѣ г. Кулиша), что Богданъ Хмельницкій не могъ хорошо и чисто говорить по-московски, а не только что составлять свои рѣчи языкомъ Посольскаго приказа. Отвѣчаемъ на эти вопросы. Богданъ Хмельницкій, при составленіи своихъ рѣчей, не нуждался ни въ чьей помощи и руководствѣ; онъ былъ дѣйствительно народный ораторъ (но конечно не въ смыслѣ „хожденія въ народъ"), умѣлъ говорить съ своими козаками и тутъ вмѣшательство москвичей могло только испортить ихъ же собственное дѣло. Къ тому же, относительно содержанія переяславской рѣчи гетмана слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ ней нѣтъ положительно ни одной мысли, даже ни одного слова, которыя бы Богданъ Хмельницкій въ продолженіе предшествующихъ шести лѣтъ по нѣскольку разъ не повторилъ не только передъ москвичами, но и передъ поляками, а также и передъ своими

запорожскими козаками. Этотъ старый, даровитый, опытный профессоръ свои лекціи изъ государственнаго права по теоріи самодержавія какъ въ 1649 году предъ польскими послами, такъ теперь въ 1654 году на радѣ предъ козаками, произносилъ, разумѣется, по малороссійски, безъ малѣйшихъ вставокъ московскихъ словъ; за симъ читалъ онъ эти лекціи конечно не по тетрадкѣ, безъ всякаго конспекта, свободно. Поэтому-то ни самъ блестящій лекторъ Богданъ Хмельницкій, ни его адъюнкты Выговскій и Тетеря не могли и доставить великимъ посламъ списка этой его рѣчи, какъ бывало въ иныхъ случаяхъ, по отношенію къ другимъ малороссійскимъ ораторамъ (особенно духовнымъ, какъ Сильвестръ Косовъ, Максимъ Филимоновъ и другіе). Мысли переяславской рѣчи принадлежатъ всецѣло Богдану Хмельницкому, изложены же они на московскомъ приказномъ нарѣчіи, вѣроятно, бывшимъ тогда въ Переяславлѣ, въ составѣ великаго посольства, думнымъ дьякомъ Лар. Дм. Лопухинымъ и изложены относительно достовѣрности наиточнѣйшимъ образомъ. Чистокровный москвичъ Лар. Дм. Лопухинъ не могъ конечно, подобно польскимъ коммиссарамъ, изъ которыхъ многіе были малороссы (какъ это замѣтилъ и г. Кулишъ, *т. II, стр. 356*), записывать рѣчи Богдана Хмельницкаго и другихъ козаковъ точно по-малороссійски. Далѣе — еслибы московскіе послы продиктовали Богдану Хмельницкому, хотя можетъ быть не мысль, а только нѣкоторыя выраженія для рѣчи, то отъ чего же они объ этомъ, въ извѣстномъ смыслѣ похвальномъ своемъ поступкѣ ни словомъ не упомянули въ донесеніяхъ государю? Если же, напротивъ, послы въ своемъ донесеніи вздумали переиначивать не только смыслъ, но даже только слова рѣчи Богдана Хмельницкаго, то какая могла быть этому цѣль, кого они хотѣли этимъ обмануть — государя, Посольскій приказъ, потомство? Не стоитъ и отвѣчать на подобные вопросы.

X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По поводу обвиненій Богдана Хмельницкаго въ безвѣріи и безнравственности.

Г. Кулишъ въ своемъ сочиненіи „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ постоянно твердитъ и всюду проводитъ мысль, что Богданъ Хмельницкій и его запорожцы совсѣмъ не думали о православной вѣрѣ и только схватились за ея знамя потомъ, какъ за средство, подъ видомъ защиты вѣры, къ дальнѣйшему грабежу; что касается лично Богдана Хмельницкаго, то онъ будто бы придумалъ для своихъ разбойниковъ какъ это религіозное знамя, такъ потомъ и московское подданство, пожалуй, еще изъ чувства самосохраненія.—Можно что угодно и въ какую угодно сторону истолковать и извратить; поэтому въ настоящемъ Объясненіи мы не будемъ подробно опровергать эту новую мысль г. Кулиша, мысль оскорбительную прежде всего для самихъ же малороссіянъ, и скажемъ только нѣсколько словъ вообще по поводу обвиненій Богдана Хмельницкаго въ безвѣріи и въ безнравственности.

Богданъ Хмельницкій по своему времени былъ человѣкъ образованный и, даже по сознанію самого г. Кулиша, „принадлежалъ къ людямъ интеллигентнымъ“ (къ этому г. Кулишъ еще прибавляетъ: „но іезуитскаго воспитанія“, *т. II, стр. 286);* былъ ли онъ при этомъ человѣкъ дѣйствительно вѣрующій, мы не знаемъ: чужая душа потемки. Богданъ Хмельницкій исполнялъ и уважалъ церковные обряды, а его безукоризненное отношеніе къ православному духовенству и особенно къ кіевской церковной іерархіи, которая была положительно враждебна его дѣлу, и наконецъ всѣмъ извѣстныя его заботы о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей,—все это, кажется, свидѣтельствуетъ не за мнѣніе г. Кулиша. Конечно, терпѣливое и снисходительное отношеніе Богдана Хмельницкаго къ митрополиту Сильвестру Коссову съ това-

рищи можно объяснить политическими соображеніями; но къ остальному относительно православной вѣры и церкви его ничто не обязывало. Что касается соратниковъ Богдана Хмельницкаго, запорожскихъ козаковъ, отъ которыхъ его отдѣлить навсегда невозможно, то объ ихъ разбойныхъ безобразіяхъ и грабежахъ, при полнѣйшемъ неуваженіи къ православной церкви, столько писано (конечно всѣхъ краснорѣчивѣе и злѣе г. Кулишомъ) и издано достовѣрныхъ источниковъ, что защищать ихъ, какъ убѣжденныхъ ревнителей православія, кажется, на первый взглядъ невозможно. Г. Кулишъ утверждаетъ, что запорожскіе козаки были готовы сражаться изъ-за добычи подъ какимъ угодно знаменемъ: „козакъ въ своемъ добычномъ промыслѣ не разбиралъ вѣръ и народностей, какъ и татаринъ; лучшей славы для него не было, какъ устрашать всѣ народы и грабить ихъ имущество" (*т. II, стр. 347 и III, стр. 105*). Въ отвѣтъ на это замѣтимъ, что, кажется, никому и въ голову не приходило поднять козаковъ безъ обмана для борьбы за католическую вѣру и особенно противъ православія, какіе бы разбойные интересы ни представляла эта борьба. Въ этомъ отношеніи козаки являлись противуположностью наемнымъ солдатамъ, составлявшимъ главную силу и ядро государственныхъ польскихъ войскъ и воинства князя Вишневецкаго: эти воспитанники лагерей Валленштейна и Густава Адольфа за деньги сражались подъ какимъ угодно знаменемъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что у этихъ наемниковъ, о которыхъ г. Кулишъ выражается обыкновенно съ уваженіемъ, запорожскимъ козакамъ и кромѣ военнаго дѣла многому нужно было поучиться: козаки Богдана Хмельницкаго, большею частію мужики отъ сохи, относительно безобразій должны были до многаго своимъ умомъ доходить, но у героевъ тридцатилѣтней войны грабежъ и человѣкоистребленіе въ самой безобразной формѣ были разработаны положительно въ науку. Козаки считали себя защитниками православной вѣры посвоему, по-козацки; что же касается ихъ разбойнаго способа веденія войны и тѣхъ безобразій, которыя они при этомъ творили, то разбойный способъ веденія войны (напрасно ужъ очень бранятъ этотъ способъ) есть одна изъ формъ, ничѣмъ не худшая всѣхъ другихъ формъ войны. Относительно безобразій, оставивъ въ сторонѣ даже и то, что тогда дѣлалось будто бы регулярными войсками въ тридцатилѣтнюю войну, и не пускаясь вообще по этому поводу ни въ какія разсужденія, мы только попросимъ г. Кулиша, пусть онъ намъ укажетъ самое дисциплинированное христолюбивое воинство, къ которому бы, особенно во время войны, не было полностію приложимо старое изреченіе: „идѣже вои, не умрутъ, аще не согрѣшатъ". За симъ не най-

детъ ли возможнымъ г. Кулишъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: черниговскіе и полтавскіе крестьяне 1708—9 годовъ—разбойники? смоленскіе и московскіе крестьяне 1812 года—разбойники? какая разница между соратниками Кутузова Денисомъ Давыдовымъ, Фигнеромъ и К° съ одной стороны и соратниками Богдана Хмельницкаго Богуномъ, Нечаемъ съ товарищи съ другой?

Политическая карьера, которая выпала на долю Богдана Хмельницкаго, принадлежитъ къ числу такихъ, какія выпадаютъ въ продолженіе вѣковъ только одному изъ многихъ сотенъ милліоновъ людей, да и Богданъ Хмельницкій сознавалъ совершившееся надъ нимъ чудо, о которомъ онъ и не мечталъ: „я человѣкъ ничтожный, но такъ Богъ судилъ". Вполнѣ согласны съ тѣмъ, что въ самомъ началѣ возстанія Богданъ Хмельницкій, а тѣмъ болѣе его соратники всего менѣе думали о вѣрѣ. Рѣшившись бѣжать на Запорожье, а затѣмъ скрываясь въ днѣпровскихъ трущобахъ, въ сказочномъ Лукоморьѣ, Богданъ Хмельницкій прежде всего спасалъ свою собственную голову, въ мысляхъ же у него могло быть только одно—месть: у него у старика имѣніе отняли, раззорили, самого чуть не убили, а одного изъ его сыновей, десятилѣтняго мальчика, плетьми засѣкли! Какъ ни хорошо зналъ Богданъ Хмельницкій всѣ слабыя стороны польской власти въ Малороссіи, но все-таки мечтать о такихъ блестящихъ успѣхахъ, какіе ему удались въ самомъ же началѣ возстанія, онъ не могъ. Мечтать отомстить Рѣчи Посполитой за такіе порядки, при которыхъ могутъ совершаться подобныя неправды, какія случились съ Богданомъ Хмельницкимъ,—было просто нелѣпостію; да къ тому же онъ на своемъ вѣку видѣлъ много всякихъ неудачныхъ козацкихъ возстаній, въ которыхъ, вѣроятно, и самъ участвовалъ. Но съ другой стороны, Богданъ Хмельницкій могъ быть вполнѣ основательно (пожалуй, по-разбойничьи), убѣжденнымъ, что ему удастся набрать столько запорожской голытьбы, чтобы въ свое удовольствіе расправиться съ личными обидчиками въ родѣ Чаплинскаго. Православная вѣра была тутъ дѣйствительно ни при чемъ; да и какъ было тутъ говорить о вѣрѣ, еслибы даже Богданъ Хмельницкій о ней тогда и думалъ? Единственная опора въ просьбахъ и требованіяхъ отъ поляковъ у всѣхъ русскихъ людей могла быть только одна—опора на силу, угроза местію; у бѣглаго Богдана Хмельницкаго ничего этого не было. Но какъ только дѣла на Запорожьѣ пошли для него благопріятно, то онъ тотчасъ же подаетъ жалобу на свои личныя обиды, въ которой сейчасъ же и начинаетъ грозить, но и то только въ общихъ покуда фразахъ: „Хмельницкій бѣжалъ въ низовья Днѣпра къ тѣмъ, которые подобно ему были обижены, и

они избрали его себѣ вождемъ". Г. Кулишъ, кажется, ошибочно относитъ подачу этой жалобы ко времени послѣ Желтоводской битвы; она была послана ранѣе этого событія изъ Запорожья. За симъ, говоря вообще объ этомъ времени, онъ торжественно заявляетъ, что „о вѣрѣ, конькѣ нашихъ историковъ, никто ни слова" (*т. II, стр. 155 и 162*); совершенно вѣрно, но только съ другой стороны, потому что даже и послѣ Желтоводской битвы говорить о вѣрѣ было еще не время. Но за то, какъ только Богданъ Хмельницкій сосчитался за свои обиды, даже болѣе чѣмъ ожидалъ, и сталъ дѣйствительною силою, то немедленно высказалъ и свою новую програму, заговорилъ о вѣрѣ. Въ инструкціи козацкимъ посламъ, поданной на сеймѣ въ Варшавѣ 17 іюля 1648 года, въ 14 пунктѣ говорится: „просятъ о духовенствѣ древней религіи греческой, дабы оно оставалось неприкосновеннымъ, чтобы святыя церкви, насильно присоединенныя къ уніи, опять могли оставаться при своихъ стародавнихъ правахъ". Г. Кулишъ объясняетъ, что на мысль дать религіозную окраску своему бунту навелъ Богдана Хмельницкаго іерусалимскій патріархъ Паисій (*т. II, стр. 330*); но источники, которые приводитъ и самъ г. Кулишъ, прямо говорятъ, что гетманъ свидѣлся съ патріархомъ „въ первыхъ числахъ генваря мѣсяца 1649 года", т.-е. полгода спустя, какъ уже написанъ былъ сейчасъ приведенный пунктъ козацкой инструкціи (*Пам. К. К. т. I, отд. IV №№ 1, 25, 57 и стр. 336*). По поводу же этого самаго пункта г. Кулишъ, для подтвержденія своей мысли, замѣчаетъ (*т. II, стр. 223*), что, хотя онъ и былъ написанъ въ козацкой инструкціи, но на сеймѣ козацкіе послы „или не хотѣли, или не умѣли заговорить о дѣлахъ церкви и вѣры". Мы не знаемъ, почему запорожцы не открыли на варшавскомъ сеймѣ богословскихъ диспутовъ,—вѣроятно, потому что не умѣли, а можетъ быть ихъ до этого не допустили; но все это ничего не доказываетъ кромѣ того, что козаки какъ только почувствовали себя силой, то и заговорили, какъ умѣли, о вѣрѣ.

Мы совсѣмъ не утверждаемъ, чтобы идея борьбы за вѣру непремѣнно принадлежала Богдану Хмельницкому. Появившись весной 1648 года на Украйнѣ побѣдителемъ, но все-таки разбойникомъ, онъ немедленно схватился за единственное знамя, именно религіозное, которое могло связывать козаковъ съ мирнымъ населеніемъ Малороссіи, во всемъ остальномъ не сочувствовавшемъ запорожцамъ. Но полагаемъ, что помимо заботъ получить благовидное оправданіе своимъ разрушительнымъ подвигамъ, идея борьбы за вѣру была для козаковъ старымъ притязаніемъ; трудно себѣ представить, чтобы они вновь до-

думались до мысли о необходимости говорить о православной вѣрѣ въ теченіе какого-нибудь мѣсяца послѣ первыхъ своихъ военныхъ успѣховъ. Слухъ о томъ, что козаки „воюютъ за вѣру“, появился во всей западной Россіи, Польшѣ, а потомъ и въ Москвѣ, еще ранѣе того, какъ козаки о томъ сами заявили. Эти всеобщіе толки г. Кулишъ (*т. II, стр. 188*) называетъ „нелѣпымъ слухомъ“; но однакоже съ чего-нибудь эту „нелѣпость“ всѣ стали повторять? Мало того, мы готовы признать, что первыми объ этомъ заговорили папы и ихъ сторонники: имъ лучше чѣмъ кому-либо было знать свои собственные грѣхи. А за симъ, мы даже готовы признать и то, что эти всеобщіе толки навязали и самому Богдану Хмельницкому мысль объявить себя и своихъ соратниковъ борцами за вѣру. Но все это нисколько не уменьшаетъ славы и заслугъ Богдана Хмельницкаго потому, что онъ, разъ ухватившись за религіозное знамя, потомъ уже никогда не выпускалъ его изъ рукъ; онъ держался за него точно также крѣпко, какъ и за другое знамя, за которое онъ одновременно съ этимъ схватился, именно за московское подданство. Мысль взять въ свои руки и послѣднее знамя точно также не принадлежала всецѣло Богдану Хмельницкому: она принадлежала давно всему малороссійскому народу, онъ же только умѣлъ воспользоваться, выдержать и привести въ исполненіе эту мысль. За это-то Богданъ Хмельницкій, и только исключительно за это,—великій историческій дѣятель.

Если человѣкъ не вѣруетъ въ Бога, то вѣруетъ въ черта, во всякомъ случаѣ непремѣнно во что-нибудь да вѣруетъ; г. Кулишъ, кажется, хочетъ доказать, что Богданъ Хмельницкій вѣровалъ не въ Бога, а именно въ черта, въ колдовство. По этому случаю дѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ сочиненія г. Кулиша, относящихся къ этому предмету, предупредивъ читателя, что авторъ очень страшно описываетъ душевныя мученія гетмана, которымъ тотъ иногда подвергался среди своихъ кровавыхъ и пьяныхъ подвиговъ (*т. II, гл. XV и XIX*). Г. Кулишъ разсказываетъ, что послѣ первыхъ своихъ военныхъ успѣховъ 1648 года Богданъ Хмельницкій будто бы „окружалъ себя то странствующими монахами, то колдуньями и ворожеями“, а за симъ къ началу 1649 года, воротившись на Украйну, гетманъ находился въ какомъ-то умопступленіи......

„Весело возвращались козаки на Украину, предводимые козацкимъ Батькомъ, какъ справедливо стали называть Хмельницкаго, но не весело было на душѣ у козацкаго Батька. Тайный голосъ говорилъ ему, что не разбоемъ обезпечивается будущность даже и такого общества, къ какому принадле-

жалъ онъ, что не кровавыми замыслами успокоивается разъ мученное обидою сердце.... Его томили противорѣчія величкости и ничтожества его подвиговъ, высоты и низости его положенія, мыслей о безсмертной славѣ и сознанія несовмѣстимой съ нею подлости.... и какъ слѣдствіе всего этого, безмѣрное пьянство дѣлали Хмельницкаго лютымъ звѣремъ и самымъ несчастнымъ человѣкомъ.... То онъ постился, то молился въ древнихъ, созданныхъ и облагодѣтельствованныхъ панскимъ сословіемъ храмахъ и лежалъ по цѣлому часу ницъ передъ образами, то на мѣсто избраннаго въ средѣ избранныхъ духовнаго отца призывалъ къ себѣ трехъ вѣдьмъ которыя постоянно находились при его особѣ и даже въ походѣ..... на него имѣло вліяніе дьявольское запугиванье со стороны вѣдьмъ, безъ котораго не могли онѣ удерживать за собою мѣсто свое“.... Одинъ польскій шпіонъ „доносилъ изъ Украйны, что Хмѣль смѣнилъ многихъ полковниковъ, узнавъ отъ ворожеи, что имъ не будетъ уже „счастить козацкая доля“, себя же онъ считалъ фортуннѣйшимъ..... Долго спалъ Хмельницкій, ибо допивалъ съ колдуньями, которыя часто занимаютъ его досуги и обѣщаютъ ему счастье на войнѣ еще и въ этомъ году“....

Приведя здѣсь эту встрѣченную нами у г. Кулиша давно утраченную страницу изъ „Битвы Русскихъ съ Кабардинцами“, мы снова должны сознаться, что „курскіе помѣщики хорошо пишутъ“.—Не будемъ возражать противъ того, что говорилъ „тайный голосъ“ Богдану Хмельницкому, такъ какъ по извѣстнымъ намъ источникамъ совершенно не посвящены въ то, что онъ ему говорилъ; но вмѣсто этого скажемъ только то, что знаемъ. Г. Кулишъ, упрекая другихъ въ собираніи сплетенъ и басенъ о Богданѣ Хмельницкомъ, самъ дѣлаетъ тоже, когда эти сплетни даютъ ему возможность подтвердить излюбленныя свои идеи; такъ въ настоящемъ случаѣ о колдуньяхъ онъ полностію повторяетъ сплетню, сообщенную, а всего вѣрнѣе сочиненную поляками о заклятомъ своемъ врагѣ. Разсказъ о колдуньяхъ между прочимъ находится въ дневникѣ польскихъ коммиссаровъ, ѣздившихъ въ Войско Запорожское для переговоровъ съ гетманомъ (*Пам. К. К. т. III, отд. IV № 57*); но и тамъ эта сплетня выставлена какъ-то не такъ рельефно, какъ у г. Кулиша: поляки, какъ бы въ дополненіе и поясненіе сообщаемыхъ ими разнообразныхъ извѣстій, разсказываютъ, что тогда Богданъ Хмельницкій чуть не цѣлый мѣсяцъ безпросыпу пьянствовалъ и въ этомъ-то пьяномъ состояніи призывалъ къ себѣ воро-

жей. Если въ этомъ польскомъ разсказѣ признавать все за достовѣрное, то мы убѣждены, что г. Кулишъ съ нами согласится: кажется естественно, что при подобномъ запоѣ, даже и съ запорожскими нервами, можно достигнуть такого восторга, что не только будешь валяться на церковныхъ помостахъ въ пьяной молитвѣ, а за симъ совѣщаться съ кіевскими вѣдьмами, но, пожалуй, въ заключеніе на одной изъ нихъ тебя и женятъ, что, какъ извѣстно, по разсказу тѣхъ же поляковъ, дѣйствительно тогда и случилось съ Богданомъ Хмельницкимъ. По поводу этой будто бы вѣры Богдана Хмельницкаго въ колдовство не мѣшало бы, кажется, г. Кулишу принимать во вниманіе еще и слѣдующее: пусть онъ намъ разыщетъ въ XVII вѣкѣ искренно вѣрующаго въ Бога русскаго человѣка (Великія или Малыя Россіи—все равно), который при этомъ не вѣрилъ бы и въ колдовство? За симъ, г. Кулишъ въ своихъ сравненіяхъ историческихъ событій любитъ часто обращаться къ древней русской исторіи, къ дѣламъ князей, богатырей; поэтому не лучше ли было, по поводу сплетни о колдуньяхъ, сравнить Богдана Хмельницкаго съ тѣми соратниками этихъ князей, которые не вѣрили „ни въ сонъ, ни въ чохъ, а только въ свой булатный мечъ“.

То, что г. Кулишъ внимательно изучалъ польскіе источники и хорошо знакомъ съ польской исторической литературой, относящейся до времени Богдана Хмельницкаго, это конечно похвально. Мы такъ же ничего не имѣемъ противъ того, что онъ знакомитъ русскую публику съ этой литературой, выписывая въ свое сочиненіе иногда по нѣскольку страницъ изъ польскихъ историковъ; это послѣднее, впрочемъ, показываетъ, насколько трудъ г. Кулиша самостоятельное сочиненіе. Русская или, точнѣе сказать, московская историческая литература, какъ мы уже говорили, для литераторовъ изъ малороссіянъ не заслуживаетъ такого вниманія: она для нихъ почти что не существуетъ; не заслуживаютъ для г. Кулиша должнаго вниманія даже и тѣ московскіе достовѣрные источники, которые онъ самъ же издалъ. Но не смотря на все это мы еще болѣе того скажемъ, что и безъ московскихъ источниковъ, даже только по однимъ польскимъ, можно писать исторію Богдана Хмельницкаго, — такъ они обильны содержаніемъ. Польскіе источники еще тѣмъ драгоцѣнны, что состоятъ не изъ однихъ такъ-сказать оффиціальныхъ документовъ; среди нихъ встрѣчаются и совсѣмъ неоффиціальные, напримѣръ, записки современниковъ. Но при такомъ условіи отъ историка естественно потребуется, чтобы онъ постарался быть безпристрастнымъ и освободился отъ односторонности, а главное отъ тенденціи, которою

проникнуты всѣ эти польскіе источники. Но здѣсь точно нарочно ненависть поляковъ къ врагу, который дѣйствительно разрушилъ ихъ благополучіе и государство, совпадаетъ еще съ большею ненавистью къ нему малоросса г. Кулиша, которому, неизвѣстно, что такое непріятное сдѣлалъ Богданъ Хмельницкій. Однако же, если ужъ вѣрить разсказамъ поляковъ о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ это дѣлаетъ г. Кулишъ, и приводить, хотя бы и съ оговоркой, въ числѣ историческихъ извѣстій застольные разговоры короля Яна Казимира, который оказывается главнымъ распространителемъ всѣмъ извѣстныхъ теперь разсказовъ о пьянствѣ Богдана Хмельницкаго, о грязныхъ его любовныхъ похожденіяхъ, то, кажется, не мѣшаетъ, на основаніи общихъ научныхъ порядковъ, провѣрить эти извѣстія по другимъ противоположнымъ источникамъ, если есть возможность и таковые существуютъ. Таковыми опять-таки оказываются все тѣ же московскіе источники, съ которыми, какъ мы уже въ началѣ говорили, г. Кулишъ знакомъ только, такъ сказать, на половину изъ того, что можетъ быть всѣмъ извѣстно и доступно. Донесенія московскихъ посланниковъ изъ Войска Запорожскаго и изъ Польши также многообильны содержаніемъ, какъ и польскія донесенія; но здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что они представляютъ такую противоположность содержанія донесеніямъ польскихъ посланниковъ, что иногда можно подумать, что москвичи читали польскія донесенія и нарочно въ своихъ написали все противоположное. У поляковъ все изложено весьма литературно, что чрезвычайно подкупаетъ читателя, а за симъ злоба, ложь и клевета всюду до того, что описывая безобразіе врага, авторы донесеній не замѣчаютъ, какъ выставляютъ на посмѣшище свой собственный позоръ, по ихъ же словамъ вполнѣ заслуженный. У москвичей же читаемъ только въ самой оффиціальной приказной формѣ спокойное описаніе того, что они видѣли и слышали.

Еслибы не было польскихъ подробныхъ разсказовъ о пьянствѣ Богдана Хмельницкаго, объ его развратѣ, безвѣріи и т. п., то извѣстій объ этомъ разыскивать въ донесеніяхъ московскихъ посланниковъ, пожалуй, не пришло бы никому въ голову. Взглядъ поляковъ на Богдана Хмельницкаго довольно точно опредѣляется словами современника, которыя и приводитъ г. Кулишъ въ своемъ сочиненіи (*т. III, стр. 143*): „одной головы Хмельницкаго съ его столь быстрымъ умомъ было достаточно, чтобы причинить Рѣчи Посполитой такія тяжкія страданія, того Хмельницкаго, о которомъ всѣ знали, что онъ былъ такой великій пьяница, что никогда не просыпался". По поводу этихъ словъ поляка о Богданѣ Хмельницкомъ остается только привести

извѣстную пословицу: „пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ“. Г. Кулишъ не довольствуется подобными чужими характеристиками и какъ бы въ дополненіе къ словамъ поляка у него читаемъ: „Хмельницкій въ пьянствѣ находилъ лѣкарство отъ удручающей грусти; несчастный любовникъ чужой жены, онъ заглушалъ свою досаду пьянствомъ“ (*тамъ же стр. 220 и 224*). Опять, откуда только все это знаетъ г. Кулишъ, что Богданъ Хмельницкій лѣчился горилкой отъ грусти? Какъ по разсказамъ поляковъ Богданъ Хмельницкій ругался и безобразничалъ въ пьяномъ видѣ надъ ихъ послами, это всѣмъ извѣстно; теперь же приведемъ московское извѣстіе, описывающее гетмана въ пьяномъ состояніи, замѣтивъ при этомъ, что оно чуть ли не единственное изъ извѣстныхъ намъ источниковъ за девять лѣтъ, гдѣ прямо говорится, что гетманъ былъ *пьянъ*. Въ донесеніи подьячаго Ивана Ѳомина (*Акт. Южн. и Зап. Р. т. III., стр. 505—507*) читаемъ: „да августа въ 19 день (1653 года) пришелъ къ Ивану на дворъ суботовскій атаманъ Лавринъ Капуста и сказалъ: прислалъ меня гетманъ къ тебѣ Ивану, чтобы царскаго величества ты, посланникъ, изъ Суботова не уѣзжалъ, а гетманъ-де ужо ѣдетъ изъ Суботова въ Войско и къ тебѣ на дворъ заѣдетъ поговорить о государевыхъ дѣлахъ. И того жъ числа гетманъ Богданъ Хмельницкій вышелъ изъ двора своего, у церкви Воскресенія Христова молебное пѣніе слушалъ, а слушавъ молебнаго пѣнія, отъ церкви гетманъ ѣхалъ къ Иванову двору. И Иванъ гетмана встрѣтилъ у воротъ и билъ челомъ ему, чтобы онъ поѣхалъ на дворъ. И гетманъ на дворъ поѣхалъ, а слѣзъ съ лошади *пьянъ* у воротъ и пошелъ на дворъ пѣшъ, а за нимъ всѣ козаки и его люди, слѣзши съ лошадей, шли на дворъ пѣши жъ. И пришедъ гетманъ на дворъ *сѣлъ*. И Иванъ гетману билъ челомъ, чтобы онъ пошелъ въ сѣни и въ свѣтлицу. И гетманъ въ сѣни и свѣтлицу пошелъ; а пришедъ, помолясь святому образу, сѣлъ за столомъ и сталъ говорить прежнія свои рѣчи съ большимъ прошеніемъ *и со слезами* многожды и билъ челомъ, чтобы великій государь милость надъ ними показалъ, изволилъ ихъ принять подъ свою высокую руку въ вѣчное холопство. А послѣ разговоровъ Иванъ гетмана и козаковъ у себя подчивалъ; и побывъ гетманъ у Ивана поѣхалъ въ Войско, а Иванъ проводилъ его до воротъ“. Этотъ разсказъ москвича наводитъ на мысль, что Богданъ Хмельницкій на самомъ дѣлѣ былъ не такой дикій звѣрь, даже и въ пьяномъ состояніи, какъ его описываютъ враги; естественно предположить, что въ подобныхъ случаяхъ, какъ переговоры съ польскими послами, гетманъ нарочно заряжалъ себя горилкой, чтобы достойнымъ образомъ принять своихъ бывшихъ

обидчиковъ и повелителей. Извѣстный же разсказъ о томъ, что Крымскій ханъ (въ то время готовый, какъ союзникъ, при первомъ же случаѣ измѣнить), приглашенный посѣтить козацкій таборъ подъ Берестечкомъ, вмѣсто того чтобы торжественно быть встрѣченнымъ самимъ гетманомъ, нашелъ, что тотъ пьяный спитъ,—этотъ поступокъ, если онъ достовѣренъ, со стороны Богдана Хмельницкаго идеалъ дипломатическаго шика, хотя и въ козацкой формѣ. Вообще Богданъ Хмельницкій всегда зналъ, что дѣлаетъ, и умѣлъ собою владѣть во всякомъ состояніи и при всякихъ обстоятельствахъ.

Всѣмъ извѣстны отвратительные подробные польскіе разсказы о вѣнчаніи Богдана Хмельницкаго со второй его женой и объ ея кончинѣ. Мы не считаемъ нужнымъ ихъ здѣсь приводить; да къ тому же по поводу послѣдняго событія г. Кулишъ признаетъ (*т. III, стр. 216—224*), что источникомъ такихъ извѣстій,—будто бы казни Тимоѳеемъ Хмельницкимъ своей мачихи,—служатъ разсказы короля Яна Казиміра, а не что-либо иное; при этомъ онъ заявляетъ, что такую басню придумалъ или самъ Янъ Казиміръ, „или помогли ему и здѣсь готовые на все іезуиты". Но замѣчательно, что сдѣлавши такую оговорку, г. Кулишъ все-таки пользуется этими извѣстіями для того, чтобы по поводу ихъ наградить читателя такими литературными картинами, которыя мы здѣсь и выписываемъ, какъ новость.

Послѣ всѣхъ своихъ блестящихъ успѣховъ „Хмельницкій бывалъ, что называется, не при себѣ: то лежалъ ницъ на церковномъ помостѣ, то предавался мертвому пьянству (Здѣсь или г. Кулишъ повторяется, или, значитъ, въ серединѣ 1651 года съ гетманомъ по Кулишу повторилось тоже, что было съ нимъ въ началѣ 1649 г.). Наблюдавшіе поступки Хмельницкаго въ таборѣ подъ Берестечкомъ описываютъ его полусумасшедшимъ. Онъ бродилъ по табору, самъ не зная зачѣмъ; вдругъ какъ будто проснувшись, изрыгалъ кровавыя повелѣнія, возставалъ противъ правительствъ и народовъ, отвергая всяческіе законы общественной жизни, кощунствовалъ, проклиналъ и снова впадалъ въ апатію, а потомъ предавался обычному пьянству на цѣлые дни и ночи". Такъ какъ кончина супруги гетмана относится къ самымъ первымъ числамъ мая 1651 года, а пребываніе въ лагерѣ подъ Берестечкомъ къ іюню того же года, то можно предположить, что все это случилось съ Богданомъ Хмельницкимъ подъ впечатлѣніемъ этой тяжкой для него семейной потери. Но г. Кулишъ не ограничивается приведенными фантазіями; воображеніе его настолько сильно, что вотъ еще что онъ пишетъ: „несомнѣнно одно, что Хмельниц-

кій нашелъ въ женщинѣ, которую любилъ, то, что Шекспировъ Троилъ въ Кресильдѣ... Нагроможденныя въ Суботовѣ и Чигиринѣ сокровища требовали для своей охраны дракона. Въ качествѣ таковаго Хмельницкій приставилъ къ своему золотому рупу своего достойнаго сына Тимоѳея. Какого рода была между отцомъ и сыномъ переписка, да и была ли, этого нельзя сказать... но драконъ въ одинъ прекрасный день получилъ повелѣніе быть палачемъ своей мачихи, и козацкой Кресильды не стало. Кто знаетъ, какую роль разыгралъ въ семейной драмѣ Тимко Хмельниченко? Въ жаждѣ богатства и власти онъ могъ быть похожъ на отца. Между нимъ и отцомъ стояла женщина, пользовавшаяся вліяніемъ... Старый любовникъ вѣритъ клеветѣ скорѣе молодаго, а такія грязныя личности, какъ Богданъ Хмельницкій, способны въ мрачную минуту мстить и за чужую вину, не только за собственную"... и т. п.

Еслибы г. Кулишъ писалъ историческій романъ, то ему была бы, пожалуй, полная воля фантазировать, сколько угодно; но онъ пишетъ историческое сочиненіе съ претензіей на его научное значеніе; въ приведенныхъ же сейчасъ изъ него выписокъ, и безъ опроверженій съ нашей стороны, читатель можетъ видѣть, что онъ наговорилъ всякихъ, неоснованныхъ даже на польскихъ извѣстіяхъ, предположеній о семейныхъ отношеніяхъ Хмельницкихъ, между прочимъ смѣшалъ событія въ одну груду, нѣсколько мѣсяцевъ превратилъ въ одинъ день и т. п. Но надругавшись всласть надъ Богданомъ Хмельницкимъ, г. Кулишъ этимъ еще не ограничивается; онъ въ заключеніе нашелъ нужнымъ попрекнуть другаго такого же, какъ и онъ, тенденціознаго историка-романиста Костомарова, въ томъ, что „публичное разоблаченіе семейной драмы прилично только малорусскимъ панегиристамъ (Богдана Хмельницкаго) да польско-русскимъ панамъ".

Теперь обратимся къ московскимъ извѣстіямъ. Изъ донесенія Ѳомина мы видѣли, что у козаковъ передъ выступленіемъ въ походъ совершается въ храмѣ „молебное пѣніе"; самъ гетманъ, входя въ свѣтлицу, „молится святому образу". За симъ въ донесеніяхъ нѣкоторыхъ московскихъ посланниковъ (въ отчетахъ о расходѣ государевой соболиной казны) встрѣчаются такія случайныя извѣстія: „данъ соболь Спасскому попу Левонтію, гетманову отцу духовному". О вѣдьмахъ, которыя по г. Кулишу будто бы постоянно находились въ гетманскомъ штатѣ, у москвичей нигдѣ не упоминается. Что касается супру-

ги гетмана, по поводу которой составилось столько баснословія, въ московскихъ извѣстіяхъ встрѣчаются о ней упоминанія, но только въ слѣдующей формѣ. Отъ конца 1649 года: „да гетманова жена говорила Григорью (Неронову, посланнику), что дѣтямъ его (т.-е. ея пасынкамъ Тимоѳею и Юрію) дано государева жалованья по парѣ соболей, а ей государева жалованья нѣтъ. И гетмановой женѣ дана пара соболей въ 10 же рублевъ“. Отъ конца 1650 года въ одномъ изъ указовъ посланнику Унковскому сказано: „да указалъ государь послать соболей на раздачу парами на 100 рублевъ 10 паръ, а дать ему изъ тѣхъ соболей государева жалованья гетманскому сыну, который посланъ съ черкасы на Донъ 2 пары, да отъ себя имъ дать гетманской женѣ 2 пары“. Замѣтимъ въ поясненіе этого указа Унковскому, и то въ виду польскихъ разсказовъ объ этой гетманской женѣ, что посланнику предписывается Тимоѳею Хмельницкому выдать жалованья *отъ государя*, а гетманской женѣ *отъ себя*. Объ исполненіи этого указа въ отчетѣ Унковскаго сказано кратко: „да гетмановѣ женѣ *послана* пара“ (*Акт. Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, стр. 318, 330 и 357*). Всѣ сейчасъ приведенныя московскія извѣстія легкой пищи для воображенія, можетъ быть, даютъ и весьма мало; но все-таки они, надо полагать, настолько важны, что относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ положительно невозможно. О кончинѣ второй супруги гетмана въ московскихъ источникахъ также встрѣчается извѣстіе; въ донесеніи къ государю греческаго монаха, московскаго агента, объ его пребываніи въ Войскѣ Запорожскомъ читаемъ (*тамъ же т. III, стр. 452*): „мая въ 10 день (1651 года) пришла къ гетману вѣсть, что не стало жены его *), и о томъ гетманъ былъ зѣло кручиненъ. И я ходилъ къ нему о той его кручинѣ разговаривать“. И только. Здѣсь замѣтимъ, что московскія извѣстія о событіяхъ въ Малороссіи за май и іюнь мѣсяцы 1651 года чрезвычайно подробны; поэтому, если въ польскихъ разсказахъ и фантазіяхъ г. Кулиша о второй супругѣ Богдана Хмельницкаго и есть что-нибудь достовѣрное, то можно только удивляться, почему въ московскихъ источникахъ не проскользнуло ничего подобнаго въ ихъ тонѣ.

—

*) Укажемъ, что по польскимъ источникамъ (*у Кулиша т. III, стр. 217*) „извѣстіе о казни Чаплинской пришло къ королю 9 римскаго іюня, когда онъ стоялъ еще подъ Сокалемъ“.

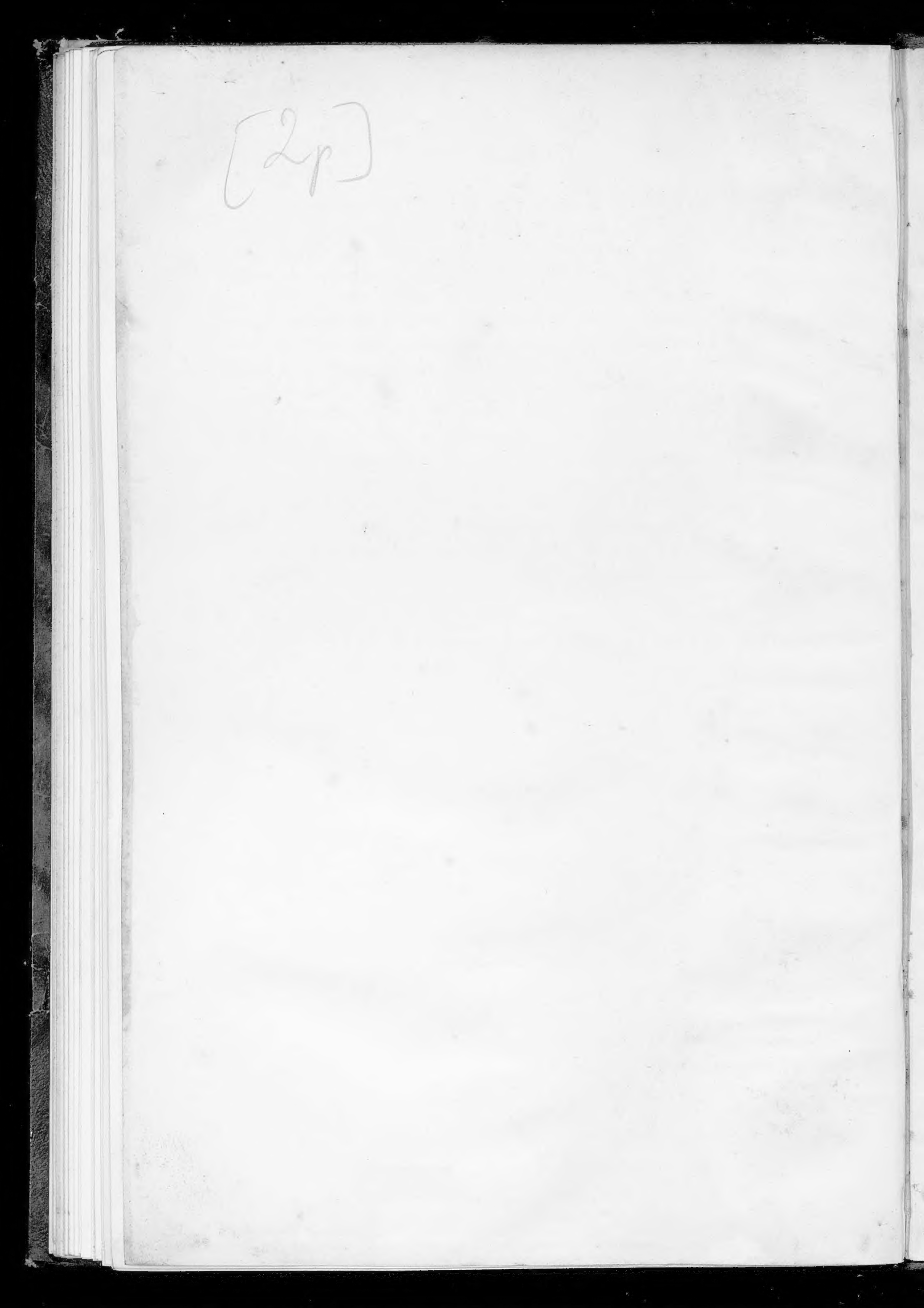
Заканчивая наши Объясненія по поводу сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, считаемъ себя обязанными высказать кротко и точно теперешній собственный нашъ взглядъ на Богдана Хмельницкаго. Но мы какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда начали свои труды по исторіи Малороссіи и высказали тогда же свой взглядъ на Богдана Хмельницкаго, такъ и теперь остаемся при прежнемъ своемъ мнѣніи; наши идеалы не Вишневецкій и Жолкевскій, не Стенька Разинъ и Пугачевъ, а

„Богданъ Хмельницкій, Вильгельмъ Оранскій, Вашингтонъ и имъ подобные, истинные представители своего народа, борцы за свободу и убѣжденія противъ деспотизма, отсталости и насилія; все это одни и тѣ же лица, одни и тѣ же герои; одного и того же добивались и добились, одинаковыми средствами дѣйствовали—одинаковую славу и заслуживаютъ... Народъ, могущій выставить изъ себя Богдана Хмельницкаго и не отступать въ продолженіе вѣковъ, и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, отъ разъ высказаннаго своего обѣщанія—„Боже утверди! Боже укрѣпи! чтобъ есми во вѣки вси едино были“—такой народъ заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія и уваженія“...

Мартъ—октябрь 1889 года.
Сушнево—Москва.

[2p]

